

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2005

ISSN 0131-2812

Современный политический курс
руководства КНР

•
Военная политика Китая

•
Перспективы добычи нефти и газа
на Дальнем Востоке России

•
Ученые РФ и РК об актуальных
проблемах Корейского полуострова

•
Международная научная
конференция "Китай, китайская
цивилизация и мир"

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2005

Ноябрь - Декабрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- В.Портяков.* Основные особенности современного политического курса китайского руководства..... 5
П.Каменнов. Военная политика КНР и ее тайваньский аспект..... 15

К 40-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

- Л.Гудошников.* Исследование политико-юридических проблем Китая в ИДВ РАН..... 31
Р.Мировицкая, В.Барышников. Геннадий Васильевич Астафьев — один из основателей Института Дальнего Востока..... 43

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- А.Коржубасв.* Перспективы добычи нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России..... 46

ЭКОНОМИКА

- Л.Аносова.* VI российско-китайский симпозиум ученых-экономистов..... 61
А.Лопатина. Проблема передачи современных технологий из США в Китай (окончание)..... 69

© Российская академия наук, 2005 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2005 г.

3-ч экз

ОБЩЕСТВО

- Л.Гудошников, К.Кокарев. Развитие теории права в Китае (К юбилею профессора Сунь Гохуа)..... 83
О.Почагина. Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае (окончание)..... 91

ИСТОРИЯ

- Н.Моллеров. Урянхайский край (Тува): от объекта внешней политики — к статусу субъекта международного права (1917-1921 гг.)..... 106
Л.Березный. К истории “деревенского маршрута” китайской революции: современные тенденции в западной историографии (окончание)..... 126
Ки Кван Со. Из истории формирования вооруженных сил Северной Кореи (1945-1950)..... 134

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Г.Куликова, Т.Турчак. Торжественное собрание, посвященное 60-летию окончания Второй мировой войны..... 143
Г.Куликова. Презентация книги академика С.Л.Тихвинского “Век стремительных перемен”..... 146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.Почагина. XV Международная научная конференция “Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы”..... 148
А.Шлындов. Ученый совет ИДВ РАН, посвященный 60-летию Победы на Дальнем Востоке..... 157
А.Москалев. На заседании в ИДВ РАН, посвященном 40-летию юбилею Тибетского автономного района КНР..... 160
К.Асмолов. Ученые России и РК об актуальных проблемах Корейского полуострова (по материалам международных конференций)..... 164
Н.Боревская. Международная конференция в КНР..... 173

РЕЦЕНЗИИ

- В.Портяков. Федотов В.П. Полвека вместе с Китаем: воспоминания, записи, размышления..... 174
Н.Гурсева. Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая..... 176
А.Юркевич. Конфуцианское “Четверокнижие” (“Сы шу”)..... 180
Содержание журнала “Проблемы Дальнего Востока”..... 184

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия

Р.М. Аспанов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

**Этот номер журнала посвящается
Всемирному дню науки за мир и развитие
10 ноября 2005 года, провозглашенному
ЮНЕСКО**

Статьи этого номера

В.Портяков. Основные особенности современного политического курса китайского руководства

В статье рассмотрена ситуация в высшем эшелоне китайского руководства в 2004-2005 гг., проанализированы основные направления совершенствования политической системы страны, итоги 10-й пятилетки (2001-2005 гг.) и ведущие тенденции современной экономической политики КНР, новые моменты во внешнеполитическом курсе Пекина и его подходах к решению Тайваньской проблемы.

П.Каменнов. Военная политика КНР и ее тайваньский аспект

Статья посвящена исследованию военной политики Китая и ее взаимосвязи с национальной стратегией развития, направленной на достижение КНР к середине XXI в. статуса великой державы. Автор показывает, что в области военной безопасности Китай, отдавая предпочтение осуществлению превентивных мер политического, дипломатического и военного характера с целью уменьшения факторов нестабильности, одновременно следует мировым тенденциям и, опираясь на растущую экономическую мощь, осуществляет курс на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала. Анализируется роль военного фактора в решении тайваньской проблемы.

Л.Гудошников. Исследование политико-юридических проблем Китая в ИДВ РАН

В статье, публикуемой в рубрике "К 40-летию Института Дальнего Востока РАН", анализируются исследования в области внутренней политики, политической системы и права КНР (включая его особые автономии в Сянгане и Аомэне, а также Тайвань) коллективом ученых ИДВ за период 1966-2005 гг. Как считает автор, этому коллективу удалось своими исследованиями охватить важнейшие политико-юридические проблемы КНР и стать координирующим центром этого аспекта китаеведения.

А.Коржубаев. Перспективы добычи нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России

Основная часть энергетических ресурсов России, говорится в статье, сосредоточена в азиатской части страны, в Сибири, на Дальнем Востоке, шельфе арктических и дальневосточных морей. В Восточной Сибири, в Иркутской области и Красноярском крае, в Республике Саха и на шельфе острова Сахалин созданы основы мощной сырьевой базы для формирования новых центров добычи нефти и газа, открыто большое число нефтяных и газовых месторожде-

ний. Освоение ресурсов и запасов Восточной Сибири и Дальнего Востока позволило бы удовлетворить потребности региона и экспортировать значительные объемы нефти, газа и продуктов их переработки в страны Северо-Восточной Азии.

Л.Гудошников. К.Кокарев. Развитие теории права в Китае (К юбилею профессора Сунь Гоуа)

В статье рассматривается развитие теории права КНР за полувековой период (за исключением годов "культурной революции") через труды ведущего специалиста в этой области китайского правоведения профессора Народного университета Сунь Гоуа, которые оказали существенное влияние на теоретическое обоснование политики реформ и открытости.

О.Почагина. Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае (окончание)

Во второй части статьи излагается сущность стратегии китайских властей в отношении проституции, оценивается позитивный и негативный опыт в борьбе с этим социальным явлением. Рассматриваются мнения китайских экспертов относительно эффективности стратегии властей в борьбе с коммерциализацией сексуальных отношений, возможности легализации проституции в КНР.

Н.Моллеров. Урянхайский край (Тува): от объекта внешней политики — к статусу субъекта международного права (1917-1921 гг.)

Статья посвящена малоизученным страницам истории взаимодействия крупнейших государств Северо-Восточной Азии (Россия, Китай, Япония) в первые годы после революции в России по вопросу о статусе Урянхайского края. Рост национального самосознания тувинского населения происходил на фоне революционных событий того времени в России и Китае, противоречивой эволюции новой дипломатии большевиков и соперничества России, Китая, Японии и Монголии.

Ки Кван Со. Из истории формирования вооруженных сил Северной Кореи (1940-1950)

Статья, основанная на богатом фактологическом материале, посвящена истории формирования армии КНДР. Особое внимание уделяется роли Советского Союза в создании Корейской народно-революционной армии и деталям военно-технического сотрудничества двух стран.

Основные особенности современного политического курса китайского руководства

© 2005

В. Портяков

Если временной промежуток в полтора года, с ноября 2002 г. по весну 2004 г., можно рассматривать как начальный этап вхождения Ху Цзиньтао во власть, то период со 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва (март 2004 г.) по осень 2005 г. характеризуется окончательным закреплением позиций Ху Цзиньтао как нового лидера страны. Прежде всего, Ху Цзиньтао сосредоточил в своих руках всю полноту власти, сменив в сентябре 2004 г. Цзян Цзэминя на посту Председателя Центрального военного совета КПК, а в марте 2005 г. — и на посту Председателя Центрального Военного совета КНР. Ху Цзиньтао в полной мере продемонстрировал способность последовательно укреплять свои позиции общенационального лидера, проводя активный внутри- и внешнеполитический курс и выдвигая крупные идейно-теоретические новации.

Наиболее важное значение в этом плане имеет положение об ориентации КНР на гармонизацию общественных отношений и создание в стране гармоничного общества, которое было расценено в установочной пропаганде как равноценное дополнение прежней базовой триады стратегического курса современного Китая (создание социалистической рыночной экономики, социалистической политической демократии и передовой социалистической культуры)¹. Заслуживает внимания и положение о строительстве в Китае экономного общества, которое интерпретируется как одно из направлений "реализации научной концепции развития", сформулированной новым китайским руководством в 2003 г., в частности в документах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва.

Как следует из уведомления Госсовета КНР об организации соответствующей практической работы, речь идет о максимально возможной ориентации Китая на ресурсосберегающий тип экономического роста², а также, судя по важному уточняющему дополнению, сделанному Ху Цзиньтао, и на "модель потребления экономного типа"³. На наш взгляд, концепция "экономного общества" призвана нейтрализовать спекуляции относительно "китайской угрозы", оживившиеся в мире в 2003-2004 гг. в связи с заметным ростом доли Китая в мировом потреблении таких невозобновляемых природных ресурсов, как нефть и железная руда.

Портяков Владимир Яковлевич — заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, доктор экономических наук, главный редактор журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Судя по всему, стремление усилить “вертикаль власти” и повысить уровень кадровой поддержки нового руководства явилось одним из главных побудительных мотивов довольно значительных персональных перестановок в регионах страны. Так, в сентябре 2005 г. по сравнению с февралем 2003 г. (т. е. накануне 1-ой сессии ВСНП 10-го созыва) секретари парткомов обновились в 10, а губернаторы — в 13 единицах провинциального уровня из 31, причем в Шаньси, Ляонине, Хэйлунцзяне, Фуцзяни, Хайнани, Цинхэе и Тибете сменились оба первых лица⁴.

Имели место кадровые перестановки и в ряде министерств и ведомств. Так, министром коммерции стал Бо Силай, заменивший считавшегося протезе Цзян Цзэминя Люй Фуюаня. Вместо отстраненного за старые прегрешения (в период работы в провинции Хэйлунцзян) Тянь Фэншаня министерство природных ресурсов возглавил Сунь Вэньшэн. Наконец, в середине 2005 г. сменились министры юстиции и труда и социального обеспечения. Значительно более массовый характер носило кадровое обновление корпуса заместителей министров и руководителей различных управлений в составе Госсовета. Знаковым событием следует считать и пополнение возглавленных Ху Цзиньтао партийного и государственного центральных военных советов.

Что касается других, помимо Ху Цзиньтао, членов высшего эшелона китайского руководства, то в позиционировании некоторых из них появились определенные нюансы. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, на первых порах воспринимавшийся как равноправный член тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао, в последний год в большей мере действует как главный исполнитель идей и предложений лидера страны Ху Цзиньтао. В то же время, несмотря на признаки появления субординации в отношении двух первых лиц Китая, Вэнь Цзябао продолжает играть исключительно важную роль в практической политике страны — как внутренней, так и внешней. Особое значение имел его понастоящему прорывной визит в Индию в апреле 2005 г.

Несколько ушел в тень Цзэн Цинхун, который непосредственно после 16-го съезда КПК оценивался многими экспертами как главный неформальный соперник Ху Цзиньтао за лидерство в стране. В то же время, Цзэн представлял официальный Пекин на церемонии вступления в должность нового главы администрации Гонконга, активно участвовал в пропаганде и разъяснении важнейших партийных решений. В целом всех членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и вице-премьеров Госсовета КНР отличает стабильно высокая политическая активность.

В функционировании политической системы страны центральное место занял комплекс мероприятий по идейному и организационному укреплению компартии Китая и совершенствованию ее деятельности как правящей партии.

4-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (сентябрь 2004 г.) принял Решение ЦК КПК об укреплении руководящего потенциала компартии Китая как правящей партии, возложив на нее, наряду с выполнением функций “тройного представительства”, и задачу руководства работой по созданию гармоничного общества. При подготовке данного документа всесторонне изучались обстоятельства утраты власти КПСС и вытекающие из этого уроки для КПК⁵.

В октябре 2004 г. ЦК КПК обнародовал “Положение о гарантии прав членов КПК”, нацеленное, как отмечала китайская печать, на развитие внутрипартийной демократии и усиление жизнеспособности партии⁶.

21 октября на заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение развернуть в общепартийных масштабах воспитательную кампанию, направленную на сохранение передового характера коммунистов. На рабочем совещании ЦК КПК в январе 2005 г. главным содержанием этой кампании, рассчитанной на проведение в три этапа в течение полугода, было провозглашено “вооружение всей

партии идеями тройного представительства”, необходимое для укрепления ее готовности “выдержать испытание различными рисками” (в том числе связанными с неизменностью “стратегического замысла враждебных сил по вестернизации и разделению Китая”). В течение 2005 г. китайское руководство постоянно отслеживало ход кампании, для ведения которой была создана специальная руководящая группа во главе с зав. орготделом ЦК КПК Хэ Гоцяном.

Антикоррупционный вектор в сфере партийного строительства получил новое развитие в виде принятой ЦК КПК в январе 2005 г. “Программы действий по созданию системы наказания и предупреждения коррупции методами воспитания, институционального строительства и контроля”. Каркас такой системы намечено создать к 2010 г.⁸

Как декларируется в китайских СМИ, вышеперечисленные меры подняли престиж партии в массах, что подтверждается данными о росте числа заявлений о приеме в КПК в 2004 г. на 8,5% по сравнению с 2003 г. Такие заявления подали 17,38 млн человек, а численность членов КПК в 2004 г. возросла на 2 418 000 — на 183 тысячи выше показателя 2003 г. (среди принятых в КПК — 894 владельца частных предприятий). На середину 2005 г. численность КПК достигла 69 млн человек⁹.

Предпринимались усилия и по совершенствованию деятельности других ведущих звеньев политической системы КНР. В июне 2005 г. ЦК КПК распространил “Некоторые предложения партийной группы Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о дальнейшем повышении роли ВСНП и укреплении институционального строительства Постоянного комитета ВСНП”. Вместе с рядом сопутствующих документов эти Предложения направлены на повышение качества и укрепление повседневной работы ПК ВСНП и его комитетов, на стандартизацию и демократизацию законодательческой деятельности китайского парламента. Что касается ее конкретных аспектов, то наибольший общественный резонанс вызвали одобрение парламентом Закона о государственных служащих (принят на 15-м заседании ПК ВСНП 27 апреля 2005 г.) и публикация 11 июля 2005 г. для сбора мнений проекта Закона об имущественном праве, который готовился несколько лет и, судя по тексту, станет после принятия основополагающим нормативным актом регулирования отношений собственности в КНР. Заслуживают упоминания и поправки к законам о выборах депутатов Всекитайского и местных собраний народных представителей (СНП) всех уровней и об организации местных СНП и народных правительств всех уровней, которые призваны улучшить открытость выборов за счет более тесных контактов кандидатов в депутаты с избирателями и одновременно — обеспечить безопасность выборов и повысить ответственность за попытки их срыва¹⁰.

Не остался без внимания и Народный политический консультативный совет Китая — орган Единого фронта. В марте 2005 г. были обнародованы “Предложения ЦК КПК о дальнейшем совершенствовании системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической партии Китая”. Документ обобщил теоретический и практический опыт работы в данной сфере в течение последних 15 лет (т. е. со времени принятия предыдущего документа аналогичного типа) и наметил пути укрепления межпартийного сотрудничества в современной обстановке в контексте задач дальнейшей модернизации страны и строительства гармоничного социалистического общества¹¹.

В сфере “низовой демократии” наибольшее внимание привлекает в последнее время процесс формирования системы управления микрорайонами в городах. Микрорайоны, функционирующие с некоторыми элементами самоуправления, идут на смену прежним “уличным канцеляриям”. Пока формирова-

ние микрорайонов проводится в экспериментальном порядке (например, в Пекине, Циндао, Наньцзине, Ухани и некоторых других городах). По мере накопления опыта подобная практика будет внедряться и в других регионах¹².

Одним из де-факто ключевых политических институтов КНР остается армия. Китайское руководство последовательно реализует курс модернизации вооруженных сил и оснащения их все более современным оружием. Это нашло отражение в росте доли официальных оборонных расходов КНР с 1,35% ВВП в 2000 г. до 1,63% ВВП в 2003 г. Ассигнования на оборонные нужды в бюджете на 2004 г. были увеличены на 11,6% к 2003 г., а в 2005 г. увеличены на 12,6% по сравнению с 2004 г. — до 244,656 млрд юаней¹³. В то же время незыблемость принципа партийного руководства армией была еще раз подтверждена в одобренном Ху Цзиньтао документе “Предложения Центрального военного совета КПК об укреплении потенциала войсковых партийных организаций” (декабрь 2004 г.)¹⁴.

В деле обеспечения *внутриполитической стабильности* в Китае традиционно важное место уделялось политике в отношении национальных меньшинств и религиозных конфессий.

С 1 марта 2005 г. вступило в силу принятое Госсоветом летом 2004 г. “Положение о религиозной деятельности”, призванное стать базовым нормативным актом в данной области. Документ, по крайней мере формально, защищает свободу вероисповедания и законную религиозную деятельность, гарантирует права верующих. Одновременно документ ориентирует верующих различных конфессий на взаимное уважение в интересах обеспечения единства страны, национальной сплоченности и общественной стабильности¹⁵.

В феврале 2005 г. Канцелярия информации Госсовета КНР распространила Белую книгу “О районной национальной автономии в Китае”, а в августе 2005 г. — Белую книгу “Осуществление районной национальной автономии в Тибете”. Были проведены общегосударственные торжественные мероприятия по случаю 40-й годовщины создания Тибетского автономного района и 50-й годовщины создания Синьцзян-Уйгурского автономного района. В мае 2005 г. Госсовет КНР принял программу содействия развитию малочисленных национальностей страны на 2005–2010 гг. (речь идет о 22 малых народностях КНР численностью менее 100 тысяч человек).

Необходимо отметить, что в вопросах национальной и религиозной политики Пекин продолжает подвергаться постоянному давлению со стороны ряда западных стран и международных правозащитных организаций. Примером может служить доклад “О религиозных репрессиях против уйгур в Синьцзяне”, распространенный весной 2005 г. известной организацией Human Rights Watch¹⁶. Подчас Китай если и не уступает прямо такому давлению, то идет на разумный компромисс. Так, к визиту Госсекретаря США К. Райс в КНР в марте 2005 г. было приурочено освобождение из тюрьмы известной уйгурской деятельницы Ребийи Кадыр, выехавшей вслед за этим в США¹⁷.

Для утверждения идей национальной сплоченности и возрождения китайской нации в 2005 г. широко использовались такие памятные даты, как 600-летие начала морских экспедиций Чжэн Хэ (в 1406–1433 гг. флотилия под его началом совершила семь дальних походов, в т. ч. в страны Юго-Восточной Азии и даже Восточную Африку) и особенно 60-я годовщина победы китайского народа в войне сопротивления японской агрессии.

Выступая 3 сентября 2005 г. на торжественном собрании в ознаменование 60-й годовщины победы китайского народа, Председатель КНР Ху Цзиньтао заявил о необходимости “твердо защищать национальный суверенитет и территориальную целостность, решительно продвигать вперед великий курс мирного объединения Родины”¹⁸.

Активизация политики Пекина на тайваньском направлении стала ответом на избрание Чэнь Шуйбяня в 2004 г. на второй “президентский срок” и усиление на острове настроений в пользу отказа от исторического названия “Китайская Республика” и провозглашения независимости Тайваня.

Был разработан и на 3-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2005 г.) принят Закон КНР “О предотвращении раскола государства”, направленный, как декларировалось, на “защиту мира и стабильности в районе Тайваньского пролива, защиту государственного суверенитета и территориальной целостности и коренных интересов китайской нации”. Закон юридически закрепил возможность применения Китаем не только мирных, но и “других необходимых мер” для защиты своей территориальной целостности в случае возникновения реальной угрозы отрыва Тайваня от Китая или “полного исчерпания возможности достижения мирного объединения двух берегов пролива”¹⁹.

Упреждая принятие данного закона, который, как и можно было предполагать, вызвал немедленную негативную реакцию официального Тайбэя, Ху Цзиньтао 4 марта на встрече с объединенной группой депутатов НПКСК от ряда демократических партий (в т. ч. от Революционного комитета Гоминьдана Китая и Тайваньской лиги демократического самоуправления) выдвинул предложения о развитии связей между двумя берегами пролива из четырех пунктов:

— непоколебимое следование принципу одного Китая (охарактеризованное как “краеугольный камень развития межбереговых отношений и достижения мирного объединения Родины);

— неустанные усилия по мирному объединению;

— последовательная вера в тайваньский народ как важную силу в деле развития межбереговых отношений и противодействия раскольнической деятельности проводников курса “независимости Тайваня”;

— решительный отказ от соглашательства с раскольнической деятельностью, направленной на достижение “независимости Тайваня”²⁰.

В июле Ху Цзиньтао огласил новый, пожалуй, несколько смягченный вариант принципов развития отношений между КНР и Тайванем, в котором был усилен акцент на сближающие моменты. На первое место был поставлен пункт о совместном содействии возрождению китайской нации. Далее шли положения о принципе “одного Китая”, противодействии “независимости Тайваня” и о защите интересов тайваньских соотечественников²¹.

Можно сказать, что Ху Цзиньтао искусно выбрал момент для того, чтобы взять на себя ведущую роль в определении политики Пекина по тайваньскому вопросу, отодвинув в тень главенствовавшую здесь ранее “каноническую” платформу Цзян Цзэминя из 8 пунктов. “Вера в тайваньский народ” была незамедлительно подкреплена поездками на континент в апреле-июле 2005 г. по приглашению Пекина лидеров трех ведущих оппозиционных партий Тайваня — Гоминьдан, Синьдан (Новая партия) и Циньминьдан (Партия близости к народу). Эти визиты следует оценить как крупнейший политический успех Пекина в отношениях с Тайванем со времени первых контактов представителей двух администраций в 1992 г. Похоже, что в отношениях с Тайбэем Пекин в 2005 г. завладел стратегической инициативой.

Обеспечение поступательного экономического развития, ориентированного на дальнейшее продвижение дела модернизации страны, укрепление позиций Китая в мировой экономике и повышение его международной конкурентоспособности, остается одним из главных приоритетов китайского руководства.

По предварительной оценке, среднегодовой прирост ВВП КНР в 10-й пятилетке (2001-2005) составит 8,75%, а объемы внешнеторгового товарооборо-

та — свыше 23%. Достигнуты беспрецедентные темпы прироста в черной металлургии (порядка 20% в год), высокие — в электроэнергетике (12,5%). В последние два года пятилетки удалось преодолеть спад в производстве зерна и повысить темпы прироста доходов крестьян. Стабильно росли доходы городского населения, по оценке, — в среднем на 9,3% в год (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Основные результаты социально-экономического развития КНР
в 10-й пятилетке**

Наименование	Еди. изм.	2001		2002		2003	
		абс. данные	при-рост, %	абс. данные	при-рост, %	абс. данные	при-рост, %
Валовой внутренний продукт	млрд юаней	9731	7,5	10517	8,3	11739	9,5
Внешняя торговля	млрд долл.	509,65	7,4	620,77	21,8	850,99	37,1
Выработка электроэнергии	млрд кВт-час	1481	9,2	1654	11,7	1910	15,4
Сбор зерна	млн т	452,6	-2,1	457,0	1,0	430,7	-5,8
Выплавка стали	млн т	151,63	18,0	182,37	20,3	222,34	21,9
Располагаемый доход населения	юаней на человека	3609		3818		4089	
в т.ч. в городах	юаней на человека	6859	8,5	7703	13,4	8472	9,0
в деревне	юаней на человека	2366	4,2	2475	4,8	2622	4,3

Наименование	Еди. изм.	2004		2005 (оценка)		2005/2000 (оценка)	
		абс. данные	при-рост, %	абс. данные	при-рост, %	рост, %	средне-годовой при-рост, %
Валовой внутренний продукт	млрд юаней	13687	9,5		9	152,1	8,75
Внешняя торговля	млрд долл.	1154,79	35,7	1350	16,9	284,6	23,2
Выработка электроэнергии	млрд кВт-час	2187	14,5	2450	12,0	180,7	12,55
Сбор зерна	млн т	469,5	9,0	490	4,3	106,0	1,2
Выплавка стали	млн т	272,8	22,7	320,0	17,3	249,0	20,0
Располагаемый доход населения	юаней на человека	4556		5000			
в т.ч. в городах	юаней на человека	9421	7,7	10200	8	156,0	9,3
в деревне	юаней на человека	2936	6,8	3200	8	131,4	5,6

Источник: Данные сборника Чжунго тунци чжайяо 2005 [Краткая статистика КНР-2005]. Пекин, 2005 и расчет по ним.

В октябре 2005 г. Пленум ЦК КПК рассмотрел Предложения по 11-му пятилетнему плану на 2006-2010 гг.

Столкнувшись с тенденцией перегрева в народном хозяйстве, китайское руководство предприняло попытку усилить макроэкономическое регулирование. В частности, разработаны специальные документы Госсовета КНР о политике развития сталелитейной и угольной промышленности, более строгом контроле за землепользованием. В октябре 2004 г. впервые с середины 1990-х годов были несколько повышены базовые ставки банковского процента по депозитам (на год — с 1,98 до 2,25%) и по кредитам (с 5,31 до 5,58% годовых), а в марте 2005 г. — ставки долгосрочных кредитов на индивидуальное жилищное строительство²². Однако предпринятые меры пока дали лишь частичный эффект. Сохраняются высокие темпы прироста инвестиций в основные фонды (свыше 20%) и перманентная напряженность с обеспечением производства и населения электроэнергией. Политика жесткого сдерживания темпов экономического роста в Китае объективно затруднена социальными ограничителями (и прежде всего — стремлением не допустить увеличения уровня безработицы).

Китайское руководство возобновило подготовку отдельного документа с ориентирами *экономической реформы* на текущий год, как это делалось в 1980-е — начале 1990-х годов. В принятых Госсоветом КНР 4 апреля 2005 г. "Предложениях об углублении реформы хозяйственной системы в 2005 г." выделены такие направления преобразований, как реформа в деревне (в т. ч. в сферах землепользования, налогообложения, в системе обращения зерна и хлопка), в системе управления государственным имуществом, в кредитно-денежной и налоговой сферах, дальнейшее улучшение условий функционирования негосударственных секторов экономики, совершенствование системы социального обеспечения и административного управления²³.

На практике наибольшее внимание уделялось, пожалуй, подготовке к акционированию ведущих государственных коммерческих банков страны — Банка Китая, Строительного, а вслед за ними — и Торгово-промышленного. В частности, были предприняты активные меры, вплоть до прямых финансовых вливаний со стороны государства, по снижению доли "плохих" долгов у этих банков.

Была предпринята и новая попытка вдохнуть жизнь в рынок акций, остававшийся в 2004-2005 гг. весьма вялым. В этих целях начался поиск новых схем реализации необращающихся акций государственного пая, на долю которого приходится две трети общего объема капитализации рынка акций в КНР. В отличие от эксперимента 2001 г., когда была предложена реализация акций госпая по высоким ценам (на что фондовый рынок среагировал немедленным резким падением курсовой стоимости акций), на этот раз право определять условия продажи госпакетов было предоставлено самим акционерам.

Пожалуй, наибольший практический эффект дали переход к прямому субсидированию производителей зерна в рамках реформы системы его обращения (ранее деньги шли государственным закупочным организациям) и освобождение крестьян от сельхозналога, проведенное к середине 2005 г. уже в 27 административных единицах провинциального уровня. Ожидается, что в результате за год в целом налоговое бремя крестьян снизится на 21 млрд юаней²⁴.

Немало новых моментов появилось в последние годы в *положении КНР в мировом хозяйстве*.

Вступление во Всемирную торговую организацию сыграло роль эффективного катализатора в наращивании объема внешней торговли страны, который вырос в 2004 г. до 1155 млрд долл., и, по оценке, составит в 2005 г. 1350 млрд долл. — в 2,6 раза больше, чем в предшествовавшем присоединении к ВТО 2001 г. По этому показателю КНР вышла на 3-е место в мире вслед за США и Германией, а эксперты Организации экономического сотрудничест-

ва и развития прогнозируют выход Китая в течение пяти следующих лет на первое место по объему экспорта с увеличением его доли в мировом экспорте товаров до 10% по сравнению с 6% в настоящее время²⁶. Вместе с тем китайское руководство далеко не в восторге от того обстоятельства, что более половины объема внешней торговли страны дают предприятия с иностранным капиталом, поэтому в Пекине все настойчивее звучат предложения "изменить механизм роста внешней торговли".

Противоречивость положения КНР в результате присоединения к ВТО в полной мере проявилась в 2005 г. в виде жесткого противодействия США и Европейского союза увеличению поставок китайского текстиля на их рынки.

Быстрый рост не только экспорта, но и импорта Китая связан в значительной степени с его растущими потребностями в получении из-за рубежа многих видов сырья (железная руда, медь, лес) и нефти. В последние годы по объему потребления нефти (6,7% от общемирового показателя) Китай опередил Японию и вышел на второе место в мире вслед за США (их доля — порядка 20%). Обеспечение надежности поставок нефти в страну является одной из приоритетных задач реализуемой в Китае стратегии выхода отечественного бизнеса за национальные границы. Следует отметить высокую активность ведущих нефтегазовых корпораций КНР в Венесуэле, ряде стран Африки, Прикаспийском регионе, Казахстане, России.

На стабильно высоком уровне сохраняется уровень фактического использования в Китае прямых иностранных инвестиций. В 2004 г. он достиг 62,38 млрд долл. В общей сложности по состоянию на середину 2005 г. в КНР было учреждено свыше 525 тысяч предприятий с иностранными инвестициями, а общий их объем за годы реформ составил 584,4 млрд долл. Следует, однако, иметь в виду, что остаточный объем прямых иностранных инвестиций в Китае в настоящее время значительно меньше — 213 млрд долл., и доля КНР в накопленном мировом объеме прямых иностранных инвестиций составляет лишь порядка 1%²⁷.

Тем не менее, однако, КНР в последнее пятилетие имела устойчивое положительное сальдо международного платежного баланса, что в условиях привязки курса юаня к доллару США привело к беспрецедентному росту ее валютных резервов — до 711 млрд долл. на середину 2005 г. Поскольку для обслуживания внешнеэкономической деятельности КНР были бы ныне достаточны валютные резервы порядка 300 млрд долл., то для стерилизации излишней долларовой массы приходилось прибегать к таким — далеко не идеальным экономически и политически — мерам, как увеличение юаневой денежной базы и массовое приобретение долгосрочных казначейских обязательств США. Приходилось считать и с беспрецедентным давлением со стороны США, требовавших ревальвировать юань для сокращения их отрицательного сальдо в торговле с КНР. С учетом всей совокупности факторов Народный банк Китая решил с 21 июля 2005 г. прекратить привязку курса юаня к доллару и повысить курсовую стоимость юаня примерно на 2% — с 8,28 юаня за доллар до 8,11 юаня²⁷. В полной мере все последствия этого шага проявятся позже, пока же население страны начало изымать долларовые депозиты из банков.

В целом можно говорить о значительном росте роли внешнеэкономического фактора во *внешней политике КНР* в последние два года.

Еще одной отличительной особенностью современной внешней политики КНР является ее *возросшая глобальность*. По сути дела, Китай все более четко позиционирует себя не как чисто азиатскую, региональную, но и во многих отношениях как глобальную державу. Весьма выпукло это проявилось в интенсификации контактов Пекина с политической "восьмеркой" и экономической "семеркой", от которых он ранее уклонялся. Примечательна в этом плане

и чрезвычайно активная позиция КНР по вопросам реформы Совета безопасности и совершенствованию деятельности Организации Объединенных Наций в целом. Разъяснению взглядов официального Пекина по этим проблемам был посвящен специальный пространственный документ. Наконец, очевидно и стремление КНР вновь стать чем-то вроде неформального лидера развивающихся стран — если не единственным, то, как минимум, одним из главных. На наш взгляд, заявка Пекина на выражение чаяний развивающегося мира достаточно явно прослеживается в выступлении Ху Цзиньтао в Индонезии в связи с 50-летием знаменитой Бандунгской конференции 1955 г., провозгласившей универсальное значение принципов мирного сосуществования, и особенно в его речи на саммите в Нью-Йорке в сентябре 2005 г., посвященном 60-летию ООН.

Нельзя не отметить и возросший реализм внешнеполитического курса КНР, вполне отвечающий провозглашенному на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва принципу “смотреть на мир широко открытыми глазами”. В этом плане весьма показательна как общая линия Китая на развитие добрососедских отношений со всеми близлежащими государствами, так и его стремление в сжатые сроки найти решение спорных проблем или, как минимум, снять остроту вокруг них. Примерами здесь могут служить окончательное решение вопроса о линии прохождения границы на пограничных реках с Россией, существенное улучшение отношений КНР с Индией, спокойный подход Пекина к проблеме территориальных споров в акватории Южно-Китайского моря. Представляется, что сугубо в духе реализма выдержаны и нынешние отношения Китая с США — Пекин не ищет конфронтации и готов как к разумным компромиссам, так и, в случае необходимости, к жесткой защите своих мировоззренческих позиций и национальных интересов. Похоже, что после “медового месяца” и излишней эйфории 2003-2004 гг. в отношениях КНР с Европейским союзом также начинает возобладать более уравновешенный реалистичный подход. Пожалуй, единственным исключением остаются отношения Китая с Японией, на которые помимо глубоких исторических обид накладывается подспудная борьба за лидерство в Азии. Но и здесь Пекин, на наш взгляд, вовсе не сжигает за собой мосты.

В целом внешняя политика Китая все более явно ориентируется на всемерное политическое, идеологическое, экономическое содействие созданию благоприятных условий для мирного возвышения Китая и нейтрализацию негативной реакции за рубежом на этот процесс.

1. См.: Цзэн Цинхун. Цзяцянь дан дэ чжэчжэн нэнли цзяньшэды ганлинсин вэньсянь [Программный документ укрепления руководящего потенциала партии] // Цюши. Пекин, 2004. № 20. С. 11-24.
2. Жэньминь жибао. 2005. 6 июля.
3. Жэньминь жибао. 2005. 26 июля.
4. См.: Перечень ответственных лиц парткомов, правительств, СНП и структур НПКСК провинций, автономных районов, городов центрального подчинения // Ляован. Пекин, 2003. 3 марта. С. 46-48; Перечень главных руководящих лиц провинций, городов центрального подчинения, автономных районов — <http://www.people.com.cn/GV/shizheng/> от 16.09.2005
5. Жэньминь жибао. 2004. 27 сентября.
6. Жэньминь жибао. 2004. 25 октября.
7. <http://russian1.people.com.cn> от 2004. 22 октября; Жэньминь жибао. 2005. 6 января.
8. Жэньминь жибао. 2005. 17 января.
9. Жэньминь жибао. 2005. 8 июля, 2005. 14 июля.
10. Ляован. Пекин. 2005. 25 июля. С. 20
11. Синьхуа юэбао. Пекин, 2005. № 4. С. 127-128.
12. Ляован., 2005. 25 июля. С. 20.
13. Синьхуа юэбао. 2005. № 2. С. 158; 2005. № 4. С. 48.

14. Синьхуа юэбао. 2005. № 1. С. 21.
15. Жэньминь жибао. 2004. 19 декабря.
16. Devastating Blows Religious Repression of Uighurs in Xinjiang — Human Rights Watch. Vol. 17, No 2. (Internet Edition).
17. <http://daynews.ru/index.php?act=pr&id=473413>
18. Жэньминь жибао. 2005. 4 сентября.
19. Жэньминь жибао. 2005. 15 марта
20. Синьхуа юэбао. 2005. № 4. С. 110-111.
21. Жэньминь жибао. 2005.
22. См.: Чжунго тунци чжайяо 2005 [Краткая статистика Китая 2005]. Пекин, 2005. С. 86-87.
23. Жэньминь жибао. 2005. 18 апреля.
24. Жэньминь жибао. 2005. 26 июля.
25. http://english.people.com.cn/200509/20/print20050920_209703/html
26. Жэньминь жибао. 2005. 13 июля.
27. Жэньминь жибао. 2005. 22 июля.

Военная политика КНР и ее тайваньский аспект

© 2005

П. Каменнов

В настоящее время военная политика Китая направляется на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века статуса великой державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира. Реализацию данной стратегии в Китае связывают с усилением комплексной национальной мощи, главными факторами которой являются внутривластная стабильность, динамичный и устойчивый экономический рост, подъем уровня развития науки и технологий, поиск и освоение природных ресурсов в своей стране и обеспечение доступа к мировым источникам сырья и энергии.

В Китае полагают, что окончание "холодной войны" и перемещение центра тяжести геополитического соперничества в сторону невоенных методов противоборства — экономических, информационных, психологических — не привело к ослаблению роли военного фактора. Напротив, непрекращающиеся вооруженные конфликты, вызванные стремлением США и других стран Запада решать международные проблемы с позиций силы, в том числе под предлогом борьбы с международным терроризмом, фактический крах режима нераспространения ядерного оружия в связи с появлением новых стран, обладающих ядерным оружием — Индия, Пакистан, КНДР, а также увеличением числа т.н. "пороговых" стран, привели к возрастанию значения военного фактора в системе международных отношений. Кроме того, необходимо отметить, что с идеологической точки зрения Запад традиционно рассматривается в Китае как враждебная сила, превосходящая Китай в военном отношении и всемерно способствующая таким процессам внутри Китая, которые могут привести к его распаду.¹ В значительной мере это обусловлено историческим опытом отношений с Западом в XIX веке, когда Китай, отсталый в техническом и военном отношении, несмотря на свою высокую культуру, испытал национальное унижение и попал в полуколониальную зависимость от западных стран.² Отсюда определяется роль армии как гаранта безопасности страны и обеспечения условий реализации национальной стратегии развития.

Согласно китайским оценкам, международная обстановка в сфере военной безопасности ныне характеризуется развитием сложных противоречивых тенденций, среди которых можно выделить движение к многополярному миру,

---

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

экономическую глобализацию, усиление взаимодействия и сотрудничества в антитеррористической борьбе после террористических атак против США 11 сентября 2001 г. и, наряду с этим, — обострение соперничества в области совокупной национальной мощи. К факторам нестабильности в Китае относят прежде всего сохраняющийся в мире нерациональный и несправедливый порядок в сфере политики и экономики, что в условиях глобализации ведет к увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами; новые проявления гегемонизма и политики с позиции силы; обострение соперничества между странами в борьбе за природные ресурсы планеты. Серьезную озабоченность в Китае вызывает развитие в международных отношениях таких негативных тенденций, как попытки ослабить роль ООН и ее Совета безопасности в урегулировании конфликтных ситуаций в мире и регионах, укрепление и расширение военных блоков, подмена международного права силовым давлением вплоть до военного, использование тезиса о “превосходстве прав человека над суверенитетом” и теорией “гуманитарного вмешательства” для посягательств на суверенные права независимых государств.

Обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) характеризуется относительной стабильностью. Большинство стран региона сделали развитие основным направлением своей политики. Отношения между странами продолжают расти и развиваться, а диалог по проблемам безопасности и сотрудничества в различных формах становится все более оживленным. Важную роль в стимулировании развития региона играет организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. В основном завершен процесс институционализации Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), страны-участники которой постоянно расширяют и углубляют взаимодействие в сфере безопасности, в политической, экономической, гуманитарной и других сферах. Отношения сотрудничества в Восточной Азии, в которых главную роль играют АСЕАН, Китай, Япония и Южная Корея, продолжают расширяться и способствуют ускорению экономического развития, росту политического доверия и доверия в сфере безопасности в регионе. Уменьшились трения между Индией и Пакистаном, в отношениях между ними набирает силу мирный диалог. Вместе с тем, возрастают факторы, угрожающие безопасности в АТР: США перестраивают и усиливают свое военное присутствие в регионе путем укрепления военных союзов и ускорения развертывания систем противоракетной обороны (ПРО); Япония предпринимает меры к пересмотру конституции, осуществляет корректировку военной политики и политики в сфере безопасности, ведет разработку систем ПРО для их последующего развертывания, заметно усиливает военную активность за рубежом; КНДР объявила о наличии у нее ядерного оружия. По-прежнему представляют серьезную угрозу международный терроризм, сепаратизм, экстремизм.

К нетрадиционным проблемам в сфере безопасности в Пекине относят международный терроризм, транснациональную преступность, ухудшение состояния окружающей среды, наркоторговлю. Большую озабоченность пекинских лидеров вызывает деятельность на территории Китая “Исламского движения Восточного Туркестана” — сепаратистской террористической организации, наносящей серьезный ущерб безопасности граждан и социальной стабильности в целом.

Стратегия Китая в сфере военной безопасности заключается в осуществлении превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание благоприятных условий вокруг

Китая и уменьшение факторов нестабильности. Одновременно, следуя мировой тенденции в военной области и опираясь на растущую экономическую мощь, Китай осуществляет курс на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала на базе науки и передовых технологий, подготовки высококвалифицированных командных и научно-технических кадров нового поколения, приведение боевой учебы войск в соответствие с условиями современной высокотехнологичной войны³.

На нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах неучастия в военных союзах (блоках), неприменения ядерного оружия первым, поддержки создания зон, свободных от ядерного оружия; отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН. Эти принципы, однако, не исключают амбициозного характера национальной стратегии развития Китая, а также возможности изменений взглядов на применение вооруженных сил в зависимости от характера действий других стран. Таким образом, умеренные амбиции Китая в настоящем можно рассматривать в качестве начального этапа долгосрочной стратегии развития комплексной национальной мощи, которая позволила бы максимизировать потенциальные возможности в будущем. В этой связи обращает на себя внимание получившая распространение в китайских военно-теоретических кругах концепция “стратегических границ государства”, выходящих за пределы его географических границ.

Согласно “Белой книге КНР по вопросам национальной обороны” — 2004, основными задачами КНР в обеспечении национальной безопасности являются:

1. Пресечение сепаратизма и поддержка воссоединения страны (имеется в виду решение Тайваньской проблемы. — Прим. авт.), противодействие агрессии, обеспечение государственного суверенитета, территориальной целостности, прав и интересов на море.

2. Обеспечение интересов развития нации, создание условий для всестороннего экономического и социального развития, неуклонного повышения комплексной национальной мощи.

3. Модернизация национальной обороны в соответствии со специфическими особенностями Китая и мировыми тенденциями в военной области в рамках политики согласованного развития военной и экономической сфер; повышение оборонного потенциала в условиях информатизации войск.

4. Обеспечение прав и интересов китайского народа в сферах политики, экономики и культуры, пресечение преступной деятельности, поддержание общественного порядка и социальной стабильности.

5. Осуществление независимой внешней политики мира и следование новой концепции в сфере безопасности, основанной на взаимном доверии, взаимной выгоде, равноправии.⁴

В отношении военного присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай занимает двойственную позицию. Признавая роль США как стабилизирующего фактора, Китай в то же время воспринимает присутствие американских войск в регионе как проявление долговременной стратегии, призванной обеспечить доминирующее геостратегическое положение США посредством сдерживания роста национальной мощи Китая. Как часть этой стратегии Китай рассматривает укрепление американо-японского альянса, подталкивание Японии со стороны Вашингтона к расширению ее участия в послевоенном устройстве Ирака, а также — решение США о базировании тяжелых

бомбардировщиков, крылатых ракет и атомных ударных подводных лодок на о. Гуам⁵. Подобным же образом Китай рассматривает предстоящее развертывание американской системы ПРО ТВД с возможным включением в зону ее действия Тайваня как вызов Китаю со стороны США, поскольку оно нанесет ущерб как потенциалу ядерного сдерживания Китая, так и боевому потенциалу ракетной группировки НОАК, созданной на территории Нанкинского военного округа против Тайваня.

Пекин выступает за объединение усилий международного сообщества в предотвращении террористической деятельности и искоренение источников терроризма, солидаризируясь в этом вопросе с США; им выражено одобрение по поводу того, что США включили "Исламское движение Восточного Туркестана" в список террористических организаций⁶. Вместе с тем в Китае считают, что борьба с терроризмом должна вестись на основе целей и принципов ООН, требует сбора неопровержимых доказательств, отказа от двойных стандартов. Предпринимая попытки налаживания сотрудничества с США в глобальной антитеррористической войне, китайские лидеры считают, что конечный результат этой кампании, возглавляемой США, будет заключаться в стратегическом окружении Китая, в особенности в связи с размещением вооруженных сил США в Центральной Азии, укреплением военных связей США с Пакистаном, Индией и Японией и возможным возобновлением американского военного присутствия в Юго-Восточной Азии. Представляется, что именно это обстоятельство явилось одной из причин поддержки Китаем итоговой декларации, принятой лидерами стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на саммите в Астане в июле 2005г., в которой содержится требование к США и всем участникам контртеррористической операции в Афганистане в связи с завершением военных операций и стабилизацией ситуации в этой стране установить сроки вывода своих баз с территории государств Центральной Азии.⁷

Для усиления своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай активизирует двусторонние военные и экономические связи, а также многостороннее сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии — в основном путем прямого диалога со странами АСЕАН в формате 10+3 (АСЕАН плюс Китай, Япония, Южная Корея). Китай присоединился к "Декларации о принципах деятельности в Южно-Китайском море", подписанной странами АСЕАН в ноябре 2002г. в Пномпене⁸, направленной на урегулирование территориальных споров в Южно-Китайском море и явившейся шагом в укреплении доверия, расширении сотрудничества и уменьшении напряженности в регионе. В 2005г. между нефтяными компаниями Китая, Вьетнама и Филиппин было заключено соглашение о проведении разведки месторождений углеводородов в районе архипелага Спратли и Парасельских островов в Южно-Китайском море.⁹ Вместе с тем следует отметить, что страны-члены АСЕАН, продолжают оценивать наращивание военной мощи КНР как нарастание китайской угрозы в регионе. Эти опасения стали одним из важных побудительных мотивов заключения двусторонних оборонительных договоров отдельных членов АСЕАН с внешними государствами: США, Великобританией и Австралией, а также — подчеркивания ими роли военного присутствия США в регионе как фактора, стабилизирующего международную обстановку в АТР.¹⁰

Наряду с мерами по обеспечению позиций Китая в АТР, политика Пекина в сфере национальной безопасности распространяется также на районы по периметру государственной границы, включая так называемую "большую

периферию” — Центральную Азию и Средний Восток. Целями этой политики, наряду с обеспечением безопасности границ, являются обеспечение доступа к природным ресурсам и рынкам, а также — осуществление стратегии противодействия политике сдерживания Китая со стороны США, Японии, Индии.

В Пекине полагают, что ситуация в приграничных с Китаем регионах в целом остается мирной и стабильной. Важным шагом в укреплении мер доверия в российско-китайских отношениях, в том числе и в военной области, стало подписание 16 июля 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии с этим Договором Россия и Китай подтвердили обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты (ст. 2), а также — осуществлять меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений (ст. 7). Особое значение в контексте противодействия международному терроризму имеет статья 8 Договора, согласно которой стороны обязались не допускать создания и деятельности на своей территории организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны.

Международное сотрудничество в антитеррористической борьбе используется Китаем для укрепления партнерских отношений со странами Центрально-Азиатского региона. В этой связи Китай принимает активное участие в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), включающей Китай, Россию, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан, которую Пекин рассматривает не только как форум сотрудничества в сфере безопасности, но и как механизм, обеспечивающий позиции Китая в регионе. В 2002 и 2003 гг. соответственно Китай принял участие в двусторонних и многосторонних учениях по антитеррористической борьбе совместно с другими странами — членами организации¹¹.

В период с 18 по 25 августа 2005г. на территории России и Китая состоялись первые в истории отношений двух стран совместные антитеррористические учения “Мирная миссия-2005”, в которых приняли участие около 10 тыс. военнослужащих военно-воздушных сил, военно-морских сил, воздушно-десантных войск и сухопутных войск, в том числе с российской стороны — 1800 чел. За ходом учений наблюдали военные представители других стран — членов ШОС. Согласно сценарию учений два условных государства, находящиеся на территории России и Китая, действуя военными средствами на основании мандата ООН, осуществляют совместную миротворческую операцию по урегулированию конфликта на почве этнических разногласий, вспыхнувшего на территории третьего условного государства, находящегося на полуострове Шаньдун (КНР, пров.Ляонин).¹² Учения проведены в рамках Шанхайской организации сотрудничества, одной из задач которой является противодействие терроризму, экстремизму и наркоторговле в Центральной Азии и в АТР. Они явились также практическим шагом в контексте реализации “Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке”, подписанной Президентом России В.Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао 1 июля 2005 года в Москве, в которой выражена идея многополярного мира, подтверждены отношения стратегического взаимодействия и партнерства двух стран, закрепленные Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской

Народной Республикой от 16 июля 2001 года, и особо подчеркнута центральная роль ООН в международных делах.¹¹

Одновременно Китай стремится использовать двусторонние связи со странами-членами ШОС для поддержки своей принципиальной позиции по тайваньской проблеме. Так, в совместной декларации Казахстана и Китая, принятой в июле с.г. в Астане, говорится, что Казахстан “выступает против любых попыток создания “двух Китаев”, либо “одного Китая, одного Тайваня”, выступает против “независимости Тайваня”, против вступления Тайваня в любые международные и региональные организации, членами которых могут быть лишь суверенные государства”.¹⁴

Важной составной частью военной политики КНР является *военная дипломатия*. Ныне эта сфера деятельности характеризуется высокой активностью, ослаблением идеологического мотива и становлением в качестве важного компонента реальной государственной политики. Внешние связи НОАК рассматриваются в качестве важного дополнения дипломатический усилий, направленных на предотвращение вооруженных конфликтов в первую очередь в отношениях с сопредельными странами. К основным формам этой деятельности следует отнести:

1) Увеличение потока военных делегаций НОАК высокого уровня, направляемых в страны Азии с разъяснением несостоятельности концепции “китайской военной угрозы”.

2) Участие НОАК в подготовке и заключении межгосударственных соглашений в военной области с сопредельными странами. Примером здесь может служить заключение в 1996 г. соглашения между Китаем, Россией, Киргизией и Таджикистаном (впоследствии к ним присоединился Узбекистан) об укреплении мер доверия в военной области в районе бывшей советско-китайской границы, а годом спустя — достижение договоренности о разведении войск и ненаращивании группировок вооруженных сил в пределах двухсоткилометровой зоны на всем протяжении приграничья. 2001 г. отмечен созданием Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном “Шанхайской организации сотрудничества” (ШОС)¹⁵.

3) Обмен визитами военных кораблей.

4) Участие представителей НОАК в двусторонних переговорах по проблемам военной безопасности со странами, политические отношения с которыми характеризуются сложностью и существенными различиями в подходах к ключевым проблемам современности — США, Япония, Индия.

5) Участие представителей НОАК в международных форумах под эгидой ООН по проблемам контроля над вооружениями и разоружения, а также — в многосторонних форумах по проблемам безопасности, проводимых в пределах АТР, включая конференции на неправительственном уровне — форум представителей оборонных ведомств стран АТР, форум представителей стран Западной части Тихого океана по военно-морским вопросам, “Диалог сотрудничества в Северо-Восточной Азии” и др.

Наибольшее внимание в этой деятельности уделяется отношениям с приграничными странами, непосредственно связанными с созданием благоприятного внешнего окружения. К странам этой категории наряду с Россией, КНДР, Южной Кореей, Монголией, Индией, Вьетнамом, Казахстаном и Таджикистаном относятся Япония, Австралия, страны Юго-Восточной Азии. Следует отметить, что отношения с последними носят отпечаток нерешенности проблем, касающихся принадлежности островов Южно-Китайского моря, а

также морских ресурсов, и осуществляются в соответствии с “Декларацией о принципах деятельности в Южно-Китайском море” 2002г. Исключение из сферы дипломатической деятельности НОАК представляет Тайвань, который Пекин рассматривает как неотъемлемую часть КНР.

Наряду с обеспечением благоприятной обстановки в сфере военной безопасности и защитой суверенитета страны военная дипломатия призвана содействовать модернизации китайских вооруженных сил. Основные усилия при этом направляются на обеспечение доступа командного состава НОАК высшего и среднего звеньев к достижениям современной военной науки в области военной доктрины, военного искусства, организации оперативной и боевой подготовки штабов и войск, военной медицины, а также в ряде сопутствующих областей. Возрастают масштабы подготовки за рубежом военных и гражданских специалистов НОАК.

На сегодня Китаем установлены и поддерживаются отношения по военной линии с более чем 150 странами; аппараты военного атташе созданы и функционируют при более чем 100 посольствах КНР, 85 иностранных государств создали аппараты военного атташе в Пекине. На протяжении последних двух лет военные делегации НОАК высокого уровня были направлены в 60 стран; одновременно Китаем было принято свыше 130 военных делегаций из более чем 70 стран. Становится все более распространенной практика приглашения на учения НОАК иностранных военных наблюдателей. Так, в 2004 г. представители иностранных армий наблюдали за учениями китайских военно-морских сил “Дракон”—2004; одновременно группа представителей 16 соседних с Китаем стран была приглашена в качестве наблюдателей на учения войск Цзинаньского военного округа “Железный кулак”—2004; в свою очередь, представители НОАК направлялись в качестве наблюдателей на учения вооруженных сил России и Японии, а также — на совместные учения вооруженных сил США, Таиланда и Сингапура.¹⁶

За последние два десятилетия определилась устойчивая тенденция к расширению и диверсификации сферы внешних военных контактов, увеличению гибкости и разнообразия форм этой деятельности. Однако, наряду с этим Китай сохраняет *недостаточную транспарентность в вопросах военного строительства*. Издаваемая с 1998 г. “Белая книга” по вопросам национальной обороны КНР имеет целью опровержение распространенной среди значительной части политологов концепции “китайской военной угрозы”, а также — стремление убедить мировое сообщество в том, что военная политика Китая носит оборонительный характер и имеет целью обеспечение условий для “мирного объединения Родины” (имеется в виду решение тайваньской проблемы) и завершения модернизации страны. Распространение упомянутой “Белой книги” можно рассматривать как отражение мировой тенденции к повышению открытости в вопросах, касающихся оборонного строительства. Следует отметить, однако, что она не содержит многих конкретных сведений по вопросам, касающимся военных расходов Китая, состояния и перспектив развития НОАК, что, по нашему мнению, и создает почву для появления в прессе различных спекуляций по данной проблеме, в том числе и в пользу версии о существовании “китайской военной угрозы”.

Выдвинутая Цзян Цзэмином в 2001 г. *стратегия развития оборонного потенциала и модернизации вооруженных сил Китая в перспективе до середины XXI века* включает три этапа: на первом этапе (до 2000 г.) создание основ преобразований; на втором этапе (2000—2020 гг.) вооруженные силы Китая

должны стать сильнейшими в Азии; на третьем этапе (2020—2049 гг.) предполагается завершить модернизацию и достичь передового уровня вооруженных сил развитых стран¹⁷. Завершив первый этап преобразований, в том числе глубокое реформирование военно-промышленного комплекса (ВПК), Китай в настоящее время сосредоточил усилия на совершенствовании качественных параметров оборонного потенциала с акцентом на перевооружение, компьютеризацию и информатизацию войск, приведение боевой учебы в соответствие с условиями современной высокотехнологичной войны.

НОАК имеет в своем составе все компоненты современной армии, включая стратегические ядерные силы, однако по уровню подготовки командного состава, информатизации, технической оснащенности и мобильности продолжает отставать от вооруженных сил развитых в военном отношении стран.

Стратегические ядерные силы НОАК включают наземный, воздушный и морской компоненты и насчитывают в общей сложности 176 носителей. Их основа — стратегические ракетные войска, на вооружении которых состоят 144 наземных пусковых установки баллистических ракет, в том числе 32 пусковых установки МБР. Стратегическая авиация насчитывает 20 устаревших самолетов “Хун-6” (H-6)*. Морской компонент включает одну атомную ракетную подводную лодку с 12 пусковыми установками ракет “Цзюйлан-1”. В модернизации стратегических ядерных сил качественно новыми моментами являются поступление на вооружение первых 8ПУ мобильных твердотопливных МБР “Дунфэн-31” (CSS-9) с дальностью 8000 км, сокращение количества устаревших самолетов—носителей H-6 с 80 до 20 и перевооружение 20 самолетов этого типа крылатыми ракетами класса “воздух-земля”¹⁸. Модернизация осложнена необходимостью дополнительных мер по обеспечению боевого потенциала стратегических ядерных сил в связи с предстоящим развертыванием американской НПРО и ПРО ТВД.

Сухопутные войска (1,5 млн человек; 56 общевойсковых дивизий полевых войск, в том числе 11 танковых, 12 дивизий “быстрого реагирования”, 3 воздушно-десантных) имеют серьезные недостатки в таких сферах как командование и управление, механизация и информатизация, войсковая противовоздушная оборона, материально-техническое обеспечение, связь. Военно-воздушные силы в прошлом выполняли ограниченный круг задач по защите воздушных границ Китая и в меньшей степени — по оказанию поддержки сухопутным войскам. В настоящее время ведется обновление самолетного парка путем модернизации самолетов более старых типов, таких как “Цзянь-7”(J-7) и “Цзянь-8”(J-8), и принятия на вооружение новой техники, в том числе — истребителей Су-27, Су-30, “Цзянь-11”(J-11), транспортных самолетов Ил-76, самолетов-заправщиков “Хун-6”(H-6), крылатых ракет класса “воздух-земля”, средств дальнего обнаружения воздушного и космического базирования. Военно-морские силы в середине 1980-х гг. перешли от прежней стратегии “береговой обороны” к стратегии “обороны в прибрежных водах”; в китайской трактовке “прибрежные воды” включают морское пространство на удалении 150-600 морских миль от берега, в том числе Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря. Однако, попытка реализации новой стратегии, потребовавшая обновления корабельного состава (в том числе приобретение в России 4-х эскадренных миноносцев типа “Современный”, 12 подводных лодок и другой

* Примечание: здесь и далее в скобках указано обозначение по классификации НАТО.

техники и вооружения) из-за нехватки средств привела к дисбалансу между возросшими возможностями основных сил и средствами поддержки: по-прежнему ВМС НОАК не имеют достаточно мощного потенциала противолодочной обороны, а надводные корабли уязвимы от атак с воздуха авиации и противокорабельных ракет.

В последнее время Китай, опираясь на растущую экономическую мощь, из года в год увеличивает свои военные расходы (табл.1), что в основном связано с мерами по повышению боевых возможностей НОАК в условиях высокотехнологичной войны, предпринимаемых по результатам анализа опыта военных операций коалиционных сил во главе с США в Югославии, Ираке и в Афганистане; удорожанием систем вооружений, а также — с существенным повышением денежного довольствия офицерского и рядового состава в условиях конкуренции с гражданским сектором за привлечение и удержание в армии талантливых кадров. Отметим, что по мнению большинства аналитиков реальные военные расходы существенно превосходят официальные. Наиболее аргументированной, с нашей точки зрения, является оценка Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), который, используя материалы различных зарубежных, в том числе китайских источников, показал, что в последние годы реальные военные расходы Китая в среднем на 50% превышают официальные.

Таблица 1.

Военные расходы Китая в 2001—2005 гг.

№		2001	2002	2003	2004	2005
1.	Официальные расходы:					
	— в текущих ценах, млрд ю.	144,2	169,4	185,3	210,7	—
	— в постоянных ценах 2000 г. и рыночных обменных курсах, млрддолл.	17,4	20,5	22,3	25,3	29,9
2.	Реальные расходы:					
	— в текущих ценах, млрд ю.	218,0	257,0	281,3	319,3*	—
	— в постоянных ценах 2000 г. и рыночных обменных курсах, млрддолл.	26,3	31,1	33,8	38,4	45,0*
3.	Доля официальных расходов в ВВП, %	1,5	1,6	1,6	—	—
4.	Доля реальных расходов в ВВП, %	2,3	2,4	2,5	—	—

* Оценка ИДВ РАН.

Источники: 1. Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2004. С. 404.

2. Жэньминь жибао. 2004. 9 марта.

3. Beijing Review. № 2. January, 2005. pP1.

4. Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005/Department of Defense. USA, // <http://defenselink.mil/news/Jul 2005/d20050719 china.pdf>, p.4.

Из таблицы 1 видно, что в 2004 г. военные расходы Китая официально составляли 25,3 млрд долл., между тем как реальные — 38,4 млрд долл. Для сравнения: в 2003 г. военные расходы Китая составили 33,8 млрд долл., Японии — 46,9; Индии 3,3; Великобритании — 37,1; Германии — 27,2; Франции — 35,0; США—417,4млрддолл.¹⁰Следует отметить, что среднегодовые темпы роста военных расходов Китая в 2001-2005гг. превышают темпы экономического роста в полтора раза: 14,3% против 8,5% соответственно.

Следуя мировой тенденции к совершенствованию качественных параметров оборонного потенциала, Китай осуществляет курс на создание вооруженных сил, способных при выполнении внешних функций по защите государства эффективно решать задачу ядерного сдерживания и действовать в ограниченной войне в условиях применения противником высокотехнологичных вооружений, а при выполнении внутренних функций — решительно пресекать любые проявления терроризма. (Законом КНР "О государственной обороне" 1997 г. (ст. 22) прямо предусмотрена возможность использовать для выполнения внутренних функций не только полицейские формирования, но и НОАК и народное ополчение).

В вопросе применения военной силы Китай следует стратегии "активной обороны", суть которой заключена в принципе "Китай не нападает первым, пока против него не совершена агрессия, однако в случае нападения, Китай отвечает контрударом". При этом предусматривается гибкость и координация этого шага с мерами политического, экономического и дипломатического характера.

Ядерная стратегия Китая отражена в концепции "ограниченного ответного ядерного удара", предполагающей строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания, способных созданием угрозы нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику заставить последнего отказаться от применения ядерного оружия против Китая. Формирование взглядов на строительство сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морских сил происходит на основе анализа крупных вооруженных конфликтов, происходивших в текущем десятилетии. Эволюция взглядов в этой области привела к утверждению концепций "быстрого реагирования" и "ограниченной войны в условиях применения "высоких" (наукоемких) технологий", предполагающих создание сравнительно компактных вооруженных сил, оснащенных современной техникой и вооружением и способных к немедленному выполнению боевых задач в локальном (приграничном) конфликте. Соответственно в китайских вооруженных силах получили развитие силы "быстрого реагирования" и сделан особый акцент на разработку автоматизированных информационных систем, в том числе космического базирования, включая системы разведки, управления войсками и оружием, средств радиоэлектронной борьбы.

Анализируя опыт вооруженных конфликтов последнего десятилетия, китайские военные теоретики приходят к выводу о необходимости модернизировать стратегию и тактику "народной войны" применительно к новому историческому этапу "высоких технологий". По их мнению высокотехнологичная война не уменьшила значение человеческого фактора; напротив, его значение даже возросло, поскольку высокие технологии не могут заменить живой интеллект, мастерство, личную инициативу. В этой связи для Китая ключевой проблемой повышения оборонного потенциала является подготовка нового поколения командных и научно-технических кадров, обладающих высоким интеллектом.²⁰

Несмотря на некоторый прогресс в модернизации НОАК, достигнутый в последние годы, главным образом, за счет закупок военной техники в России и других странах СНГ, улучшения системы подготовки командных кадров, оперативной и боевой подготовки штабов и войск, слабыми местами НОАК остаются:

1) Ограниченные возможности по проецированию военной мощи в существенных масштабах за пределами государственной границы²¹ вследствие не-

завершенности перевооружения, наличия в войсках большого количества устаревшей техники.

2) Существенное (на несколько поколений) отставание от Запада систем командования, управления, связи, компьютерной связи, разведки, наблюдения, воздушно-космической разведки²² и, как следствие, недостаточная подготовленность командного состава в вопросах организации совместных операций видов вооруженных сил и родов войск при ведении боевых действий высокой интенсивности в многомерном пространстве, включающем сушу, море, воздух, космос, электронную среду; ограниченные возможности по ведению электронной и информационной войн.

3) Отставание китайской военной науки от революционных изменений в военной области на современном историческом этапе. Цзян Цзэминь в этой связи отмечал: «наши исследования в этой области, особенно в области войны с применением высоких технологий, еще весьма поверхностны, не систематизированы, не отличаются взвешенным подходом»²³ (имеется в виду подход к оценке роли и значения в современной войне техники и человеческого фактора. — Прим. автора).

Одной из наиболее серьезных проблем модернизации НОАК являются ограниченные возможности китайского ВПК по выпуску современных высокотехнологичных вооружений и сохраняющаяся зависимость от импорта зарубежных технологий, специализированного оборудования, комплектующих. В настоящее время Китай реализует программы производства вооружений и военной техники во всех секторах ВПК и выпускает широкий спектр военной продукции, включая ракеты, танки, бронетранспортеры, истребители, надводные боевые корабли и подводные лодки. Однако, многие программы находятся в зависимости от поставок из-за рубежа важнейших компонентов, таких как авиационные двигатели для истребителей, бортовая электронная аппаратура и т.п. Фундаментальной причиной этого является *научно-техническое и технологическое отставание страны от мирового уровня*, которое по ряду важных направлений в силу объективных и субъективных причин оказалось законсервированным на многие годы. В известной мере это объясняется недостаточным финансированием НИОКР. Лишь в 2001 г. доля расходов на эти цели достигла одного процента ВВП, что рассматривается в Китае как большое достижение. Между тем, это существенно ниже, чем в развитых странах, где в среднем расходы на эти цели составляли в 2000 г. примерно 2,4% ВВП²⁴.

В последние годы руководство страны во главе с председателем КНР Ху Цзиньтао, являющимся одновременно председателем ЦВС и председателем Военного совета ЦК КПК, исходя из результатов анализа опыта последней войны в Ираке, предпринимает энергичные меры по ускорению модернизации НОАК, сосредоточив внимание на внедрение и освоение современных информационных технологий как средства достижения эффективного взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск при ведении боевых действий в многомерном пространстве, охватывающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Следует отметить, что во время войны в Ираке китайские вооруженные силы были приведены в повышенную боевую готовность, а генеральным штабом НОАК было организовано наблюдение из космоса за ходом боевых действий.²⁵

В боевой учебе китайских вооруженных сил главное внимание уделяется подготовке командного состава по вопросам организации и ведения боевых действий в условиях локальных войн с применением высоких технологий. Для

повышения качества оперативной и боевой подготовки командного состава создана единая учебная информационная сеть, охватывающая основные формирования НОАК и военные учебные заведения. Следует отметить, что в соответствии с директивой генерального штаба НОАК, изданной в январе 2003г., обязательным пунктом программ обучения личного состава НОАК стала антитеррористическая подготовка.²⁶

Главной проблемой для китайских лидеров, оказывающей наибольшее влияние на решения, касающиеся ближайших целей модернизации оборонного комплекса, остается угроза кризиса или конфликта в Тайваньском проливе.

Исходя из характера политических заявлений китайского руководства относительно Тайваня на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) — “решение тайваньской проблемы не может затягиваться до бесконечности” и “не давать обещания отказаться от применения военной силы”²⁷ — следует полагать, что урегулирование тайваньской проблемы является ближайшей стратегической задачей Пекин. Развитие этих идей нашло отражение в принятии ВСНП КНР 14 марта 2005 г. “Закона о противодействии расколу государства”²⁸, которым, в частности определены условия при которых Китай намерен применить “не мирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности” (статья 8) : 1)если сторонники “независимости Тайваня” тем или иным способом добьются фактического отделения Тайваня от Китая; 2)если произойдут крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня; 3)если возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны. Сформулированные в Законе условия достаточно неопределенны и, следовательно, дают Пекину широкие возможности для их истолкования и выбора момента для ввода в действие “не-мирных и других необходимых мер”. Следует отметить, что согласно статье 9 Закона, в случае применения указанных мер государство “приложит максимум усилий для защиты жизни, имущества и других законных прав и интересов тайваньских граждан и граждан других государств на Тайване и свести к минимуму потери”.

Очевидно, что намерение Пекина решить тайваньскую проблему по принципу “одна страна две системы” входит в противоречие с интересами США и Японии, стремящимися, опираясь на Тайвань, усилить свое присутствие в АТР, где складывается новый центр мировой политики и экономики: уже в настоящее время в регионе производится более половины мирового ВВП. Согласно японским оценкам, поглотив экономически высокоразвитый Тайвань, Китай получит возможность контролировать западную часть Тихого океана и бросит вызов господствующему положению США в этой части мира; в то же время, он установит контроль над морскими коммуникациями в Южно-Китайском море, включит в сферу своего влияния всю Юго-Восточную Азию. Таким образом, стратегическим интересам США и Японии будет нанесен серьезный ущерб²⁹. Напротив, окончательное отделение Тайваня от материка оказало бы сдерживающее воздействие на возможности Китая проецировать силу в пределах АТР, в то время как США сохранили бы за собой стратегический плацдарм, прилегающий к прибрежным экономическим центрам КНР.

Тайваньская проблема приобрела особую остроту в последние годы, в особенности в связи с избранием в 2000 г. Чэнь Шуйбяня на пост президента Тайваня от демократической прогрессивной партии, традиционно выступающей за независимость острова, а также в связи с опасениями Пекина по поводу того, что увеличение содействия США Тайваню в военной области и в области безопасности повысит возможности Тайваня противостоять силовому дав-

лению КНР. Эти опасения усилились в связи с победой Чэнь Шуйбяня на президентских выборах в марте 2004 г. и заявленными планами пересмотра тайваньской конституции, что напрямую связывается некоторыми обозревателями на материке с объявлением независимости Тайваня.

Следует полагать, что в ближайшей и среднесрочной перспективе основные усилия Китая по модернизации сил общего назначения НОАК будут направлены на их подготовку к действиям в Тайваньском проливе, включая сценарии с военным участием США, что диктует необходимость оснащения НОАК боевыми средствами, способными преодолеть оборону Тайваня и подавить волю тайваньского политического руководства к сопротивлению, а также — повысить издержки США на проведение эффективного военного вмешательства или сделать его невозможным. Эта направленность военной модернизации служит поддержкой общей политической стратегии Китая по отношению к Тайваню, в которой потенциальные военные угрозы сочетаются с невоенными усилиями с конечной целью добиться дипломатической изоляции Тайваня и вынудить Чэн Шуйбяня к диалогу, основанному на принципе “одного Китая”.³⁰

По существу обе стороны находятся в состоянии гонки вооружений регионального масштаба. Пекин стремится созданием угрозы применения против Тайваня военной силы, в том числе ракетной группировки, созданной в Нанкинском военном округе и насчитывающей 650-730 мобильных ракет “Дунфэн-11”(CSS-6) и “Дунфэн-15”(CSS-7)³¹ с обычными (неядерными) головными частями и дальностью 300 и 600 км соответственно, не допустить провозглашения независимости острова. К этому следует добавить, что в последние годы ЦВС КНР осуществил ряд мероприятий в направлении увеличения потенциала НОАК по десантированию войск, в их числе увеличение количества десантных частей в составе ВМС, реорганизация двух пехотных механизированных дивизий из состава войск Нанкинского и Гуанчжоуского военных округов в амфибийные, проведение десантной подготовки ряда соединений сухопутных войск из состава 1,12,31,38,41 и 54 общевойсковых армий.³²

Тайвань при активном участии США в качестве ответной меры осуществляет модернизацию своих вооруженных сил с целью нейтрализовать боевой потенциал противостоящей группировки НОАК. В частности, Тайвань намерен возобновить свою ракетную программу, приостановленную в 80-е годы под давлением США, предусматривающую создание баллистической ракеты с дальностью до 900 км, способную достигать Шанхая и других крупных городов юго-восточного побережья КНР³³; кроме того, предполагается закупка в США новейших зенитных ракетных комплексов “Патриот—3”, которые могут применяться также в качестве средства противоракетной обороны.

На стороне тайваньских ВВС, которые должны играть в возможном конфликте первостепенную роль, — превосходство над ВВС НОАК в более высокой эффективности командования и управления, опыте применения высокоточного оружия, в наличии средств дальнего обнаружения и наведения воздушного базирования (которых пока нет у Китая), в уровне боевой подготовки летных экипажей. Еще в 80-х годах на вооружение тайваньских ВВС поступили американские тактические ракеты класса “воздух-поверхность” с телевизионным наведением AGM-65. Похожие ракеты российского производства Х-29Т появились у китайских ВВС лишь в 2000г. после поступления российских многоцелевых истребителей Су-30МКК. Уже в 80-е годы тайваньская авиация была оснащена американскими управляемыми бомбами с лазерным наведением GBU-12E/В и GBU-10, являющимися наиболее грозным высокоточным оружи-

ем в потенциальном конфликте в Тайваньском проливе. У китайских ВВС корректируемые бомбы с телевизионным наведением КАБ-1500 также появились значительно позднее — вместе с самолетами Су-30МКК. Располагая четырьмя самолетами дальнего радиолокационного обнаружения и наведения американского производства Е-2С (АВАКС), тайваньские ВВС обладают превосходством и в области раннего предупреждения о воздушном нападении.

Ситуация в китайских ВВС за последние два года существенно изменилась: вступили в строй 72 многоцелевых истребителя Су-30МКК, возрастает число новых истребителей китайского производства “Цзянь-10А”, на базе российского Ил-76 создан китайский АВАКС, который с осени 2003г. проходит испытания на авиазаводе в г.Сиань. На вооружение морской авиации поступила первая партия из 24 самолетов Су-30МК2. В 2005—2006 гг. ожидается поступление на вооружение НОАК крупной партии зенитных ракетных комплексов С 300 ПМУ 2, закупленных в России; комплексы, имеющие радиус действия 200 км, предположительно, будут развернуты в районе Тайваньского пролива, а также — в районе Гуанчжоу—Сянган³⁴. Однако, освоение новой техники, по-видимому, потребует длительного времени.

ВМС Тайваня по количеству современных надводных кораблей основных классов не уступают китайским ВМС. Кроме того, Тайвань осуществляет широкую программу модернизации сил флота, предусматривающую строительство серии фрегатов по типу американского фрегата “Оливер Перри”; приобретение 6 фрегатов типа “Лафайет” во Франции; лизинг 8 фрегатов УРО типа “Нокс” в США; разработку собственными силами перспективных фрегатов и ракетных катеров. Возможности тайваньских ВМС могут существенно возрасти в результате предстоящего приобретения в США 8 подводных лодок, 4 эскадренных миноносцев УРО (ЭМ УРО) типа “Кидд”, базовых патрульных самолетов Р-3 “Орион”, а в дальнейшем, возможно, 4 ЭМ УРО типа “Орли Берк”.

Китай в целях оказания военного давления на Тайвань регулярно проводит крупномасштабные учения НОАК в зоне Тайваньского пролива, последнее из них было проведено в июле 2004г. у о. Дуншань, (пров. Фуцзянь).³⁵ На этих учениях, носящих демонстративный характер, было задействовано новое вооружение, поступившее в сухопутные войска, ВМС и ВВС НОАК в последние годы. В ответ Тайвань демонстрирует свои военные новинки в ходе регулярных учений “Ханьгуан”. Так, в ходе учений “Ханьгуан-20”, состоявшихся в июле 2004г., тайваньские истребители “Мираж 2000-5” впервые осуществили взлет со скоростной автомобильной магистрали в районе г.Тайнань с целью отработки этого маневра на случай возможного уничтожения Китаем базовых аэродромов и, попутно, — для повышения моральной готовности населения к возможной войне.³⁶

В Китае сознают, что военное решение тайваньского вопроса в своей основе зависит от эффективности предотвращения американского вмешательства. В этой связи на первый план выходит борьба с авианосными ударными группировками США, что в свою очередь находит отражение в направленности модернизации китайских ВМС. По данным канадского аналитического центра КАНВА,купаемые Китаем в России эскадренные миноносцы проекта 956ЭМ будут оснащаться противокорабельными ракетами ЗМ80 с дальностью 240 км, а самолеты Су-30 МК2 — сверхзвуковыми противокорабельными ракетами Х-31А с дальностью 70 км.³⁷

Согласно американским оценкам, в последнее время военный баланс сил в зоне Тайваньского пролива постепенно изменяется в пользу КНР.³⁸ Оче-

видно, однако, что вероятность вооруженного конфликта в Тайваньском проливе зависит не только от соотношения военных потенциалов, но в гораздо большей степени — от внутривнутриполитической ситуации в Пекине и Тайбэе и их отношений с США, а также от оценки обеими сторонами его возможных последствий как во внутривнутриполитическом так во внешнеполитическом аспектах.

В качестве заключения можно отметить, что военная политика Китая в целом направлена на создание благоприятных внешних условий реализации национальной стратегии. Следуя так называемой “формуле 24 иероглифов”, принадлежащей Дэн Сяопину: “...хладнокровно наблюдать; сдержанно реагировать; твердо проводить курс; скрывать возможности и выигрывать время; никогда не пытаться лидировать и всегда быть способным добиваться некоторых результатов”³⁹, *Китай осуществляет превентивные меры политического, дипломатического и военного характера, направленные на уменьшение факторов нестабильности. В то же время в интересах решения ближайшей стратегической задачи — урегулирование тайваньской проблемы по принципу “одного Китая” — Пекин допускает применение военной силы, что, содержит в себе опасность развязывания крупного вооруженного конфликта с серьезными негативными последствиями для безопасности в АТР.*

Необходимо отметить, что выдвинутая Пекином новая концепция международной безопасности на основе взаимного доверия,⁴⁰ по видимому, не распространяется на тайваньскую проблему, которая считается в Пекине внутренним делом КНР. Поэтому сдерживающим аргументом для Китая должна стать позиция США, Японии и стран ЕС, решительно выступающих против решения тайваньской проблемы военным путем. Совершенно очевидно, что развязывание против Тайваня полномасштабной войны в связи с возможным участием в конфликте США может обернуться для Китая катастрофой как в политическом и торгово-экономическом, так и в чисто военном аспектах. Политическая изоляция и экономические санкции США и ЕС против Китая в этом случае могут оказаться гораздо более серьезными, чем после событий 1989 г. в Пекине, и иметь самые негативные последствия для реализации национальной стратегии Китая.

1. Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя (Принципы внешней и оборонной политики современного Китая). М., 2003. С. 58.
2. Internationale Politik. Bonn. 1997. 6/97. P. 11—16.
3. Жэньминь жибао. 2002. 18 ноября.
4. China's National Defense In 2004 (I) // Beijing Review № 1. 2005.p.3.
5. FY04 Report to Congress on PRC Military Power, <http://www.defenselink.mil/pubs/d20040528.PRC.pdf>.
6. Там же.
7. ИТАР-ТАСС. 2005.12 июля.
8. Агафонов Г.Д. Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России: ИДВ РАН. М., 2004. С. 56.
9. ИТАР-ТАСС. 2005. 13 июля.
10. Агафонов Г.Д. Указ. соч. С. 56.
11. Там же.
12. Военно-промышленный курьер. 2005г. 17-23 августа.
13. (<http://www.kremlin.ru/text/docs/2005/07/90623.shtml>, 04.07.05).
14. ИТАР-ТАСС.2005.14 июля.
15. Там же.
16. Белая книга КНР по вопросам национальной обороны — 2004 / <http://www.china.org.cn/e-white/20041227IX.htm>.
17. Чжунгун яньцзю. февраль 2001. С. 94.

18. The Military Balance 2004—2005. By The International Institute For Strategic Studies. London, 2004. P.172.
19. SIPRI Yearbook 2004. P. 312.
20. Jen.Xiong Guangkai.On World Revolution in Military Affairs and the Chinese Army Building // International Strategic Studies, 4th Issue. 2003.pP1-5.
21. Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005/Department of Defense, USA // <http://defenselink.mil/news/Jul 2005/d20050719 china.pdf>. P.1.
22. FYO4 Report to Congress on PRC Military Power, <http://www.defenselink.mil/pubs/d 20040528 PRC.pdf>. P.5.
23. Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя (Принципы внешней и оборонной политики современного Китая). М., 2003. С. 88.
24. Перспективы Китая. Научный доклад Института прикладных международных исследований № 1. М., 2003. С. 23.
25. Военно-политические проблемы и вооруженные силы Китая // Экспресс-М.: ИДВ РАН, 2004. N1. С.63,68.
26. ИТАР-ТАСС ИНО ТАСС. 2003. 18 января.
27. Ян Лиюй. От Цзян Цзэминя до Ху Цзиньтао. Политика Пекина в отношении Тайваня на фоне XVI съезда КПК // Чжэнмин. 2002. № 12. С. 69—71) // Экспресс-информация. Военно-политические проблемы и вооруженные силы Китая. М.:ИДВ РАН. 2004. N1. С. 83.
28. People's Daily Online.14 March 2005.
29. Представители США, Японии и Тайваня собрались в Вашингтоне и анализируют ситуацию на случай ухудшения отношений с КНР (Сообщение китайской службы "Голоса Америки". 21.09.03) // Экспресс-информация . Военно-политические проблемы и вооруженные силы Китая. М.: ИДВ РАН, 2004. N1. С.91.
30. FYO4 Report to Congress on PRC Military Power, <http://www.defenselink.mil/pubs/d 20040528 PRC.pdf>. P.11
31. Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005/Department of Defense, USA, // <http://defenselink.mil/news/Jul 2005/d20050719 china.pdf>.P.4.
32. China Defense, <http://www.china-defense.com/plaamphops07.html>.
33. France Presse. 2003 29 Oct.
34. Kanwa Defense Review. 15 October 2004. P.3.
35. Чжан Ихун. Война у Восточной горы // Время новостей. 2004. 26 июля.
36. Там же.
37. Там же.
38. Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005/Department of Defense. USA, // <http://defenselink.mil/news/Jul 2005/d20050719 china.pdf>.P.6.
39. Перспективы Китая. Научный доклад Института прикладных международных исследований. № 1. М., 2003. С. 71.
40. Чжоу Вэньчжун (зам. Министра иностранных дел КНР). Внешняя политика Китая и отношения Китая с США и Европой в новом столетии // Экспресс-информация № 5. Китайские оценки внешнеполитической стратегии Буша и китайско-американских отношений. М.: ИДВ РАН,2005. С. 20.

К 40-летию Института Дальнего Востока РАН

Исследование политико-юридических проблем Китая в ИДВ РАН

© 2005

Л. Гудошников

Политико-юридические исследования включают в себя широкий спектр проблем, в котором ведущее место занимает политическая система страны, ее политика и правовые инструменты этой политики. Институт Дальнего Востока, тогда еще Академии Наук СССР, сформировался в годы начала "великой пролетарской, культурной революции" в Китае, подвергнувшей слому конституционный строй государства, его политическую систему, а также только начавшую складываться систему правовых институтов. Все эти события происходили на фоне раздуваемой тогдашним руководством Китая антисоветской истерии, которая вызвала соответствующую реакцию с нашей стороны. Только что созданный Институт Дальнего Востока не мог, конечно, быть в стороне от этой полемики. И, надо сказать, он очень оперативно откликнулся на вызовы времени, выпустив уже в 1967 г., т.е. во второй год своего существования, небольшую, но очень информативную книгу Я.М. Бергера, А.М. Григорьева и Б.К. Запегина "К событиям в Китае". В дальнейшем была создана солидная база документальных материалов по "культурной революции", в чем неоценима роль Ю.В. Новгородского, возглавлявшего в тот период сектор переводов и документации (в дальнейшем эта база была значительно усилена публикациями Ю.М. Галеновича и В.Н. Усова)

Первоначальным накопителем текущих материалов по внутреннему положению в Китае и их оформителем в виде периодических информационных явился сектор общих проблем. Сначала теоретических задач перед ним не ставилось. Он был ориентирован на анализ текущей внутривосточной обстановки (одно время часть сотрудников сектора занимались и внешнеполитическими проблемами). В конечном счете, начальный период развития сектора позволил собрать материалы для развертывания не только научно-информационной, но и научно-исследовательской работы. Одновременно рос и теоретический потенциал сектора — его сотрудниками одна за другой защищались кандидатские диссертации на новой источниковедческой базе. Кроме того, сектор был усилен специалистами из других институтов и ведомств. В 1973 г. сектор получил но-

---

Гудошников Леонид Моисеевич, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, доктор юридических наук, профессор.

вое наименование — сектор социально-политических проблем. Еще в первой половине 70-х гг. сектором стали предоставляться уже не просто информационные, но и научно-аналитические материалы, трактовавшие и прогнозировавшие развитие обстановки в Китае. Особо должна быть отмечена работа по анализу массовых политико-идеологических кампаний 1970-х гг. Последующая критика “четверки” показала, что сектор правильно анализировал ход событий и верно характеризовал реальных политических деятелей, критикуемых под видом исторических или литературных персонажей. Более того, всестороннее изучение сотрудниками сектора китайской прессы позволило в ряде случаев реконструировать по газетам неопубликованные документы китайского руководства. Примером такой работы является реконструкция в конце 1974 г. документа “Чжунфа № 1, 1974” по кампании “Пи Линь пи Кун” (“Критика Линь Бяо и Конфуция”). Большая точность реконструкции была подтверждена последующей публикацией этого документа в журнале “Чжунго далу” (1975, № 90).

Рассматривая обстановку в китайском руководстве, сектор еще в 1975 г. указал на Хуа Гофэна, как лицо, выдвигающееся в число ближайших преемников Мао Цзэдуна (записка от 13.11.75). Рассматривая в специальном материале от 23.06.76 возможное развитие ситуации в Китае после смерти Мао Цзэдуна, сектор выдвинул подтвердившееся дальнейшим ходом событий положение о том, что при любых раскладах в китайском руководстве “будущие руководители КНР будут апеллировать к имени Мао Цзэдуна и его идеям, если даже на практике отойдут от них”. После анализа политики китайского руководства в первые месяцы после смерти Мао Цзэдуна и свержения “четверки” на заседании сектора была высказана мысль об идущей уже реабилитации Дэн Сяопина и как наиболее вероятный путь развития Китая определен “отход от ортодоксального маоизма... в сторону более реалистического и трезвого подхода к решению проблем национального развития”.¹ Сектор и в дальнейшем продолжал научно — информационную работу, однако центр его деятельности переместился на проблемные исследования.

Эти исследования в соответствии с обстановкой того времени носили критический характер. Однако в целом они адекватно отражали происходившие в КНР события, выявляли отрицательные черты установившегося в ходе “культурной революции” политического режима. Вместе с тем эти исследования были проникнуты искренней симпатией и сочувствием к китайскому народу, оказавшемуся в трагической полосе своей истории.

Объектом внимательного изучения в секторе социально-политических проблем ИДВ стала политическая система “культурной революции”. Уже в ежегоднике “Китайская Народная Республика в 1969 г.” (М., 1970) во втором его разделе, озаглавленном “Политическая организация общества и политическая жизнь”, был опубликован материал “Культурная революция” и политическая система КНР”.

Затем последовали отдельные статьи сотрудников сектора (Т.М. Емельянова, Р.М. Неронов) о порожденных “культурной революцией” ревкомах, одно время заменивших собой не только органы власти, но и партийные комитеты².

С 1974 г. в ИДВ регулярно проводились конференции по теме “Актуальные вопросы политической системы и внутривластного положения КНР”, материалы которых стали издаваться в виде сборников докладов и сообщений. С того же года сотрудники сектора стали вести рубрику “Политическая система” в ежегодниках ИДВ “Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура”. В течение ряда лет они же вели и другую рубрику ежегодника — “Внутривластное положение”. Одновременно велись и монографические разработки в этой области. Первая книга по указанному спектру проблем — “Политический механизм Китайской Народной Республики”

Л.М. Гудошникова (М.: Наука, 1974, ГРВЛ), выполненная автором еще в период работы в академическом Институте государства и права, но с широким привлечением материалов ИДВ.

В разработке проблем внутривосточного положения КНР большую роль сыграли подготавливавшиеся в секторе ежемесячные, ежеквартальные и ежегодные обзоры по этой тематике. Анализ внутривосточного положения в Китае становится предметом ряда журнальных статей сотрудников сектора, опубликованных в 1970-е гг.³ Значительным обобщающим трудом по этой проблеме являлось исследование В.Г. Карымова "Основные тенденции внутривосточного развития КНР после "культурной революции (1969-1975)"⁴.

Исследования, проведенные коллективом сектора в области политической системы и внутренней политики КНР, вылились в написание большого труда "Китай после "культурной революции" (политическая система, внутривосточное положение)", вышедшего в издательстве "Мысль" в 1979 г. Работа, конечно же, не могла не отражать обстановки в международных отношениях того времени. Вместе с тем она до сих пор не потеряла значения очерка политической истории КНР за десятилетие 1969-1979 гг., вместившее такие события тех лет, как кампании "борьбы против мошенников типа Лю Шаоци", а затем "против мошенников типа Линь Бяо," X съезд КПК, "критику Линь Бяо и Конфуция," 1 сессию ВСНП IV созыва, Конституцию КНР 1975 г, кампании "изучения теории диктатуры пролетариата" и "критики романа "Речные заводы", XI съезд КПК, 1 сессию ВСНП V созыва, а также Конституцию КНР 1978 г.

В 1970-х гг. сотрудники сектора защитили ряд кандидатских диссертаций, тематика которых связана с политической системой КНР. Изданы они были в начале 1980-х гг. и еще несли определенный полемический заряд. Это, например, диссертация и книга Г.А. Степановой "История формирования парткомов провинциального уровня и их роль в политической системе КНР (1966-1976 гг.)."⁵ В данной работе было тщательно исследовано важное звено политического механизма КНР, главный источник кадров для различных эшелонов власти в Китае. В области изучения роли вооруженных сил в политической системе КНР плодотворно поработал Б.П. Барахта, защитивший в 1978 г. кандидатскую диссертацию "Общественно-политическая роль армии в Китае (1969-1975 гг.)."⁶ Диссертация К.А. Егорова "Государственный механизм военно-бюрократической диктатуры", защищенная еще в 1974 г., была основательно переработана и практически в качестве новой работы издана в 1982 г под названием "Государственный аппарат КНР. 1967-1981". Эта книга по сути дела является историей госаппарата Китая в период "культурной революции" и в первые годы после нее. Она при всей критической заданности анализа фактического материала и сейчас сохраняет свое научное значение как источник для исторических и политических исследований, а также как учебный материал. Своеобразной чертой, подводившей итог исследованиям в дореформенный период, явилась коллективная работа сектора "Политическая структура КНР (1949-1982)", в которой исследовался весь политический аппарат страны. В наступающий новый период в отношениях между двумя странами ее издание с распространением через книготорговую сеть было сочтено нецелесообразным. Это малотиражное издание было разослано по списку. Его непреходящее значение в формировании авторского коллектива, который почти в неизменном составе создал в дальнейшем обобщающие труды по политическим институтам Китая.

Восстановление и активизация деятельности массовых общественных организаций после "культурной революции" привело к формированию в рамках сектора группы сотрудников, специально изучающих связанные с этим политические проблемы и процессы. Проблему Единого фронта — НПКСК и демократических партий взяла на себя Г.А. Степанова, ставшая со временем

уникальным специалистом в этом сегменте политического китаеведения. Молодежными организациями занялся Б.П. Баракта (затем Т.И. Илларионова, Т.В. Лазарева, М.А. Яковлев), женскими — Т.М. Емельянова, профсоюзными — О.Б. Городовикова. Эти авторы обеспечили регулярное освещение деятельности соответствующих организаций в издаваемых ИДВ ежегодниках по экономике, политике и культуре КНР и на научных конференциях. В 1989 г. авторским коллективом специалистов по общественным организациям был подготовлен справочник “Политические партии и массовые общественные организации КНР” (отв. редактор Г.А. Степанова), а тремя годами позднее — двухтомная монография “Общественные объединения Китайской Народной Республики” (отв. редакторы Ф.Б. Белелюбский и Л.М. Гудошников). Главы об объединениях сопровождались переводами их новейших (по тому времени) уставных документов. Первый том монографии, целиком написанный Г.А. Степановой, включил в себя главы о демократических партиях и НПКСК, во втором томе были рассмотрены массовые общественные организации (авторы О.Б. Городовикова, Т.М. Емельянова, Т.И. Илларионова).

Что касается самой КПК, то ее изучением как стержня (ядра) политической системы КНР в период полемики между КПК и КПСС и в первые годы после ее прекращения, кроме Г.А. Степановой, занимались К.В. Кукушкин⁷, Р.М. Неронов⁸, В.С. Скрипов⁹, М.А. Яковлев¹⁰. Международная деятельность КПК изучалась в другом научном подразделении ИДВ, возглавлявшимся Р.М. Аслановым.

К следующему этапу изучения КПК исследованиями сектора мы еще вернемся. Сейчас же отметим задачи, которые поставило перед сектором оживление политико-юридической жизни в Китае, прежде всего возвращение после разрушительных кампаний типа “большого скачка” и “культурной революции” к правовому регулированию жизни страны. На III пленуме ЦК КПК 11 созыва (1978 г.), знаменующем начало широкого реформирования Китая, был дан старт правовому строительству, прерванному “культурной революцией” и предшествовавшими ей кампаниями, насаждавшими произвол и беззаконие в государстве. Первым откликом на начало процесса восстановления правовых институтов была подготовленная в секторе журнальная статья “Законодательная политика Пекина на современном этапе”.¹¹ Тогда же началась большая и довольно трудоемкая работа по переводу и анализу новых нормативных актов КНР. Ее результатом явилась публикация в 1982 г. в ИДВ двухтомника “Основные законы и постановления Китайской Народной Республики (1971-1981 гг.)”, а затем в издательстве “Прогресс” сборников “Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты” (М., 1984) и “Китайская Народная Республика. Законодательные акты” (М., 1989). В 1984 г. выходит в свет коллективная монография с участием чешских ученых “Современное право КНР”. В этой работе содержится очерк формирования и развития права КНР, а в отдельных главах рассмотрены основные тенденции нового развития конституционного, хозяйственного, уголовного и уголовно- процессуального права КНР. В одной из глав были представлены вопросы правового регулирования политики открытости внешнему миру (в научной литературе того времени она именовалась политикой “открытых дверей”). Это был очерк юридической политики КНР в области привлечения и использования иностранного капитала в начальный период экономической реформы. Практически книга охватила все отрасли права КНР, по которым в первое пятилетие после III пленума ЦК КПК 11 созыва были приняты нормативные акты. Авторы книги оценили заметную активизацию нормотворческой деятельности в КНР оценили как ощутимый прогресс по сравнению с правовым нигилизмом “культурной революции”. Вместе с тем были проанализированы трудности, осложняющие про-

цесс законотворчества в стране. Следует отметить, что эта книга вызвала отклики в правовой периодике нескольких стран. Общее количество опубликованных рецензий на эту книгу приблизилось к десятку.

В середине 1980-х годов работа по изучению политической системы КНР была сконцентрирована в основном вокруг монографии "Государственный строй Китайской Народной Республики"¹², в подготовке которой принял участие весь состав сектора и авторы со стороны. В монографию, начатую главой о становлении новой государственности в Китае, вошла и специальная глава об эволюции конституционно-правового регулирования государственного строя, в которой на фоне политических событий различных этапов истории страны проанализированы все конституционные акты КНР, начиная от временной конституции — Общей (совместной) программы Народного политического консультативного совета Китая (НПККСК) до действующей конституции 1982 г. Далее в монографии были рассмотрены основы общественно-политического и политико-административного устройства страны, правовое положение ее граждан, принципы организации и деятельности государственного аппарата (им была посвящена самая большая глава в работе). Эта книга активно использовалась в учебных заведениях, готовящих востоковедные кадры, и при изучении государственного права КНР в учебных заведениях юридического профиля.

К вопросам развития государственного строя КНР, в том числе и ее политической системы, наши специалисты по политико-юридическим проблемам вновь обратились при подготовке юбилейного издания "40 лет КНР", где стали авторами целого ряда разделов о государственном строе, развитии политической системы, политических партиях, массовых общественных организациях, правовой науке.

Заметным явлением в политико-правом Китаеведении начала 90-х гг. прошлого века явилось исследование К.А. Егоровым политической системы и политической динамики КНР. Им была подготовлена монография на эту тему¹³, составившая основу докторской диссертации¹⁴. В этой работе К.А. Егоров исследовал основные институты политической системы и связанные с ним процессы в политической жизни страны за более десятилетний период с начала 80-х до начала 90-х гг. прошлого столетия. Углубляя начатую в прежних своих работах тему эволюции политической системы КНР, автор дал комплексный анализ ее развития в связи с политической динамикой, критически пересмотрел некоторые прежние оценки и выводы. Следующая монография К.А. Егорова "Представительная система Китая: история и современность", к сожалению, оказалась последней. Она была почти закончена автором, когда тяжелая болезнь прервала его научно-исследовательскую деятельность. Однако этот труд не пропал. Работа была завершена и доведена до печатного станка коллегами. Она вышла в издательстве "СПАРК" в 1998 г. под редакцией Л.М. Гудошников (им же совместно с К.А. Кокаревым были внесены в текст новые материалы). Эта книга, как и предыдущие труды К.А. Егорова, была высоко оценена в научной периодике¹⁵. В монографии К.А. Егорова исследуются представительные учреждения Китая на протяжении 85 лет их существования и во всем многообразии их форм на различных этапах китайской государственности XX века, начиная с парламента, сформированного в период синьхайской революции 1911-1913 гг. до современных представительных органов КНР с включением материалов по Сянгану и Тайваню.

Разумеется, труды К.А. Егорова, даже на время их публикации, не исчерпывали такого обширного направления исследований как политическая система КНР. Одновременно в секторе шла работа как по отдельным его разделам, так и по общим вопросам. В частности, серьезное внимание было уделено комитетам населения, называемых в Китае "курсами демократии", где, как

там считают, народные массы смогут постепенно выработать демократическое мышление, создать демократические традиции, нужные демократическому управлению. Организация и деятельность комитетов населения стала практически с момента возобновления этого института объектом исследований научно-исследовательскому проекту, в котором было продолжено изучение политико-юридических проблем Китая. Специально этим вопросом занялась Т.М. Емельянова. Ею опубликован ряд статей и докладов, при этом не обойдены вниманием и организации низового самоуправления в Гонконге и на Тайване¹⁶. Более того, эти вопросы стали темой глав и разделов в коллективных монографиях, уже изданных и готовящихся к изданию. Сейчас исследовательницей наблюдается и находит отражение в публикациях также процесс становления новых единиц низового самоуправления КНР — *шэцзюй* (территориальных общин).¹⁷

Разработка проблем Единого фронта была продолжена Г.А. Степановой как в монографии “Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике” (1999 г), так и в множестве статей, докладов и научно-информационных записок, а также в соответствующих разделах коллективных монографий.¹⁸ Общие вопросы политической системы КНР нашли отражение в изданной в 1996 г. брошюре Р.М. Асланова, Л.М. Гудошникова и Г.А. Степановой “Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти)”, в которой рассматривались роль и важные стороны функционирования политических институтов страны (т.е. авторы не ограничились рассмотрением только их структуры). В рецензии, опубликованной в журнале “Проблемы Дальнего Востока,” был признан интересным содержащийся в брошюре вывод, что “теория социализма с китайской спецификой” является своеобразной платформой для компромисса между фракциями ортодоксов и прагматиков внутри КПК и в конечном счете служит “эволюционному преобразованию компартии в политическую организацию национального согласия, и процветания Китая”.¹⁹

В начале 1990-х гг. одним из направлений научных исследований в ИДВ становится изучение политических реалий и правовых систем Сянган, в то время еще зависимой от Великобритании территории, и Тайваня. В других научных подразделениях института изучалась экономика и внешние связи этих китайских регионов. С 1992 г. ИДВ через свой информационный центр начал регулярный выпуск справочно-аналитических материалов по Тайваню (первоначально они именовались “Тайвань. Краткие справочные сведения”). Это стало возможным после установления неофициальных экономических и культурных связей между Россией и Тайванем, когда в Институт стала поступать тайваньская периодика и справочные материалы (в том числе ежегодники Тайваньского правительственного управления информации). В 1993 г. Институтом был выпущен в издательстве “Фабула” справочник по Тайваню для деловых людей, включившей в себя общие сведения об острове, его административно-политической структуре, экономике, внешних связях и т.п. В том же году в “ПДВ” была опубликована серия статей по различным сторонам развития острова (ПДВ. 1993. № 5). В последующие годы в журнале регулярно освещались различные этапы конституционных реформ на острове.

В начале 1990-х гг. Институтом были изданы справочные сведения о Гонконге (Сянгане) в двух частях (1993 и 1995 гг.). Однако издание монографических работ как по Тайваню, так и по Сянгану — впереди. Пока же до полного перехода бывших колониальных анклавов — Сянгана и Аомыня под суверенитет Китая Институтом были выпущены брошюры с текстами принятых ВСНП Основных законов особых административных районов (ОАР) в Сянгане и Аомыне и других документов, относящихся к их образованию. Вместе с тем были опубликованы журнальные статьи, освещавшие подготовку перехода со-

ответствующих регионов под суверенитет КНР. Имели место и выступления на эту тему на научных конференциях Института.²⁰

Вторая половина 1980-х и начало 1990 гг. были отмечены всплеском исследований по вопросам права КНР. Основным трудом, вокруг которого они концентрировались, была монография “Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс)”. В монографии был проанализирован новый этап правотворчества, связанный с политикой реформ и открытости внешнему миру. При этом исследовался широкий круг вопросов современного права КНР, в том числе нормативный каркас правовой системы, организационные процедуры правового регулирования процессов модернизации, принципы юридической политики в области реформ. Объектом исследования явились реформы в промышленности, сельском хозяйстве, обеспечении научно-технического прогресса и внешнеэкономической деятельности. Нормативную базу этого издания составил упомянутый выше сборник “Китайская Народная Республика. Законодательные акты”, вышедший в 1989 г. в издательстве “Прогресс”.

Наряду с этим был подготовлен ряд монографий. В 1986г. вышла работа Э.З.Имамова “Уголовное право КНР. История, современное состояние, тенденции развития”. Дальнейшая углубленная разработка автором вопросов уголовного права КНР привела к подготовке и изданию высоко оцененного правовой научной общественностью новаторского труда “Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы общей части” (Наука, 1990). В монографии раскрывались важнейшие теоретические вопросы уголовного права КНР в их неразрывной связи с действием национальной правовой традиции, с особенностями социально-экономического развития Китая. Далее был дан нормативный анализ нового уголовного законодательства страны. На примере практики ее правоприменительных органов были обозначены важнейшие составляющие правовой системы КНР, которые выражают национальную специфику. (М.: Наука, 1990). Эти монографии и многочисленные статьи Э.З.Имамова легли в основу докторской диссертации “Основные тенденции формирования и развития уголовного права Китайской Народной Республики”, защищенной в 1992 г.

Вопросы гражданского права КНР исследовал Е.Г. Пащенко. Его первым подходом к теме стали главы в монографии “Правовые аспекты модернизации в КНР” и серия статей по этой тематике.²¹ Одновременно Е.Г. Пащенко подготовил докторскую диссертацию “Гражданско-правовое регулирование экономических отношений и хозяйственный арбитраж в КНР периода реформы экономической системы”, защищенную в 1994 г., и монографию “Экономическая реформа в КНР и гражданское право”, выпущенную издательством “СПАРК” в 1997 г.

Новым направлением политико-юридических исследований в ИДВ стало изучение экологической политики и природоохранного законодательства. Этот участок обеспечивается Е.В.Бирюлиным, которым уже в 1994 г была подготовлена и вышла в свет монография “Охрана окружающей среды в КНР: Экологическая ситуация, политика, право” (ИБ ИДВ РАН. 1994. № 6.). В монографии на оригинальном китайском материале впервые в нашей научной литературе был дан анализ развития охраны окружающей среды в КНР с трех основных позиций — масштабов деформации среды обитания, государственной экологической политики и положений природоохранного законодательства. Автором была дана и оценка перспектив развития сложившейся ситуации, имеющей глобальную значимость. К монографии были приложены таблицы, характеризующие уровень загрязнения окружающей среды в КНР. В дальнейшем Е.В.Бирюлиным был опубликован значительный объем докладов и аналитичес-

ких материалов, переводов довольно сложных по терминологии природоохран-ных правовых актов КНР.

В 2005 г. вышла в свет монография “Экологические проблемы КНР: опыт правового регулирования” (изд-во “Огни”), написанная Е.В.Бирюлиным совместно с Е.И.Краниной.

В 1997 г. выходит первым изданием в ПП “Патент” и монография Л.М. Гудошникова и К.А. Кокарева “Политическая система Тайваня”, второе расширенное издание книги вышло два года спустя в издательстве “Комармия”. В том же 1999 г. был издан сборник “Многopатийность на Тайване”, содержащий тексты уставов основных на то время тайваньских политических партий (Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия, Новая партия) и большую вступительную статью Л.М.Гудошникова и К.А. Кокарева. Почти одновременно множительными средствами ИДВ РАН была издана монография тех же авторов “Гонконг. Особая автономия Китая”.

Однако главным событием в издательской деятельности Института в 1999 г. явилось издание юбилейного сборника “Китай на пути модернизации и реформ”, посвященного 50-й годовщине КНР. Статьи раздела “Политическая система” в этом сборнике были почти целиком написаны научными сотрудниками политико-юридического направления исследований тогдашнего Центра исторических и политических исследований Китая, включая тогдашнего куратора направления, руководителя центра Р.М. Асланова²². Тематика раздела охватывала широкий круг проблем, в числе которых — формирование стратегии КПК на современном этапе, КПК как ядро политической системы КНР, становление и модернизация правовых институтов, реформы госаппарата, демократические партии в политической системе страны, национальный вопрос: поиски и находки (статья была представлена из другого проекта А.А.Москалевым).

На рубеже веков почти все наличные силы политико-юридического направления в Центре исследования истории и политики Китая (теперь Центр современной истории и политики Китая) были сосредоточены на проблемном исследовании “Эволюция властных структур Китая в 80–90 гг. XX века”, завершившееся изданием коллективной монографии под редакцией академика М.Л. Титаренко “Как управляется Китай” (2001 г), в которой название темы стало подзаголовком.

Эта монография, вышедшая двумя изданиями в 2001 и 2004 гг., представляет собой исследование существующих на территории Китая трех политических систем: Китайской Народной Республики в ее основной материковой части, особых административных районов Сянган и Аомэнь (в другом произношении Аомынь), а также “Китайской Республики” на территории провинции Тайвань. В книге сравнительному анализу подвергнуты партийные и представительные системы, институты глав государства и регионов, административный и судебно-прокурорский аппараты, системы управления юстиций, полицией, а также контрольно-аудиторские и другие органы.

Работа над темой потребовала усиления изучения проблем, связанных с деятельностью правящей партии Китая. Поэтому крайне своевременным оказался переход в проект на эту тематику Н.Л. Мамаевой, ученого с большим опытом исследовательской работы по истории Компартии Китая и Гоминьдана. Механизм партийного влияния на государство и общество рассматривается ею на историческом фоне истории КПК (а в необходимых случаях и истории Гоминьдана) и в контексте инициируемых партией постепенных и поэтапных реформ политической системы. Правящая партия рассматривается Н.Л. Мамаевой прежде всего как институт управления страной, оцениваются достижения и негативы в этой области, возможности и перспективы. Н.Л. Мамаева в своих исследованиях старается не следовать сложившимся стереотипам, восхваляю-

щим, либо отрицающим правомерность и целесообразность существования в определенных исторических условиях монопартийных политических систем. Для монографии “Как управляется Китай” Н.Л. Мамаева написала два больших раздела “КПК в процессе реформ” и “Гоминьдан в процессе перехода от авторитаризма к многопартийности”²². (Первому из написанных разделов предшествовал написанный Р.М. Аслановым очерк “О роли КПК в государстве и обществе Китая”). Главной темой многочисленных современных публикаций Н.Л. Мамаевой, кроме указанных разделов в монографии, является исследование КПК как субъекта политической системы КНР и ее роли в процессе реформ.²⁴ В настоящее время она работает над монографией “Партия и власть: компартия Китая и проблема реформы политической системы”, которая должна быть завершена в 2006 г.

При работе над коллективной монографией значительно расширила свою традиционную тематику последних лет Г.А. Степанова, написавшая не только разделы о Едином фронте и демократических партиях, но также о партийных системах Тайваня и Сянган (в последнем случае она была первопроходящим темы). Другие участники продолжили исследования по своим традиционным рубрикам, например, Т.М. Емельянова — по массовым общественным организациям и низовому самоуправлению, Л.М. Гудошников — по системе государственных органов и т.д. К проекту подключился давно сотрудничающий с сектором старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований К.А. Кокарев, выступивший автором и соавтором многих разделов монографии. Существенный вклад в монографию внес пришедший на работу в ИДВ квалифицированный китаист А.В. Шитов, который взял на себя такой важный участок как административная реформа, которая набирает в КНР темпы, значительно превосходящие реформу политическую. В целом в нашем научном подразделении в связи с этим возрос интерес к административному аспекту китайских реформ, при этом не только к изменениям в структуре аппарата, которые отслеживались и раньше, но и к создаваемой заново системе регулярной государственной службы. Первой публикацией на эту тему явилась статья Л.М. Гудошникова “Формирование в КНР системы государственной службы” (ПДВ. 1995. № 4.). Далее эта тема стала предметом разработки коллективной монографии “Как управляется Китай” с добавлением параграфов, характеризующих системы гражданской службы в Сянгане и на Тайване. Одновременно с первым изданием вышеуказанной монографии вышла в свет работа Л.М. Гудошникова и А.В. Копкова²³ “Система государственной службы в Китайской Народной Республике” (ИДВ РАН, 2001), к которой были приложены основные нормативные акты, регулирующие формирование и прохождение этой службы, после того как ей был придан регулярный характер.

Главным содержанием работы был анализ создания в КНР регулярной системы государственной службы, идущей на смену старой системе аппаратчиков — ганьбу. Это определяется как отход от административно—директивной системы “всеобщего централизованного распределения кадров” к более рациональному управлению персоналом, его комплектованию в соответствии с интересами дела, с установкой на наиболее полное выявление личных способностей государственных служащих, постоянного повышения их качественного уровня.

В конце 1990-х гг. расширяется изучение общественных организаций, не относящихся к массовым (последним и ранее уделялось большое внимание в исследованиях подразделения). Имеются ввиду организации, причисляемые к принятой мировой социологической литературной категории так называемых неправительственных организаций — НГО (от сокращения англ. названия *non-governmental organizations*). В Китае таких организаций насчитывается более 230 тыс. Они явились предметом исследований В.Г. Ганшина, опубликовавшего

по этой проблеме ряд работ.³⁴ В настоящее время В.Г. Ганшин расширил рамки изучения проблемы до выхода на тему “Китай и его соседи на пути к гражданскому обществу”.³⁵ Здесь научный интерес автора не ограничивается исследованием появления и деятельности немассовых общественных организаций в Китае и соседних странах. Формирование гражданских союзов, ассоциаций, объединений рассматривается как сложный и многоплановый процесс институционализации гражданского общества в этих странах, как составная часть институциональных изменений, присущих политическим системам государств переходного периода. В этой связи предпринята попытка исследовать также процессы зарождения гражданских инициатив в государствах Средней Азии — бывших союзных республиках СССР, учитывая их географическую близость с Россией, “привязанность” к ней и к Китаю документами Шанхайской организации сотрудничества.

2004 г. оказался наиболее урожайным для публикаций политико-юридического направления. В самом начале года в издательстве “Зерцало” вышел подготовленный в Центре сборник “Современное законодательство Китайской Народной Республики”, в который вошел текст конституции КНР со всеми внесенными к тому времени поправками и важнейшие законы, в том числе несколько кодексов. Это было первым изданием основного китайского законодательства с 1989 г. За ним последовала вторым изданием уже упомянутая выше монография “Как управляется Китай”, существенно образом дополненная и переработанная. Вышло и давно сданное в печать научно-информационное издание “Гонконг (Сянган)”, которому издательство “Огни” дало подзаголовок “Справочник”, что не совсем соответствует его содержанию, которое отнюдь не ограничивается справочными сведениями, а содержит серьезные научные материалы, анализирующие историю территории, включая процесс и процедуру возвращения в КНР, ее политическую систему и экономику.

Особую ценность изданию придало участие в нем работавшего в Гонконге квалифицированного экономиста С.А. Степанова, а также свидетельства и материалы, побывавших там Г.А. Степановой и К.А. Кокарева.

Центр рекомендовал к печати, а Ученый совет ИДВ утвердил для опубликования две монографии К.А. Кокарева “Политический режим и модернизация КНР” и “Политический механизм особых административных районов КНР”, которые почти одновременно вышли в свет в том же 2004 г. В первой из указанных монографий анализируются основные направления эволюции политического режима КНР в период реформ. Автором показаны особенности воссоздания и развития институтов политической системы после “культурной революции”, реорганизации административного управления и кадровой политики, осуществления государственного и правового строительства с китайской спецификой. Политический режим рассматривается автором как функциональное выражение политической системы страны. Во второй монографии содержится структурно-функциональный анализ политических механизмов особых автономий Китая Сянгана и Аомэня (Аомыня), раскрывается специфика деятельности их парламентских учреждений, исполнительных и судебных органов власти (а также других органов юстиции), показаны пути решения проблем переходного периода в этих китайских регионах.

Должно быть особо отмечено, что сотрудники центра приняли активное участие в главном издании ИДВ 2004 г. — международным научном сборнике “Китай в диалоге цивилизаций. К 70-летию академика М.Л. Титаренко”. Руководитель центра Д.А. Смирнов, разрабатывающий вопросы государственной идеологии КНР, опубликовал статью о “трех представительствах”, как новом этапе эволюции этой идеологии, Н.Л. Мамаева — о КПК в связи с реформой политической системы; Г.А. Степанова — о КПК и демократических партиях в

их взаимоотношении; Т.М. Емельянова — о территориальных общинах (шэ-цзюй), в которой широко использовала материалы, полученные в результате посещения шэ-цзюй в нескольких городах Китая; В.Г. Ганшин рассмотрел НГО Китая в связи с политической реформой; Л.М. Гудошников представил проблему локализации правовых систем особых автономий КНР, при этом не только нормативную но и ее кадровую стороны.

В настоящее время сотрудники Центра завершают работу над большой монографией "Политическая система и право КНР в процессе реформ", поддерживаемой Российским гуманитарным научным фондом. В ней задействован весь состав политико-юридического направления Центра и несколько активистов подразделения со стороны. В ходе работы над этой темой ее участниками опубликован ряд статей и разделов в различных изданиях. Сказанное о политико-юридических исследованиях в ИДВ разумеется не охватывает всего их многообразия. Однако видно, что обладая небольшим кадровым составом, сектор, а затем проект и центр сумели охватить важнейшие проблемы этих исследований и продолжает играть координирующую роль в этом спектре китайских исследований.

1. Актуальные вопросы политической системы и внутривластного развития КНР. ИДВ РАН. М., 1977. С. 18
2. См. Т. Емельянова "Маоистские ревкомы в системе военно-бюрократической диктатуры", ИБ ИДВ, М., 1975, № 1; "Ревкомы в КНР на современном этапе", сборник докладов на конференции ИДВ, М., 1976; "Ревкомы в политической системе КНР", сборник докладов на конференции ИДВ, М., 1977 и др.; Р.М. Неронов "Ревкомы" — часть новой политической организации общества в КНР", ИБ ИДВ, М., 1972.
3. См., например, В.Г. Карымов. Внутривластные маневры маоистов после X съезда КПК. "ПДВ", 1975, № 3; Л.М. Гудошников, В.Г. Карымов О некоторых аспектах внутривластного положения в КНР, ИДВ, 1977, № 3 и др.
4. Исследование было защищено в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук в 1976 г.
5. Издана в Информационном бюллетене ИДВ, 1980, № 18.
6. Диссертация Б.П. Барахты отдельной книгой не издавалась. Основные положения диссертации были изложены в статье "Армия — основа маоистского режима" (ПДВ, 1976, № 1), написанной им в соавторстве с Р.М. Нероновыми и целом ряде докладов на научных конференциях.
7. XIII съезд Компартии Китая // ПДВ. 1988. № 1; Высвобождая энергию партии // ПДВ. 1988. № 6; О стратегии эволюционного развития Китая // ИБ ИДВ. 1993. № 2, и др.
8. Некоторые тенденции развития КПК. ПДВ, 1982, № 1 (Совместно со Степановой Г.А.)
9. Кадровая политика КПК в условиях реформы. ИБ ИДВ, 1990. № 10. Ч. II.
10. XIII съезд КПК о причинах негативных явлений в "стиле работы партии" и путях их преодоления. В сб. "Проблемы строительства социализма в Китайской Народной Республике в свете решений XIII съезда КПК". ИБ ИДВ, 1989.
11. Законодательная политика Пекина на современном этапе // ПДВ. 1979. № 4. Гудошников Л.М., Слабнов В.П.
12. Монография вышла в издательстве "Наука" в 1988 г.
13. Китайская Народная Республика: политическая система и политическая динамика (1980е — начало 1990-х гг). Защищена в МГИМО МИД РФ в 1993 г.
14. Эволюция политической системы Китайской Народной Республики и политическая динамика (1980е — начало 1990-х гг). Защищена в МГИМО МИД РФ в 1993 г.
15. См. в частности: Б.А. Страшун. Новая монография о китайской государственности // Журнал российского права. 1999. № 2; рецензия Н.П. Гуреевой в ПДВ. 1999. № 3.
16. В том числе: Самоуправление на селе (ПДВ. 1989. № 3); Работают Комитеты населения (Народный депутат. 1993. № 1); Законодательное регулирование общественного самоуправления в Китае (ПДВ. 1994. № 6); Организация низового самоуправления в городах КНР (Китай: Китайская цивилизация и мир. М., 1998. Ч.2.); Сравнительное

- исследование организаций самоуправления в Китае (ИМ ИДВ РАН. Серия "Общество и Государство в Китае в ходе реформ". М., 1998. Вып. 3) и многие другие.
17. Например, "Территориальные общины (шэцзюй) — форма самоуправления в городах КНР". См. сборник тезисов XIV международной научной конференции ИДВ РАН. М., 2003. Ч. I.
  18. Только в 1996 — 2004 г. Г.А. Степанова опубликовала 25 работ по проблематике Единого фронта демократических партий КНР, не считая упомянутой выше монографии и разделов в коллективных монографиях.
  19. Из рецензии К.А. Кокарева на указанную брошюру в ПДВ. 1996. № 4. С. 137.
  20. См.: Формирование будущего статуса Сянган. Документы и материалы // Экспресс информация ИДВ ИДВ АН СССР. В. 8. М., 1990. С. 26; Формирование статуса Аомыньского особого административного района. Нормативные акты КНР // Экспресс-информация ИДВ РАН. № 4. 1993 г.; Статьи в ПДВ: Сянган на переходе: политико-правовые проблемы (1994. № 4): Аомынь накануне воссоединения с Китаем (политико-юридические вопросы). 1999. № 1; доклады: Правовой статус особых административных районов КНР, в тезисах V международной конференции "Китайская традиционная культура и проблемы модернизации" М., 1994. Ч. II, правовая система Сянган после его возвращения под суверенитет Китая // Сборник "Общественно-политические проблемы современного Китая". Серия: Общество и государство в Китае в ходе реформы. Вып. 2. М., 1998 и др.
  21. Наследственное право в КНР // ПДВ. 1987. № 1; Закон КНР о банкротстве предприятий // ПДВ. 1987. № 3 (в соавторстве с И.Я. Викторовым); Китайские ученые о юридических основах самостоятельности государственных предприятий // ПДВ. 1988. № 3; первая систематизация гражданского права КНР // Советское государство и право. 1988. № 2; и др.
  22. Р.М. Асланов неоднократно выступал на конференциях центра и Института по вопросам, связанным с КПК, тезисы или тексты которых опубликованы в соответствующих сборниках.
  23. Во втором издании монографии специальный раздел о Гоминьдане отсутствует, он включен в раздел "Партийная система Тайваня", что связано с расколом партии и утерей его важных позиций во властных структурах. Современное положение этой партии проанализировано также в разделе о партийной системе на Тайване, написанном Г.А. Степановой.
  24. Из новейших публикаций отметим "Компартия Китая — адаптация к новым условиям" (КНР. 55 лет. Политика, Экономика, Культура. М., 2004); "Компартия Китая и проблема внутривластной стабильности как основы развития российско-китайских отношений // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М., 2005), "Коммунистическая партия Китая и проблема реформы политической системы" // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004) и др.
  25. А.В. Копков — кандидат политических наук, выпускник аспирантуры ИСАА при МГУ, в настоящее время работает в Китае.
  26. Публикации В.Г. Ганшина касались конкретных правил регистрации НГО в Китае (в том числе и на Тайване) и в АТР, практической деятельности благотворительных, религиозных, правозащитных и других в материковом Китае и в провинции Тайвань ("Китайской Республике на Тайване").
  27. Итогом этих исследований явилась выпущенная в 2004 г. ИДВ РАН монография на эту тему (20 а.л.).

Геннадий Васильевич Астафьев — один из основателей Института Дальнего Востока

Ко времени создания Института Дальнего Востока АН СССР он уже был известным российским востоковедом, доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РСФСР, наставником ряда поколений российских китаеведов. Следует особо отметить широту научной эрудиции Г. В. Астафьева. В своих работах он выступал как географ, историк, экономист, специалист по международным отношениям.

Геннадий Васильевич родился на Дальнем Востоке, в Читинской области, получил высшее образование в одном из древнейших в нашей стране центров подготовки российских китаеведов — Владивостокском Дальневосточном Университете. Университет был ориентирован прежде всего на подготовку практических работников по странам Востока, работников внешнеполитических и внешнеторговых организаций. Среди учившихся во Владивостоке российских китаеведов были М. И. Конрад, М. И. Сладковский, В. В. Вишнякова-Акимова и др.

В 1930 г. Г. В. Астафьев окончил Восточный факультет Дальневосточного университета, получив специальность экономиста-китаеведа. Трудовая деятельность началась для него с практической работы в Народном комиссариате внешней торговли (НКВТ) СССР, во владивостокском отделении Чайцентрсоюза, а в Москве, в Импортной конторе Центросоюза, далее в Совсиньторге.

В 30-40-е годы прошлого века Советский Союз поддерживал широкие политические и экономические связи с администрацией китайской провинции Синьцзян. В 1934 г. Г. В. Астафьев был направлен в Синьцзян, в Урумчи, секретарем-экономистом Торгагенства СССР, где работал до 1937 г.

Жизнь и судьба поколения, к которому принадлежал Г. В. Астафьев, была связана с войной. Осенью 1939 г. Г. В. Астафьев в составе частей Советской армии освобождал Западную часть Белоруссии. В 1942-1946 гг. служил в политорганах Среднеазиатского военного округа, затем в политотделе 21-й армии в Уссурийске. И в рядах Советской армии оказались востребованы его знания об экономическом развитии и политической ситуации в пограничных с СССР районах Китая.

Накануне войны Геннадий Васильевич стал аспирантом, а затем и сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики, читал лекции и вел практические занятия на курсах НКВТ СССР.

Научную работу Г. В. Астафьев продолжил в 1942 г. во время службы в армии. В 1944 г. он в чине капитана Советской армии и в военном мундире прибыл в Ташкент и защитил диссертацию на степень кандидата экономических наук по теме "Синьцзян. Политико-экономический очерк". В 1945 г. все еще находясь в рядах Советской армии, он подготовил труд "Казахи Джунгарии". В нем использованы архивные материалы, хранившиеся в архивах Алма-Аты, Ташкента, а также собственные наблюдения, накопленные за годы работы в Синьцзяне.

После войны Г. В. Астафьев трудится в Москве, под руководством академика Е. М. Жукова, в Тихоокеанском институте, который превратился в один из главных центров изучения положения в странах Дальнего Востока и международных отношений в этом регионе.

В тот период объектом исследования Г. В. Астафьева была экономика Китая, проблемы индустриализации КНР. Он читал курс лекций по экономике Китая в Московском институте востоковедения. Значительная часть трудов по экономике Китая и советско-китайским экономическим отношениям, опубликованных в 1950-1980 гг., проходили в той или иной степени апробацию Г. В. Астафьева, в том числе известные монографии М. И. Сладковского, директора ИДВ АН СССР, по истории торгово-экономических отношений СССР с Китаем.

Одновременно Г. В. Астафьев начал заниматься изучением китайско-американских отношений. Данное направление стало одним из важнейших в его дальнейшей исследовательской деятельности. В 1950-1970 гг. Г. В. Астафьев возглавлял секторы экономики в Институте Востоковедения и Институте Китаеведения АН СССР и вел активную преподавательскую работу (доцент и заведующий кафедрой экономики и географии стран Востока Института Восточных языков при МГУ), завершил фундаментальное исследование "Интервенция США в Китае и ее поражение (1945-1949)", опубликовал ряд статей по данной проблеме, не потерявших свою значимость и в настоящее время. Он публиковался в журналах "Вопросы экономики", "Ученые записки Института Востоковедения", "Вопросы истории", "Советское востоковедение" и др. В 1960 г. Г. В. Астафьев защитил докторскую диссертацию. 50 лет жизни было отдано работе в Академии наук СССР. Опубликовано более 100 научных трудов. До последних дней жизни Г. В. Астафьев продолжал работу над обобщающей монографией о китайско-американских отношениях в XVIII-XX веках.

Будучи известным ученым-экономистом, специалистом в области истории международных отношений и экономической истории Китая, доктором наук и профессором, Г. В. Астафьев стал одним из создателей Института Дальнего Востока. Наряду с занятиями научно-исследовательской работой, он вновь проявил себя как талантливый организатор науки. В ИДВ Г. В. Астафьев был заведующим сектором, заместителем директора Института Дальнего Востока по науке с 1968-по 1974 гг.

В 1970-е годы он работал в академической Комиссии, которая координировала изучение проблем Дальнего Востока в масштабах всего Советского Союза.

Г. В. Астафьев принимал активное участие в организации и проведении в ИДВ научных конференций по проблемам внешней политики Китая, которые проходили с привлечением ученых из союзных республик Кавказа, Средней Азии, а также Дальнего Востока.

Одновременно Г. В. Астафьев продолжал заниматься научно-педагогической деятельностью. Под его руководством защищено более 30 кандидатских и докторских диссертаций. Он являлся бессменным членом редколлегии журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Г. В. Астафьев был награжден орденом Знак Почета и медалями за большой вклад в развитие науки.

Завершая статью, хочется вспомнить слова из материала "Памяти Г. В. Астафьева" в журнале "Проблемы Дальнего Востока" (1991, N4). "Вспоминая Геннадия Васильевича, его духовное влияние на людей, с которыми его так или иначе сводила судьба, необходимо сказать: он был Учителем Науки, нравственности, самой жизни. И поэтому главный итог его жизненного пути не только в том, что сотни людей не забудут его глубокие неординарные лекции... Незабываемым останется и его беспримерная человеческая верность — будь то в отношениях между людьми или в служении науке, убежденность, совсем не тождественная консерватизму, удивительная открытость всему новому, почти детский интерес к жизни во всех ее проявлениях, редкая доброжелательность и способность радоваться за других. Астафьев несомненно останется частью всех с ним соприкасавшихся людей, частью их собственной жизни."

Российский Дальний Восток

Перспективы добычи нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России

© 2005

А. Коржубаев

1. Проблемы развития нефтегазового комплекса в Восточной Сибири и Дальнего Востока. Позиция Правительства.

Исследования перспектив расширения и освоения сырьевой базы углеводородов Восточной Сибири и Дальнего Востока проводятся в ИГНГ СО РАН в течение длительного времени. В основу настоящей статьи положены результаты этих исследований, а также опубликованные материалы Правительства России, российских и зарубежных научно-исследовательских организаций и нефтегазовых компаний.

Формирование новых крупных центров нефтяной и газовой промышленности в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сдерживает ряд негативных факторов, наиболее существенные из которых:

1. Отсутствие программы лицензирования недр, реализация которой обеспечила бы интенсивное проведение геологоразведочных работ и последовательный ввод месторождений в эксплуатацию. Имела место длительная задержка в лицензировании Талаканского, Собинского месторождений, до настоящего времени не выдана лицензия на разработку Чаяндинского месторождения. Без ввода в разработку этих крупнейших месторождений многие другие проекты в регионе становятся нерентабельными.

2. Многолетнее невыполнение рядом недропользователей крупнейших объектов условий лицензионных соглашений. В частности, задерживается освоение Верхнечонского месторождения, до 2001-2002 гг. крайне медленно велись работы на Ковыктинском и Юрубчено-Тохомском месторождениях.

3. Предоставление лицензий на геологическое изучение и добычу полезных ископаемых ряда крупных месторождений (Среднеботуобинское, Тас-Юряхское, до 2000 г. Юрубчено-Тохомское и др.) мелким недропользовате-

лям, не имеющим финансовых средств для их освоения в предельно сложных физико-географических и природно-климатических условиях.

4. Отсутствие согласованной политики администраций регионов на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, попытки проводить независимую политику освоения отдельных месторождений без учета межрегиональных и общероссийских интересов.

5. Отсутствие согласованной программы оптимального размещения трасс нефте- и газопроводов.

6. Рассогласованность нормативно-правовых документов, определяющих режим недропользования, включая соглашения о разделе продукции.

Все эти факторы в совокупности делают крайне неопределенными реальные сроки формирования новых крупных центров добычи нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, уже отодвинули и продолжают отодвигать сроки начала реализации проектов. Вместе с тем в последние годы в официальной позиции Правительства РФ имел место ряд изменений, отражающих необходимость ускоренного развития экономики восточных регионов страны, усиления восточного вектора внешней экономической политики.

В июне 2002 г. Правительство РФ утвердило "Стратегию экономического развития Сибири". В ней подчеркнута "необходимость создания новых центров добычи нефти и газа в Восточной Сибири". В Стратегии уделено особое внимание развитию транспортных коммуникаций. "Сооружение магистральных нефте- и газопроводов "Запад — Восток" экспортного направления, — говорится в документе, — будет способствовать развитию топливно-энергетического комплекса в Восточно-Сибирском регионе и на Дальнем Востоке, позволит решить важнейшие стратегические задачи, связанные с выходом на перспективный рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона".

В августе 2003 г. Правительство РФ утвердило "Энергетическую стратегию России до 2020 г.". В документе учтены положения разработанной Сибирским отделением РАН "Концепции развития нефтегазового комплекса Восточной Сибири и Дальнего Востока с учетом реализации перспективных международных проектов". Положения Энергетической стратегии в целом согласуются с принятой Правительством "Стратегией экономического развития Сибири". Эти официальные документы будут выступать важными ориентирами для принятия решений хозяйственными субъектами в топливно-энергетическом комплексе востока России.

Стратегия Правительства предусматривает повышение роли восточных районов в нефтяной и газовой промышленности России, диверсификацию экспорта с выходом на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона. Предполагается, что основой формирования новых крупных центров нефтяной и газовой промышленности на востоке страны, обеспечения внутренних потребностей этих регионов и организации долгосрочных поставок нефти в АТР будут месторождения Сибирской платформы — Восточная Сибирь и Республика Саха (Якутия). На базе месторождений шельфа острова Сахалин будет сформирована еще одна крупная система нефтегазообеспечения, преимущественно, экспортной ориентации.

2. Геологическая изученность территории и акватории Восточной Сибири и Дальнего Востока

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке открыты три крупнейших нефтегазоносных провинции: Лено-Тунгусская, Хатангско-Виллюйская и Охотоморская.

3. Сырьевая база углеводородов

Согласно оценке, выполненной ИГНГ СО РАН, на территории и акватории Восточной Сибири и Дальнего Востока начальные извлекаемые ресурсы углеводородов равны 85-90 млрд т условных углеводородов, в том числе нефти 20-22 млрд т, попутного газа — 1,5-2 трлн м³, свободного газа — 58-61 трлн м³, конденсата — 3-5 млрд т.

Разведанные запасы нефти (категории A+B+C₁, приблизительно соответствует категории proved в международной классификации) по состоянию на 1 января 2003 г. составили в Восточной Сибири 386,8 млн т, на Дальнем Востоке — 459,5 млн т, в том числе на шельфе Охотского моря — 204,6 млн т; предварительно оцененные запасы нефти (категории C₂, приблизительно соответствует категории probable в международной классификации) составляют в этих регионах 605,1 млн т и 303,1 млн т (в том числе на шельфе 193 млн т), соответственно.

Нефти рассматриваемых регионов отличаются высоким качеством, превосходящим по основным параметрам российский экспортный стандарт Urals. В основном это легкие и низкосернистые сорта. Большая часть запасов нефти Восточной Сибири и Дальнего Востока (86,1% и 68,2%, соответственно) имеет плотность менее 0,87 г/см³, при этом почти 50% запасов, сосредоточенных в Восточной Сибири и около 78% на Дальнем Востоке, имеют содержание серы менее 0,5%.

Разведанные запасы свободного газа (включая газ газовых шапок) по состоянию на 1 января 2003 г. составили в Восточной Сибири 2361,6 млрд м³, на Дальнем Востоке — 2167,1 млрд м³, в том числе на шельфе Охотского моря — 863,3 млрд м³, предварительно оцененные запасы, соответственно, равны 1701,2 млрд м³ и 1423,1 млрд м³, в том числе на шельфе Охотского моря — 326,1 млрд м³. Запасы газа Восточно-Сибирского и Дальневосточного регионов сконцентрированы в основном в Красноярском крае, Республике Саха, Иркутской и Сахалинской (включая шельф) областях.

Для завершения разведки и подготовки к промышленной разработке открытых к настоящему времени нефтяных и газовых месторождений требуются инвестиции в объеме около 2,5 млрд долл. Инвестиции должны формироваться в основном за счет собственных средств компаний, а также финансовых ресурсов, привлеченных на условиях проектного финансирования.

В последние годы в процессе доразведки уже открытых месторождений (Ковыктинское, Юрубчено-Тохомское, Лунское, Пильтун-Астохское и др.) происходит значительное увеличение запасов. Согласно опубликованным данным, в результате доразведки запасы газа на Ковыктинском месторождении превысили 2 трлн м³ [ОАО "Компания "РУСИА Петролеум", 2003]. По оценке ИГНГ СО РАН, суммарные запасы газа на Ковыктинском месторождении и прилегающих к нему лицензионных участках составляют не менее 3 трлн м³, извлекаемые запасы нефти Юрубчено-Тохомской зоны нефтегазоаккумуляции (Юрубчено-Тохомское и Куюмбинское месторождения) равны около 1 млрд т, газа — 1,7-2 трлн м³, запасы газа Чаюндинского месторождения составляют не менее 1,3 трлн м³ [Трофимук и др., 1997].

Вместе с тем к настоящему времени в целом на территории и акватории Восточной Сибири и Дальнего Востока проведены сравнительно небольшие объемы геологоразведочных работ и процесс выявления углеводородных месторождений находится в начальной стадии, что обуславливает низкую долю запасов высокодостоверных категорий в структуре начальных суммарных ресурсов. Степень разведанности начальных ресурсов нефти составляет 4,4%, газа — 7,6%.

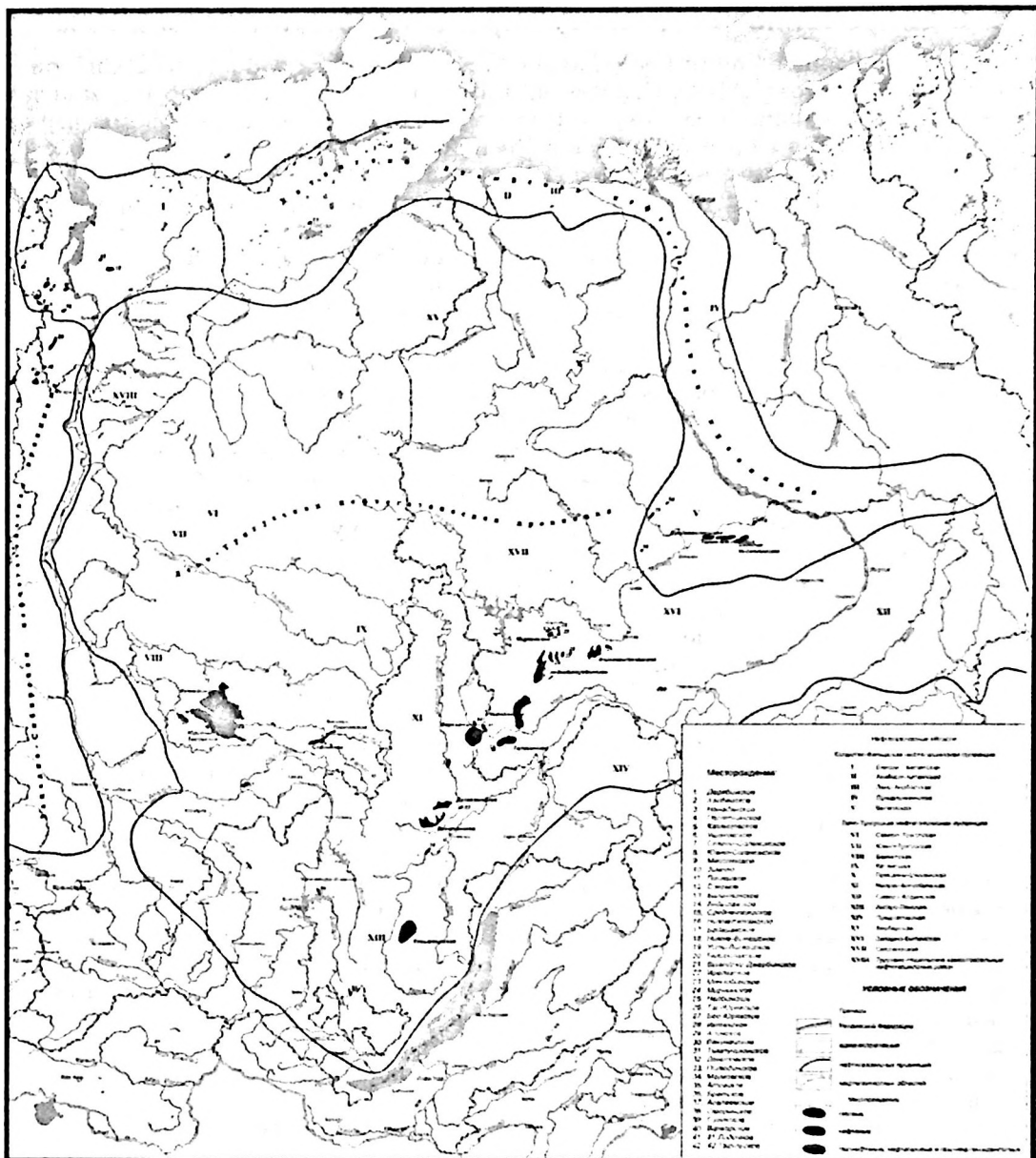

Рис. 1. Крупнейшие месторождения Сибирской платформы

В случае резкого расширения в регионе геологических и геофизических работ в пределах Непско-Ботуобинской, Байкитской, Катангской, Ангаро-Ленской областей Лено-Тунгусской нефтегазоносной провинции ожидается открытие новых месторождений со значительными объемами нефти, конденсата свободного и попутного газа. На Дальнем Востоке поиски и разведку целесообразно продолжить на высокоперспективных шельфах Охотского моря, где сосредоточено около 85% прогнозируемых ресурсов скопления углеводородов. Наиболее крупные месторождения могут быть открыты на шельфе Северного Сахалина, а также Магаданском, Камчатском и Хабаровском шельфах Охотского моря.

4. Современное состояние и прогноз добычи нефти и газа

В настоящее время промышленная добыча нефти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке ведется только на Сахалине, включая шельф (4,3 млн т в 2004 г.) и Республике Саха (около 0,4 млн т в год). Небольшие объемы нефти (менее 0,1 млн т в год) добываются в Эвенкийском автономном округе Красноярского края и Иркутской области (Юрубчено-Тохомская зона нефтегазонакопления, Ярактинское, Дулисминское, Даниловское месторождение и др.).

Добыча небольших промышленных объемов газа (менее 2 млрд м³ в год) ведется в центральных и западных районах Республики Саха (Якутия) и на о-ве Сахалин. Это позволило создать там локальные системы энергообеспечения, а также поставлять часть сырья в соседние регионы страны. В Якутии осуществляется газоснабжение г. Якутска, г. Мирного, проведена газификация центральных районов республики. На базе месторождений о-ва Сахалин осуществляется снабжение природным газом северных районов Сахалинской области и Комсомольского промышленного узла в Хабаровском крае.

В Таймырском автономном округе (север Красноярского края) ведется добыча газа (3,6-4,1 млрд м³ в год) полностью расходуемого на местные нужды, включая поставки на предприятия "Норильской горно-металлургической компании" ("Норильский никель"). Это полностью замкнутая, территориально обособленная система, поставки нефти и газа в АТР в ближайшие десятилетия из этого района вряд ли возможны, поэтому в приведенных ниже таблицах данные по Таймырскому автономному округу не включены.

Самые крупные по объемам добычи, переработки, уровню капитализации компании, действующие в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — "Сургутнефтегаз", "Роснефть", "ТНК—BP", "Сибнефть" (через контроль над "Славнефтью"). Дочерняя компания НК "ЮКОС" — "Восточно-Сибирская нефтегазовая компания" ведет работы на Юрубчено-Тохомском месторождении в Эвенкийском автономном округе Красноярского края. Крупнейший в мире газовый концерн ОАО "Газпром" имеет лицензионные участки в Красноярском крае и Иркутской области, участвует в ряде проектов на шельфе Сахалина. С июля 2002 г. "Газпром" является официальным координатором программы добычи и транспортировки газа Восточной Сибири и Дальнего Востока. После поглощения компании "Роснефть" концерн станет непосредственным участником проекта "Сахалин-1". Рассматривается возможность вхождения "Газпрома" в проект "Сахалин-2".

Укрупнение структуры собственности и создание стратегических альянсов ("Газпром", "Роснефть", "Сургутнефтегаз", "ТНК—BP", "Сахалин Энерджи" и др.) российских компаний, в том числе с участием иностранного капитала, повышает возможность привлечения крупных инвестиций в проекты освоения месторождений в новых регионах, а также позволяет более эффективно влиять на глобальную конъюнктуру.

По прогнозу ИГНГ СО РАН, к 2010 г. добыча нефти в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) может достичь 12—13 млн т (табл. 1). В этот период ожидается начало промышленной разработки Талаканского, Юрубчено-Тохомского, Куюмбинского месторождений, будут организованы поставки конденсата с Кувьктинского месторождения. На шельфе острова Сахалин будет завершён ввод в эксплуатацию производственных объектов проектов "Сахалин-1" и "Сахалин-2", что позволит довести суммарную добычу в Сахалинской области до 23 млн т. В дальнейшем при проведении активной государственной политики в области недропользования и лицензирования недр, резком расширении геологоразведочных работ, развитии перерабатывающей и транспортной инфраструктуры добыча нефти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (с учетом добычи на острове Сахалин и его шельфе) может быть к 2020 г. доведена до 90 млн т, а к 2030 г. — до 145 млн т.

Таблица 1.

**Прогноз добычи нефти и конденсата в Восточной Сибири
и на Дальнем Востоке до 2030 г., млн т.**

Регион, месторождение / Год	2004	2005	2010	2015	2020	2025	2030
Республика Саха (Якутия)							
Среднеботуобинское	0,01	0,02	0,81	2,13	2,17	2,17	1,75
Талаканское	0,20	0,30	1,60	5,21	5,21	5,11	4,51
Чаяндынское	0,00	0,00	0,10	0,95	2,12	2,12	2,12
Верхневиллючанское	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0
Средневиллюйское	0,18	0,09	0,25	0,28	0,28	0,27	0,25
Прочие и прогнозируемые к открытию	0,03	0,03	0,60	0,80	1,00	3,50	14,97
Всего по Республике Саха (Якутия)	0,4	0,4	3,4	9,4	10,8	13,2	23,6
Иркутская область							
Ковыктинское	0,00	0,01	0,54	0,94	1,09	1,09	1,09
Верхнечонское	0,00	0,00	0,81	6,94	9,34	9,34	8,84
Дулисинское	0,01	0,02	0,05	0,30	0,31	0,31	0,29
Ярактинское	0,05	0,06	0,30	0,55	0,60	0,60	0,5
Прочие и прогнозируемые к открытию	0,02	0,02	0,20	0,40	2,10	5,50	19,28
Всего по Иркутской области	0,1	0,1	1,9	9,1	13,4	16,8	30
Красноярский край (Эвенкийский АО)							
Юрубчено-Тохомское	0,04	0,06	4,07	14,38	21,42	21,43	21,43
Куюмбинское	0,02	0,04	3,00	8,05	11,05	11,06	11,06
Собинское	0,01	0,01	0,04	0,39	0,82	0,62	0,5
Прочие и прогнозируемые к открытию	0,00	0,00	0,10	0,70	2,50	6,90	23,41
Всего по Эвенкийскому автономному округу	0,1	0,1	7,2	23,5	35,8	40,0	56,4
Восточная Сибирь и Республика Саха							
Всего	0,6	0,6	12,5	42,0	60,0	70,0	110,0
Сахалинская область							
Проект "Сахалин-2" (Лунское, Пильтун-Астохское)	1,6	1,7	8,5	8,5	8,5	8,1	7,3
Проект "Сахалин-1" (Чайво, Одогту, Арктун-Даги)	0	0,1	12,5	12,5	12,5	12,5	12,1
Прочие и прогнозируемые к открытию	2,1	2,2	2	4	9	12	15,6
Всего по Сахалинской области	3,7	4	23	25	30	32,6	35
Восточная Сибирь и Дальний Восток							
Итого	4,3	4,6	35,5	67,0	90,0	102,6	145,0

На шельфе острова Сахалин будет сформирована новая крупная система нефтеобеспечения преимущественно экспортной ориентации. Кроме того, планируется увеличить загрузку сахалинской нефтью Комсомольского НПЗ. Поставки на Хабаровский НПЗ, вероятно, будут организованы с месторождений Республики Саха. В настоящее время уровень загрузки производственных мощностей Комсомольского НПЗ составляет чуть более 70%, Хабаровского — менее 60%. Доля сырья, поставляемого на эти заводы из Западной Сибири — 81 и 100%, соответственно.

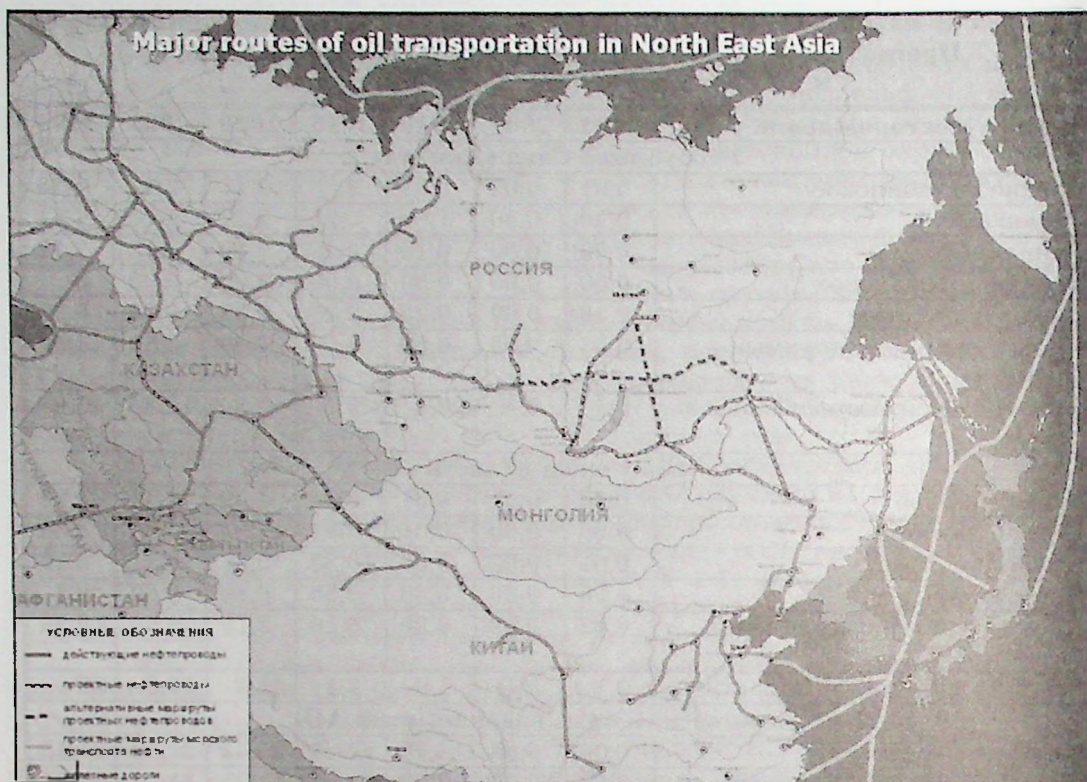

Рис. 2. Главные маршруты транспортировки нефти в Северо-Восточную Азию

Таблица 2.

**Прогноз добычи газа в Восточной Сибири
и на Дальнем Востоке до 2030 г., млрд м³**

Регион, месторождение / Год	2004	2005	2010	2015	2020	2025	2030
Республика Саха (Якутия)							
Среднеботуобинское	0,2	0,3	0,9	3,5	4,9	5	4,9
Талаканское	0	0	0,4	0,8	0,9	0,9	0,8
Чаяндинское	0	0	0,4	17	25	25	25
Верхневиллючанское	0	0	0,2	0,5	2,3	2,3	2,3
Средневиллюйское	1,3	1,4	4,1	4,5	4,5	4,4	4,1
Прочие и прогнозируемые к открытию	0,2	0,2	2,5	5,3	8,3	9	10
Всего по Республике Саха (Якутия)	1,7	1,9	8,5	31,6	45,9	46,6	47,1
Иркутская область							
Ковыктинское	0,1	0,2	19	33	38,5	38,5	38,5
Верхнечонское	0	0	0,6	2,1	2,1	2,1	2
Дулиминское	0	0	0,1	2,3	2,5	2,5	2,2
Ярактинское	0	0	0	0,7	1,3	1,3	1,3
Прочие и прогнозируемые к открытию	0,1	0,1	0,2	2,2	7,1	7,8	9
Всего по Иркутской области	0,2	0,3	19,9	40,3	51,5	52,2	53

Регион, месторождение / Год	2004	2005	2010	2015	2020	2025	2030
Красноярский край (Эвенкийский АО)							
Юрубчено-Тохомское	0	0	1,5	8,3	9,1	9,3	9,2
Куюмбинское	0	0	0,1	1,5	1,7	2	2
Собинское	0	0	0	5,2	6	6	5,3
Прочие и прогнозируемые к открытию	0	0	0	0,3	0,8	1,1	3,4
Всего по Эвенкийскому автономному округу	0,0	0,0	1,6	15,3	17,6	18,4	19,9
Восточная Сибирь и Республика Саха							
Всего	1,9	2,2	30,0	87,2	115,0	117,2	120,0
Сахалинская область							
Проект "Сахалин-2" (Лунское, Пильтун-Астохское)	0,2	0,3	14	16	16	12	8
Проект "Сахалин-1" (Чайво, Одопту, Аруктун-Даги)	0	0	4,5	5,7	7,3	8,1	7,9
Прочие и прогнозируемые к открытию	1,6	1,6	1,5	1,3	1,7	7,8	14,1
Всего по Сахалинской области	1,8	1,9	20	23	25	27,9	30
Восточная Сибирь и Дальний Восток							
Всего	3,7	4,1	50,0	110,2	140,0	145,1	150,0

Согласно расчетам, выполненным в ИГНГ СО РАН, даже на основе только разведанных и предварительно оцененных запасов Иркутской области, Республики Саха и Красноярского края, при условии создания соответствующей транспортной инфраструктуры, с учетом внутреннего и внешнего платежеспособного спроса суммарная годовая добыча газа в регионе может быть доведена к 2010 г. — до 30 млрд м³. Начнется промышленная эксплуатация Ковыктинского месторождения, возрастет добыча на Средневилюйском и Среднеботуобинском месторождениях, будут организованы поставки попутного газа с Юрубчено-Тохомского месторождения. Добыча газа на шельфе острова Сахалин возрастет к 2010 г. до 20 млрд м³ (табл. 2). К 2020 г. добыча газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке может быть увеличена до 140 млрд м³, а к 2030 г. до 150 млрд м³.

В "Энергетической стратегии России до 2020 г." предусматривается, что при интенсивном проведении геологоразведочных работ ежегодная добыча нефти в Восточной Сибири и Республике Саха может быть доведена к 2010 г. до 10 млн т, к 2020 г. — до 80 млн т. Согласно стратегии предполагается доведение добычи нефти на шельфе о-ва Сахалин в 2009-2013 гг. до 22-26 млн т в год. Ежегодная добыча газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке может увеличиться до 50 млрд м³ к 2010 г. и до 110 млрд м³ к 2020 г.

При развитии газовой промышленности Восточной Сибири и Республики Саха следует учитывать высокое содержание в природных газах этого региона таких элементов как этан, пропан, бутаны и конденсат. Это означает необходимость создания в Восточной Сибири мощностей по переработке газа, с выделением этана, пропан-бутановой фракции, конденсата, развития существующих ("Ангарская нефтехимическая компания", "Саянскхимпласт", "Усольехимпром" и др.), и формирования новых предприятий нефте- и газохимической промышленности.

В свободных газах месторождений Лено-Тунгусской нефтегазоносной провинции (Эвенкийский автономный округ, Иркутская область, Республика Саха) содержатся в высоких концентрациях гелий (0,20-0,60%). Начальные геологические ресурсы гелия здесь равны 55—70 млрд м³, что превосходит современные ресурсы и запасы гелия в США — крупнейшем производителе и экс-

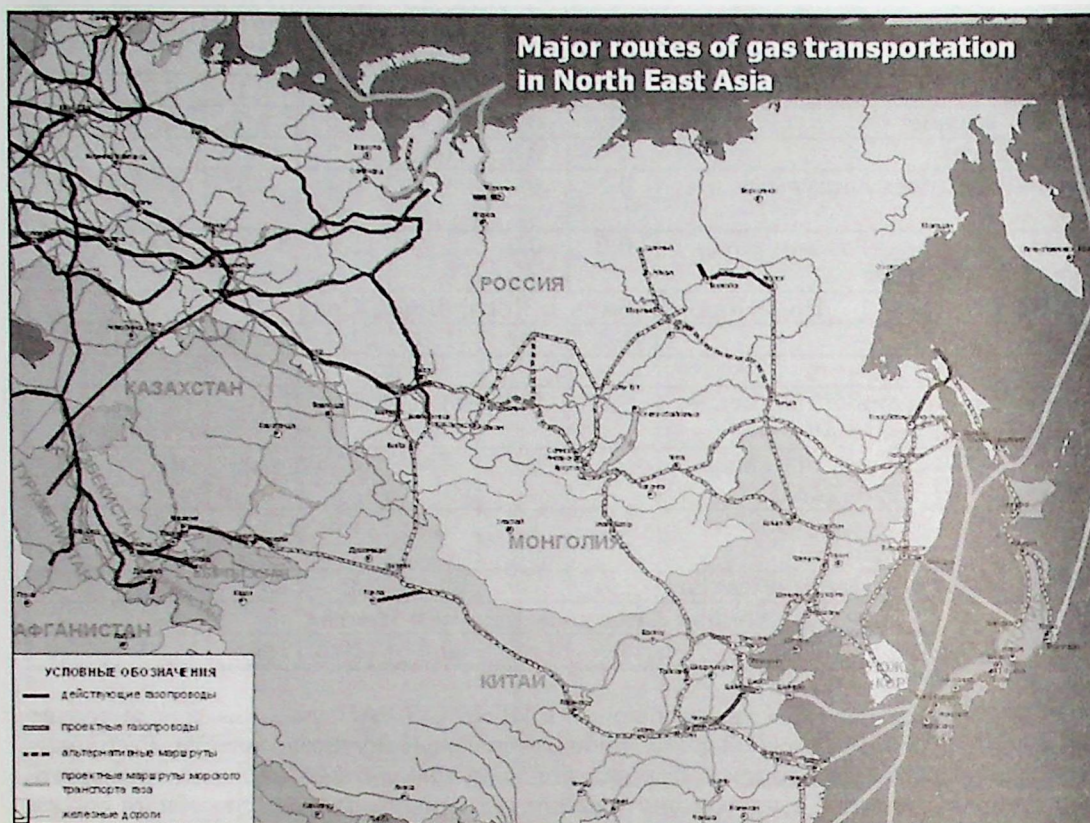

Рис. 3. Главные маршруты транспортировки газа в Северо-Восточную Азию

портуре гелия. Ежегодная добыча гелия в Восточной Сибири и Республике Саха может быть доведена к 2020 г. до 135–150 млн м³ в год. При освоении газовых месторождений Лено-Тунгусской провинции необходимо предусмотреть строительство заводов по выделению гелия и его хранилищ.

Для обеспечения долгосрочного устойчивого развития нефтегазового комплекса Восточной Сибири и Республики Саха необходимо к 2015 г. выявить и разведать новые месторождения с извлекаемыми запасами нефти 1,1–1,3 млрд т. В силу специфики ресурсной базы Восточной Сибири и Республики Саха одновременно неизбежно будет разведано не менее 1 трлн. м³ газа. Решение этих задач потребует дополнительных инвестиций в геологоразведку не менее 12 млрд долл. Общие инвестиции в геологоразведку должны составить в ближайшие 20 лет не менее 14,5 млрд долл.

5. Прогноз спроса на нефть, нефтепродукты и газ в восточных регионах России (Восточная Сибирь и Дальний Восток)

Спрос на нефть, нефтепродукты и газ в Восточной Сибири в значительной мере будет определяться развитием ключевых отраслей промышленности — в том числе нефте- и газодобычи, нефтепереработки, нефтехимии, металлургии, энергетики, а также продолжением процесса моторизации населения, газификацией коммунально-бытовой сферы, развитием транспортных систем.

Объем годового потребления нефти и нефтепродуктов, включая использование сырой нефти на промыслах и потери, в Восточной Сибири и на Даль-

нем Востоке возрастет к 2010 г. до 21 млн т, в том числе в Восточной Сибири и Республике Саха — до 12 млн т, на Дальнем Востоке — до 9 млн т (табл. 3). В 2020 г. спрос на жидкое топливо по макрорегиону в целом увеличится до 30 млн т в год в 2030 г. — до 39 млн т в год. Потребление бензина на рассматриваемой территории в целом возрастет к 2030 г. до 11 млн т, дизельного топлива — 16 млн т, потребление мазута снизится до 3 млн т.

Таблица 3.

Прогноз потребления нефти и нефтепродуктов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

млн т

Регион / Год	2004	2010	2020	2030
Восточная Сибирь и Республика Саха	7,9	12	18	22
Дальний Восток	7,3	9	13	17
Всего	15,2	21	30	39

Объем потребления природного газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке составит в 2010 г. 14,6 млрд м³, в 2020 г. — 38 млрд м³, в 2030 г. — 45 млрд м³ (табл. 4). В том числе, в 2010 г. потребление газа в Восточной Сибири и Республике Саха составит 8 млрд м³, в 2020 г. — 23 млрд м³, в 2030 г. — 27 млрд м³, в районах Дальнего Востока — 6,6 млрд м³, 15 млрд м³, 18 млрд м³, соответственно.

Таблица 4.

Прогноз потребления газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

млрд м³

Регион / Год	2004	2010	2020	2030
Восточная Сибирь и Республика Саха	1,9	8	23	27
Дальний Восток	1,8	6,6	15	18
Всего	3,7	14,6	38	45

6. Перспективы экспорта нефти и газа

В 2004 г. из России в страны АТР (Китай, Япония, Южная Корея, Филиппины, Тайвань, Таиланд) и на тихоокеанское побережье США поставлено около 10 млн т западносибирской и сахалинской нефти и 7 млн т нефтепродуктов, в основном дизельного топлива и мазута. Ведутся незначительные поставки сжиженных углеводородных газов, в основном в Китай и Монголию (менее 1 тыс. т). Экспорт сетевого газа в АТР не осуществляется.

В ближайшей перспективе Западная Сибирь (Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Томская область) и Сахалин (включая шельф) будут оставаться основными регионами формирования поставок нефти в АТР. Экспорт нефти из Восточной Сибири и Республики Саха составляет в настоящее время менее 100 тыс. т.

В средне- и долгосрочной перспективе будет происходить расширение экспорта из Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская область) и Республики Саха. За пределами 2020 г. наращивание и поддержание объемов добычи и экспорта возможно за счет ввода новых крупных месторождений, открытие которых с высокой вероятностью прогнозируется в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

К 2010 г., с учетом поставок на НПЗ Восточной Сибири и Дальнего Востока, ежегодный экспорт сырой нефти из России в страны АТР в может достичь 44 млн т, в том числе из Западной Сибири — 20 млн т, из Восточной Си-

бири и Республики Саха — 6 млн т, с Сахалина — 18 млн т (табл. 5). К 2020 г. экспорт нефти составит около 95 млн т в год, к 2030 г. — 120 млн т в год.

Таблица 5.

Прогноз экспорта нефти и нефтепродуктов из России в АТР до 2030 г., млн т

Регион / Год	2004	2005	2010	2015	2020	2025	2030
Сырая нефть							
Западная Сибирь	7	10	20	30	35	35	30
Восточная Сибирь и Республика Саха	0,1	0,1	6,0	20,0	35,0	45,0	55,0
Сахалинская область	3	3,2	18	20	25	27	35
Всего	10,1	13,3	44	70	95	107	120
Нефтепродукты							
Всего	7	7,2	9	10,2	11,5	11,8	12
Нефть и нефтепродукты							
Итого	17,1	20,5	53	80,2	106,5	118,8	132

Экспорт нефтепродуктов в АТР (в основном, в Китай, Японию, Монголию, а также на Сингапурскую биржу) будет эффективен из НПЗ, находящихся в приграничных районах либо недалеко от портов (Ангарск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре). Объем экспорта, при условии значительного повышения качества продукции, может быть доведен до 10–12 млн т. Поставки будут осуществляться железнодорожным, морским и речным транспортом.

Экспорт сжиженного природного газа (СПГ) с Сахалина может начаться уже в конце 2006 г., а к 2010 г. объем добычи и поставок СПГ в рамках проекта “Сахалин-2” может быть доведен до 9,6 млн т или 13,4 млрд м³ в пересчете на исходное вещество. Ожидается, что после 2010 г. может быть реализован проект поставок сетевого газа из Ковыктинского месторождения в Китай и Корею, а после 2015 г. может начаться экспорт из других крупнейших месторождений Восточной Сибири и Республики Саха. В это же время возможно начало экспорта сетевого газа в рамках проекта “Сахалин-1”.

К 2025–2030 гг. по мере роста спроса на газ, в том числе в качестве моторного топлива, в странах АТР и на тихоокеанском побережье США, будет организован экспорт газа в восточном направлении из Западной Сибири. Объем поставок газа из Западной Сибири на Тихоокеанский рынок может быть доведен в этот период до 40 млрд м³.

После удовлетворения внутренних потребностей экспорт газа из Западной и Восточной Сибири, Республики Саха и шельфа острова Сахалин в АТР может быть доведен к 2020 г. до 78 млрд м³ в год, к 2030 г. — до 145 млрд м³ в год (табл. 6).

Таблица 6.

Прогноз экспорта газа из России в АТР до 2030 г., млрд м³

Регион / Год	2004	2005	2010	2015	2020	2025	2030
Западная Сибирь	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	8,0	40,0
Восточная Сибирь и Республика Саха	0,0	0,0	0,0	30,0	60,0	82,0	82,0
Сахалинская область	0,0	0,0	13,4	13,4	18,0	20,0	23,0
Всего	0,0	0,0	13,4	43,4	78,0	110,0	145,0

7. Современное состояние и основные направления развития системы транспорта нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

Фактором, структурно сдерживающим развитие нефтегазового комплекса в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, является отсутствие эффективной системы транспорта нефти и газа, прежде всего, магистральных нефте- и газопроводов.

Россия располагает развитой сетью нефте- и газопроводов в Западной Сибири и Европейской части, на востоке страны в настоящее время система магистральных нефтепроводов АК "Транснефть" заканчивается в районе Ангарска (Иркутская область), Единая Система газоснабжения (ЕСГ) ОАО "Газпром" — в районе Просоково (Кемеровская область). Поставки нефти на Хабаровский и, в значительной мере, Комсомольский НПЗ осуществляются из Западной Сибири по железной дороге. Около 0,7 млн т нефти в год поступает на Комсомольский НПЗ с месторождений севера о-ва Сахалин по нефтепроводу "Оха — Комсомольск-на-Амуре".

Экспорт сырой нефти с о-ва Сахалин и его шельфа осуществляется в основном через порты Хабаровского и Приморского краев (Де-Кастри, Находка), а также с производственно-добывающего комплекса "Витязь" в Охотском море. Поставки нефти из Западной Сибири в Китай ведутся по железной дороге через п.п. Наушки и Маньчжурия, а также транзитом через Казахстан по нефтепроводу "Омск — Павлодар — Атасу" и далее по железной дороге до Алашанькоу, Душаньце. Экспорт нефтепродуктов в АТР осуществляется в основном с Ангарского, Хабаровского и Комсомольского НПЗ железнодорожным транспортом и через порты Приморского и Хабаровского краев (Владивосток, Находка, Славянка, Ванино, Большой камень и др.). Оптовые поставки сжиженных углеводородных газов (СУГ) потребителям в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и на экспорт также осуществляются по железной дороге.

Транспорт газа в Республике Саха осуществляется по двухниточному магистральному газопроводу "Кызыл-Сыр — Маастах — Берге — Якутск", а также по газопроводам отводам, ведется строительство газопровода "Мирный — Айхал — Удачный". Поставки газа, добываемого на о-ве Сахалин, ведутся по магистральному газопроводу "Северный Сахалин — Комсомольск-на-Амуре" с газопроводами-отводами к промышленным и коммунальным потребителям Сахалинской области и Хабаровского края (Комсомольский промышленный узел).

Для организации крупных поставок нефти и газа российским потребителям и на экспорт в страны АТР в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке необходимо формирование системы сверхдальнего трубопроводного транспорта, строительство заводов по переработке и сжижению природного газа, создание инфраструктуры для отгрузки нефти, нефтепродуктов, СПГ и конденсата.

При проектировании новых систем транспорта целесообразно совместить коридоры для трасс проектируемых нефтепроводов и газопроводов, что существенно, не менее чем на 10%, сократит потребности в капиталовложениях, сократит сроки окупаемости проектов, сделает их более привлекательными для инвестиций.

При обосновании планов реальных действий учитываются три группы факторов: (1) социальные, (2) экономические, (3) экологические. Социальный эффект будет заключаться в газификации населенных пунктов и промышленных предприятий российских восточных территорий, создании дополнительных рабочих мест при строительстве и эксплуатации систем транспортировки нефти и газа. Экономические условия будут определяться капиталоемкостью проектов, возможностью подключения к системам транспорта существующих и прогнозируемых к открытию месторождений, условиями сбыта (ценами, гаран-

тиями покупки, графиком поставок и др.). Экологический эффект будет заключаться в улучшении экологической обстановки в результате газификации и появлении новых рисков, связанных со строительством и эксплуатацией нефте- и газопроводов. При этом необходимо обеспечить минимизацию отчужденных земель, снижение рисков аварий на трубопроводах, в том числе из-за прохождения трасс в районах с высокой сейсмичностью, исключить возможность загрязнения озера Байкал.

Для выполнения социальных, экономических и экологических условий предполагается: (1) создание единых транспортных коридоров для нефти, газа, конденсата, (2) обеспечение поставок российским потребителям, в том числе нефтеперерабатывающим и нефтехимическим предприятиям Восточной Сибири и Дальнего Востока, (3) наличие альтернативных каналов выхода на внешний рынок при организации экспортных поставок.

В этих условиях, первоочередными нефтепроводными проектами должны стать: "Юрубчено-Тохомская зона нефтегазонакопления — Пойма" с подключением к транссибирскому магистральному нефтепроводу, "Тайшет — Усть-Кут", "Талакан-Вехнеочонская зона нефтегазонакопления — Усть-Кут". Строительством в Усть-Куте крупного нефтеналивного железнодорожного терминала. В результате с использованием Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) будет сформирован новый канал для поставок в восточном направлении как западносибирской, так и восточносибирской нефти. В 2007-2009 гг. по мере наращивания объемов добычи нефти в Восточной Сибири и Республике Саха, уточнения сырьевых возможностей, будет построен нефтепровод "Усть-Кут — Тында — Сковородино". В это же время будет принято окончательное решение о строительстве нефтепровода от Сковородино к российским дальневосточным портам с отводами на Китай, Корею.

При формировании в регионе системы газопроводов, в первую очередь, планируется провести газификацию юга Восточной Сибири, включая Забайкалье, соединение с ЕСГ. Это предполагает строительство газопроводов: "Ковыктинское — Саянск — Ангарск", "Ковыктинское месторождение — Иркутск — Просоково", "Иркутск — Улан-Уде — Чита", "Чаяндинское месторождение — Ковыктинское месторождение". Для экспорта в восточном направлении на первом этапе возможно использование БАМа и Транссиба, что предполагает строительство заводов по сжижению природного газа и жд. терминалов по отгрузке СПГ в Усть-Куте и Ангарске. После 2010 г., по мере наращивания объемов добычи газа в Восточной Сибири и Республике Саха и развития инфраструктуры газобеспечения в Восточной Азии, будет принято окончательное решение о строительстве газопроводов на восток — к российским портам на Тихом океане с отводами на Китай и Корею. Здесь возможна реализация одного из двух альтернативных маршрутов: (1) "Чита — Забайкальск — Харбин — Далянь — Пекин, Пьентек (Pyeongtaek)", (2) "Чаяндинское — Тында — Сковородино — Хабаровск — Владивосток — Находка" с магистральными газопроводами-отводами на Китай по маршруту "Сковородино — Благовещенск — Шэньян" и Корею по маршруту "Владивосток — Пхеньян — Сеул". Рассматривается также возможность строительства в Находке завода по сжижению газа и терминала по отгрузке СПГ.

В период до 2010 г. будет происходить интенсивное наращивание поставок нефти и газа с о-ва Сахалин. На первом этапе не интегрированные в восточносибирскую систему нефтегазобеспечения проекты поставок нефти и газа с месторождений шельфа о-ва Сахалин должны обеспечивать газификацию Сахалинской области и Хабаровского края, загрузку Комсомольского и Хабаровского НПЗ, экспортные поставки. Будет построен новый нефтепровод "Северный Сахалин — порт Де Кастри", реализованы нефте- и газопроводные проекты: (1) "Северный Сахалин — Южный Сахалин" со строительством на

юге острова завода по сжижению газа и терминалов по отгрузке СПГ и нефти, (2) "Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск". После 2010 г. эти проекты должны быть соединены с системами нефте- и газопроводов "Восточная Сибирь — Дальний Восток" в районе Хабаровска.

В долгосрочной перспективе (после 2020 г.) через территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока в Японию, Корею, Северо-Восточные районы Китая, Западные районы США могут быть организованы поставки газа из Западной Сибири. Поставки трубопроводного газа в Западные районы Китая могут осуществляться через территорию Алтайского края и Республики Алтай с подключением к транскитайскому газопроводу "Запад — Восток". Экспорт СПГ из месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа будет проводиться с использованием Северного Морского пути.

8. Потребность в инвестициях. Эффективность проектов

Оценки показывают, что для обеспечения намеченных уровней добычи, развития систем переработки и транспорта нефти и газа в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) необходимы инвестиции в объеме 86,8 млрд долл. (в ценах 2003 г.), в том числе, в геологоразведочные работы — 14,5 млрд долл., в обустройство месторождений — 42,3 млрд долл., в нефте- и газопроводы внутри Лено-Тунгусской провинции и системы переработки и хранения газа, в том числе гелия — 10,4 млрд долл., в систему магистральных нефте- и газопроводов, терминалы и заводы по производству СПГ 19,6 млрд долл. (табл. 7).

Таблица 7.

Потребность в инвестициях на реализацию программы освоения нефтяных и газовых ресурсов Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) на период до 2030 г., млрд долл. (в ценах 2003 г.)

<i>Геологоразведочные работы</i>	
на нефть	12,00
на газ	2,50
всего	14,50
<i>Обустройство месторождений</i>	
нефтяных	30,49
газовых	11,80
всего	42,29
<i>Создание систем переработки и транспорта углеводородов в пределах Лено-Тунгусской нефтегазоносной провинции*</i>	
инфраструктура переработки и хранения газа	1,30
нефте- и газопроводы	9,10
всего	10,40
<i>Создание магистральных систем транспорта нефти и газа в районы Восточной Сибири и Дальнего Востока и на экспорт*</i>	
нефте- и газопроводы	13,90
нефтяные терминалы и инфраструктура по производству СПГ	5,70
всего	19,60
Итого	86,79

* при оценке инвестиций на строительство нефте- и газопроводов учтено снижение затрат при прохождении маршрутов в единых транспортных коридорах

Инвестиции в реализацию проектов разведки, добычи и транспорта нефти и газа на шельфе острова Сахалин составят не менее 40 млрд долл., в том числе в проекты "Сахалин-1" и "Сахалин-2" — свыше 25 млрд долл. Поступления в бюджеты Российской Федерации только от реализации проектов "Сахалин-1" и "Сахалин-2" за счет налогов, пошлин, роялти, реализации государственной доли прибыльной продукции составят не менее 80 млрд долл.

При организации поставок нефти из Восточной Сибири и Республики Саха на экспорт в страны АТР чистая прибыль за реализацию каждой тонны нефти составит при цене нефти 13,5 долл./барр. — от 7 до 25 долл., при цене 22 долл./барр. — от 32 до 50 долл., при цене 28 долл./барр. — от 45 до 65 долл. в зависимости от месторождений и регионов поставки нефти. В структуре цены доля прибыли составит от при цене нефти 13,5 долл./барр. — от 6,5% до 29%, при цене 22 долл./барр. — от 22% до 32%, при цене 28 долл./барр. — от 22% до 34% в зависимости от месторождений и регионов поставки нефти.

При более высоких ценах на нефть — \$30-40 долл./барр. и выше, коммерческая эффективность проектов резко возрастет при росте абсолютных значений, но снижении доли чистой прибыли в выручке за счет усиления налоговой нагрузки и возможности вовлечения месторождений с худшими горно-геологическими характеристиками, удаленных от инфраструктуры, соответственно, с более высокими издержками. Одновременно увеличится объем и доля налоговых изъятий в государственный бюджет.

В случае, если цены на нефть будут находиться в диапазоне 22-28 долл./барр., в период до 2030 г. чистая прибыль компаний составит свыше 120 млрд долл., в бюджеты всех уровней поступит более 45 млрд долл. (табл. 8)

Таблица 8.

Технико-экономические показатели добычи нефти в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) до 2030 г.

Расчетный срок разработки, лет	до 2030 года
Накопленная добыча нефти, млн т	1769,58
Капитальные вложения, млрд долл	57,06
Эксплуатационные затраты с учетом амортизационных отчислений, млрд долл	100,86
Налоговые поступления, млрд долл	55,01
Прибыль после выплаты налогов, млрд долл	114,13
CCF (Кумулятивный поток наличности), млрд долл	103,18
NPV (ставка дисконтирования 10%), млрд долл	7,23
IRR (Внутренняя норма рентабельности), %	14,36
Срок окупаемости (с учетом дисконтирования), лет	17
Срок окупаемости (без учета дисконтирования), лет	7
PI (Индекс рентабельности)	3,04

* * *

Освоение энергетического, прежде всего, нефтегазового, потенциала Восточной Сибири и Дальнего Востока обеспечит долгосрочное устойчивое развитие экономики и энергетики этого макрорегиона России, повысит территориальную сбалансированность производства и потребления энергетических ресурсов, позволит России занять достойное место среди поставщиков нефти, газа и продуктов их переработки на рынке АТР и Тихоокеанского побережья Северной Америки.

Экономика

VI российско-китайский симпозиум ученых-экономистов

3-10 июня 2005 г. состоялся очередной российско-китайский симпозиум экономистов Российской академии наук и Академии общественных наук Китайской Народной Республики. В Москве в Отделении общественных наук РАН, проходило пленарное заседание, затем серия заседаний прошла в Екатеринбурге и Санкт-Петербурге.

Основная тема — экономические реформы в России и Китае: итоги проблемы, перспективы. В работе пленарного заседания приняли участие вице-президент РАН академик Н.А. Платэ и президент Академии общественных наук Китая профессор Чэнь Куйюань.

В церемонии открытия VI российско-китайского симпозиума приняли участие представители Посольства КНР в России: полномочный министр Чэн Гопин и первый секретарь Ли Фанхуа.

Вели заседание академик-секретарь Отделения общественных наук РАН академик В.Л. Макаров и вице-президент Академии общественных наук Китая профессор Чэнь Цзягуй.

С российской стороны в работе пленарного заседания приняли участие: академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН академик Макаров В. Л., советник РАН академик Богомолов, заведующий кафедрой Института народного хозяйства при Правительстве РФ академик Аганбегян А.Г., председатель Совета по изучению производительных сил академик Гранберг А.Г., советник РАН академик Ситарян С.А., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН академик Ивантер В.В., директор Института Дальнего Востока академик Титаренко М.Л., директор Института проблем рынка РАН академик Петраков Н.Я., Заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института РАН академик Полтерович В.М., заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН член-корреспондент Клейнер Г.Б., директор Института экономических стратегий чл.-корр. Кузык Б.Н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН д.э.н., проф. Аносова Л. А., директор-организатор института экономики РАН д.э.н., проф. Гринберг Р.С., директор Вологодского научно-координационного центра Центрального экономико-математического института РАН д.э.н., проф. Ильин В.А., и.о. директора Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН д.э.н., проф. Климова Н.И., заместитель директора Института экономики РАН д.э.н., проф. Сорокин Д.Е., заместитель директора Института проблем рынка д.э.н., проф. Цветков В.А., директор Института социально-экономических проблем народо-

населения РАН д.э.н., проф. Шевяков А.Ю., заместитель директора Института экономических стратегий РАН проф. Буцаев В.А., ведущий научный сотрудник Центра внешнеэкономических исследований Института международных экономических и политических исследований РАН д.э.н. Савин В.А., главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН д.э.н. Пивоварова Э.П., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН д.э.н. Куприянов А.Б., руководитель Центра внешнеэкономических исследований Института международных экономических и политических исследований РАН д.э.н. Барковский А.Н., главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН д.п.н. Яскина Г.С., заведующий отделом Института Востоковедения РАН к.и.н. Воронцов А.В., ученый секретарь Института Дальнего Востока к.э.н. Козлов А.А., ведущий научный сотрудник Центра внешнеэкономических исследований Института международных экономических и политических исследований РАН к.э.н. Алабян С.С., докторант Академии управления МВД РФ к.ю.н. Романов И.А.

На открытии симпозиума присутствовали начальник Управления внешних связей РАН г-н С.С. Маркианов и начальники отделов управления А.С. Луконин, В.А. Степанов, Ю.В. Кириллов.

С китайской стороны в работе симпозиума участвовали: президент АОН Китая проф. Чэнь Куюань, вице-президент АОН проф. Чэнь Цзягуй, директор Института развития села АОН проф. Чжан Сяошань, заместитель директора Института промышленной экономики АОН проф. Цзинь Бэй, заместитель директора Института математической и технической экономики АОН проф. Ли Пин, заместитель директора Института финансов и торговли АОН проф. Гао Пэйюнь, заместитель директора Института финансовой экономики АОН КНР проф. Ван Гоган, заместитель директора Института России, Восточной Европы и Средней Азии АОН проф. Дун Сяоян, ученый секретарь отдела по экономике управления научного исследования АОН КНР Цзинь Хун, главный научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Средней Азии АОН Ли Цзяньмин, ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Средней Азии АОН док. Сюэ Фуци, заместитель начальника отдела Европы Управления международного сотрудничества АОН Чэнь Ли, заместитель начальника отдела научного исследования Института России, Восточной Европы и Средней Азии АОН Сюэ Хуа, Генеральный секретарь АОН проф. Чжу Цзиньчжан, начальник управления международного сотрудничества АОН проф. Хуан Пинь, директор Института России, Восточной Европы и Средней Азии АОН КНР проф. Син Гуанчэн, начальник Центра научной информации проф. Хуан Чжанчжу, помощник директора Института иностранной литературы док. У Сяоду, главный научный сотрудник Института политологии АОН проф. Чжан Шухуа, помощник начальника Управления международного сотрудничества АОН проф. Ван Лэй, сотрудник Отдела Европы Управления международного сотрудничества АОН Китая Цзинь Чжэ.

До начала пленарного заседания состоялась церемония вручения диплома доктора *honoris causa* президенту АОН Китая проф. Чэнь Куйюаню, которая была ему присуждена решением общего собрания Отделения общественных наук РАН 2 марта 2005г.

С приветственным словом выступил вице-президент РАН академик Платэ Н.А., который отметил большой личный вклад проф. Чэнь Куйюаня в разработку теоретических и практических аспектов национальной политики Китая, в преодолении серьезных ошибок в национальном строительстве, допущенных в период 1960-70 гг., расширении сотрудничества АОН Китая и РАН и развитии масштабной программы научных обменов между институтами РАН и АОН Китая. Академик Платэ Н.А. отметил необходимость дальнейшего обмена

опытом между АОН Китая и РАН в решении экономических проблем и развитии плодотворного сотрудничества между РАН и АОН Китая.

От имени всех российских китаеведов доктора Чэнь Куйюаня поздравил академик М.Л. Титаренко. Он отметил огромные заслуги доктора Чэнь Куйюаня, прошедшего суровую школу жизни в Монголии и на Тибете, в разработке национальной политики Китая. Большое внимание Президент АОН придает реформе Академии общественных наук, ее модернизации и реструктуризации: построено новое здание, получено новое техническое оборудование, значительно повышена заработная плата ученым и сотрудникам Академии, созданы новые библиотеки, организованы 5 научно-исследовательских центров по разработке для правительственных и партийных органов практических рекомендаций по основным социальным, экономическим, политическим и другим проблемам китайского государства и общества. Новый импульс получило развитие научного сотрудничества с Российской академией наук: ведется регулярный обмен учеными, проводятся совместные научные мероприятия и научные работы, в Институт Дальнего Востока РАН передана библиотека китайских научных изданий (500 наименований).

От имени и по поручению Посла Китайской народной республики Лю Гучана выступил полномочный министр Чжан Гопин, который поздравил профессора Чэнь Куйюаня и отметил чрезвычайную важность данного события в деле развития российско-китайских отношений, развивающихся в духе стратегического партнерства.

Академик-секретарь Отделения общественных наук РАН академик В.Л. Макаров от имени ученых отделения и от себя лично сердечно поздравил профессора Чэнь Куйюаня с присуждением ему ученой степени доктора *honoris causa* и отметил большое значение этого события в деле развития научного сотрудничества между РАН и АОН Китая. Академик В.Л. Макаров также подчеркнул большую теоретическую и практическую значимость российско-китайского симпозиума ученых-экономистов, который в последние годы проходит регулярно попеременно в Москве и Пекине. Сложилась замечательная практика ознакомления не только с научными трудами ученых, но и с реально действующими промышленными и аграрными предприятиями, с особенностями различных регионов, культурными ценностями и обычаями наших стран, что позволяет нам лучше понимать друг друга. И, конечно же, для ученых очень важно, чтобы материалы заседаний симпозиума были опубликованы. Уже вышло четыре больших тома по материалам II, III, IV и V симпозиумов. В заключение академик В.Л. Макаров пожелал участникам симпозиума успешной работы в Москве и удачного ее продолжения в г. Екатеринбурге на базе Института экономики Уральского отделения РАН (директор член-корреспондент РАН А.И. Татаркин) и г. Санкт-Петербурге на базе Санкт-Петербургского научного центра РАН (заместитель председателя СПб НЦ РАН член-корреспондент РАН В.В. Окрепилов).

С первым докладом выступил президент АОН Китая доктор, профессор Чэнь Куйюань. Он отметил возрастающую роль науки в мировой экономике, важное значение научного обмена и сотрудничества. Особенно важны, подчеркнул профессор Чэнь Куйюань, отношения между нашими странами, построенные на взаимопонимании и доверии, партнерстве и сотрудничестве.

Профессор Чэнь Куйюань привел ряд статистических данных, характеризующих подъем китайской экономики, который ведет к повышению уровня потребления, модернизации и интернационализации производства. В то же время он указал на ряд факторов дестабилизирующего характера: чрезмерный рост капиталовложений в основные фонды, рост спроса на энергоресурсы, сокращение пахотных земель, повышение цен на продукты питания, давление мировой экономической конъюнктуры.

В этой связи ЦК КПК в 2003-2004 гг. принял ряд экономических и административно-правовых мер по совершенствованию макроконтроля, направленным на контроль над кредитами, фондами, процентными ставками, инвестициями и т.д. "Перегрева" экономики не произошло. Был предотвращен рост цен, а инфляция составила 1,2 — 1,3%. Темп прироста ВВП в 2004 г. составил 9,4%, сбора зерновых — 9%. Увеличились доходы жителей города на 7%, деревни — на 6,8%. Выросло число занятых в городах и поселках. Для сокращения безработицы в стране необходимо создание более 11 млн рабочих мест ежегодно. Необходимо решить такие проблемы, как разрыв в уровне доходов и расходов, реструктуризация производства, устойчивое развитие экономики страны. Для этого необходимо усилить проведение реформ, направленных на создание гармоничного общества, в котором человек — превыше всего, на всестороннее и динамичное развитие экономики.

В этих целях предполагается изменение финансово-денежной политики, перед которой стоят такие задачи, как сокращение финансового дефицита, внедрение в практику долгосрочных займов, регулирование и контролирование денежной массы, а также осуществление контроля над финансовыми средствами.

В 2005 г. темпы роста ВВП должны составить около 9,8%. Будут решаться проблемы безработицы. Проведены реформы в сельском хозяйстве, налоговой системе, сфере обслуживания, приняты меры по поощрению частного предпринимательства, иностранных инвесторов.

Первые 20 лет XXI в. дадут Китаю стратегический шанс увеличить конкурентоспособность страны, достичь уровня среднего достатка, развивать экономику, культуру, гармонию в обществе, а к 2050 г. Китай сможет стать современным социалистическим государством. Сотрудничество с Россией будет развиваться на основе партнерских отношений, направленных на процветание обоих государств и дружбу между нашими народами.

С докладами на пленарном заседании выступили: профессор Чэнь Цзягуй — "Выбор стратегии модернизации Китая при переходе к промышленно развитой стране", академик О.Т. Боголюбов — "Служит ли культура и нравственность прогрессу экономики?", профессор Ли Пин — "Анализ урбанизации Китая", академик РАН В.В. Ивантер — "Проблемы экономического роста в России", профессор Ван Гоган — "Некоторые вопросы в реформировании финансов Китая", член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер — "Управление предприятиями и экономика знаний", профессор Цзинь Бэй — "Ресурсосберегающий путь индустриализации в Китае".

Вице-президент АОН Китая профессор Чэнь Цзягуй значительное внимание уделил проблемам превращения Китая из аграрной страны в индустриальную. Он отметил, что в Китае созданы значительные производственные мощности. В результате этого по производству угля, стали, электроэнергии, нефти, цемента, удобрений, химволокна, хлопчатобумажных изделий, сахара, телевизоров и др. Китай занимает первые места в мире. Промышленность стала занимать ведущие позиции в народном хозяйстве. Тем не менее по структуре населения (59,5% — сельские и 40,4% городские жители) Китай все еще остается аграрной страной.

Китай становится крупным экспортером промышленной продукции, которая занимает более половины его экспорта, и в 2004 г. занял 3-е место в мировом товарообороте. Значительно возросла конкурентоспособность китайской промышленной продукции на внешнем рынке.

Сейчас Китай вступил в среднюю стадию индустриализации. Страна завершила экстенсивный этап промышленного развития и начинает переходить к стадии качественного роста.

Новый этап модернизации профессор Чэнь Цзягуй связывает со становлением Китая как промышленно развитой страны, с модернизацией промыш-

ленности, с необходимостью повышения производительности труда и качества продукции, с усилением развития сельского хозяйства и сферы услуг. Страна развивается за счет высоких технологий.

В то же время есть ряд факторов, ограничивающих быстрый рост экономики. Это — недостаток ресурсов, проблемы с экологией, разрыв в доходах населения, общий низкий уровень науки и технологий, необходимость трансформации структуры промышленности, несовершенство института собственности, низкая эффективность финансовой системы и др.

Академик РАН О.Т. Богомолов в своем докладе акцентировал внимание на связи развития экономики и самого общества. Часто и в значительной мере результаты экономических преобразований определяют положение дел в других сферах общественной жизни. Академик О.Т. Богомолов отметил, что в сегодняшнем мире идеология и политика часто довлеют над экономикой, становясь определяющим фактором ее развития. “Законы общественного развития”, формулируемые учеными, даже тогда, когда их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества, по крайней мере, на какое-то время. Объект исследования искажается, оказывается в зависимости от господствующей идеологии и теоретических воззрений. Создается видимость правильности теории, поскольку само общественное устройство подогнано под теоретическую модель.

О.Т. Богомолов показал влияние на экономику культуры, не только высших ее проявлений — как духовного и интеллектуального потенциала нации, но и бытовой, поведенческой культуры населения, а также общественной морали. Поскольку право не может быть всеохватывающим, этим могут пользоваться ради корыстных целей, в ущерб интересам всего общества.

О.Т. Богомолов подчеркнул: “В России нравственное воспитание, духовное возрождение — вопрос выживания нации и одна из необходимых предпосылок оздоровления экономики... Власть обязана задавать стандарты нравственного поведения, не допуская прямой лжи и обмана, недомолвок и демагогии”.

Особое значение в докладе придается социальной справедливости, от обеспечения которой зависит отношение людей к труду, к средствам производства, деловая и политическая активность населения, консолидация общества. Нравственные нормы и принципы должны стать частью общей культуры. Только тогда можно раскрыть производственные потенции страны.

Профессор Ли Пин свое выступление посвятил анализу процесса урбанизации Китая. Он рассмотрел этапы этого процесса, в том числе начальный (1949-1957 гг.), нестабильный этап (1958-1965 гг.), застойный этап (1966-1978 гг.), этап возрождения (1979-1984 гг.), этап устойчивого развития (1985-1992 гг.), этап ускоренного развития (1993-2003 гг.). В докладе представлены географические различия урбанизации (по Восточному, Центральному, Западному регионам); показаны масштабы миграции населения между городами, селами, районами.

Основные проблемы современного процесса урбанизации профессор Ли Пин видит в таких факторах, как наличие политических и административных ограничений, некачественное планирование нового строительства, акцент на создание малых городов, что не может обеспечить достойную поддержку индустриализации страны на новом этапе, отсутствие координации в целом внутри района и слабая вертикальная связь между городами, низкое образование мигрантов, недостаточный рост новых рабочих мест. Докладчик полагает, что к 2020 г. уровень урбанизации составит 62,3% — 65,7%, что приведет к существенным изменениям китайского общества.

Академик В.В. Ивантер в докладе, посвященном проблемам экономического роста в России, тесно увязывает их с проблемами государственной власти.

В.В. Ивантер считает, что экономический рост, который наблюдается сегодня в России, осуществляется без значительных усилий со стороны власти. Он сравнил два прогноза: один — традиционный долгосрочный экономический прогноз, другой — прогноз рынка жилья. Главное заключается в том, чтобы не сдерживать темпы роста ВВП, а ускорить динамику развития, учитывая, что "сырьевые отрасли не могут иметь таких темпов". Должна быть количественная оценка качества роста. В стране отказались от всего, что производилось неэффективно. Экспорт в России конкурентоспособен за счет нефти. Наблюдается рост инвестиций в основной капитал и в то же время падение государственного потребления.

В.В. Ивантер объяснил, что низкая зарплата тормозит технический прогресс; коротко осветил проблемы демографии, отсутствие высококвалифицированных рабочих кадров, необходимость реформы заработной платы и разработку государственной программы строительства доступного жилья и другие актуальные проблемы.

В заключение В.В. Ивантер предложил две теоремы и одно следствие. Первая теорема — свободная от регулирования экономика стремится заменить монополию. Вторая — свободная от регулирования экономика стремится выйти из зоны равновесия и прийти в зону грубого неравновесия. В итоге В.В. Ивантер пришел к выводу: всякая благополучная экономика свободна, но свободная от регулирования экономика не может быть благополучной.

Профессор Ван Гоган основное внимание уделил актуальным вопросам реформирования финансовой системы в Китае. Он осветил такие проблемы, как совершенствование механизмов формирования денежных капиталов; рыночная реформа процентных ставок, в том числе система процентных ставок сверхнормативного банковского резерва по депозитам, введение плавающей ставки на депозит и кредит, совершенствование механизма формирования ставки на ценные бумаги; введение финансовых инноваций; формирование многоуровневых рынков ценных бумаг; увеличение масштабов выпуска корпоративных облигаций.

Член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер в своем выступлении по Проблемам функционирования предприятий отметил, что в начале XXI в. состояние и динамику мировой экономики определяют три основные группы процессов:

- процессы постсоциалистической трансформации, поиска и испытания переходных моделей на пути к расширению рыночных регуляторов экономики;
- процессы глобализации, связанные с облегчением и расширением межстрановых перетоков материальных и финансовых ресурсов, людей и институтов, а также с усилением влияния надстрановых управляющих органов (ООН, Совет Европы, МВФ и т.д.);
- процессы когнитивизации — расширения влияния "экономики знаний", усиление внимания к знаниям как к основному ресурсу экономического роста и страновой конкурентоспособности.

Экономическая стратегия государств, в том числе и в отношении товаропроизводителей, должна учитывать эти процессы, координировать их развитие и взаимовлияние внутри страны и использовать их для создания устойчивых конкурентных преимуществ. Каждый из этих процессов оказывает существенное влияние на деятельность предприятий. Постсоциалистическая трансформация изменяет как внешнюю, так и внутреннюю институциональную среду функционирования предприятий, порой ломает сложившиеся сетевые связи, делает предприятие уязвимым как для конкурентов, так и по отношению к "захватчикам", возможным новым собственникам. Только в Москве за год осуществляется, по данным председателя Комитета по собственности Государственной Думы РФ В. Плескачевского, "захват", т.е. недружественное поглощение, не менее 300 из 1,2 тыс. значимых предприятий. В свою очередь, новые

собственники представляют, как показывает ситуация в России, порой явную угрозу для коллектива работников и для устойчивого развития предприятия.

Глобализация, ослабляя влияние межстрановых границ, расширяет рынки ресурсов, технологий, продукции, облегчает привлечение дополнительных ресурсов, эффективное использование которых может вывести предприятие в число лидеров.

Когнитивизация изменяет привычную схему функционирования предприятия, поскольку меняется понятие ресурсов предприятия, его продукции и воспроизводственного цикла. При этом знание становится существенным ресурсом как для производственных, так и для управленческих процессов.

Различия во влиянии на российские предприятия этих трех процессов значительны: если трансформационные и глобализационные процессы для большинства отечественных предприятий представляют скорее угрозы, чем возможности (трансформационные процессы создают опасность насильственного захвата предприятий альтернативными собственниками, а глобализационные — усиливают конкуренцию), то расширение использования знания как ресурса и продукта производства содержит существенный потенциал экономического роста российских предприятий, способный ослабить негативные влияния двух других процессов.

В докладе были рассмотрены проблемы управления российскими предприятиями в сфере расширения и углубления “экономики знаний”, показано, что активизация этих процессов требует пересмотра традиционных методов и структур корпоративного управления, предложен ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности управления предприятиями в условиях “экономики знаний”.

Д.э.н., профессор Цзинь Бэй показал основные положения ресурсосберегающего пути индустриализации в Китае и коротко осветил такие проблемы, как ресурсно-экологические условия индустриализации в Китае; ресурсные ограничения и экологическая цена развития промышленности в Китае; промышленная конкурентоспособность в условиях экологических ограничений.

Профессор Цзинь Бэй пришел к выводу, что за 20 лет реализации политики открытости китайская промышленность получила стремительное развитие, за которое, между прочим, Китай заплатил очень высокую цену. На данный момент Китай находится на важном историческом этапе, когда ему предстоит отказаться от ресурсозатратных технологий и перейти к ресурсосберегающим технологиям для поддержки конкурентоспособности своей промышленности. На данном этапе улучшение структуры промышленности, повышение уровня технологий, совершенствование механизмов и политики в области освоения ресурсов и защиты экологии, принятие в конечном итоге стандартов развитых стран — вот главные направления движения к повышению конкурентоспособности промышленности Китая. В таких условиях можно предполагать важные сдвиги в модели роста промышленности, методах конкуренции, модели управления экономикой и пр., а также в основной концепции социально-экономического развития, ценностных ориентирах общества. Следовательно, такие понятия, как “научно обоснованная концепция развития”, “новый тип и путь индустриализации”, “экономное общество” есть и выражение новой политики, а также правильный стратегический выбор Китая в XXI веке.

К сожалению, из-за нехватки времени не все заявленные доклады были обсуждены. Но представленные на пленарное заседание доклады будут в ближайшее время опубликованы в специальном сборнике материалов VI российско-китайского симпозиума. Всего в обсуждении докладов на пленарном заседании приняли участие более 20 участников симпозиума.

С заключительным словом выступили вице-президент АОН Китая доктор, профессор Чэнь Цзягуй и академик-секретарь Отделения общественных наук РАН академик В.Л. Макаров.

Профессор Чэнь Цзягуй подчеркнул, что пленарное заседание VI российско-китайского симпозиума ученых-экономистов прошло с большим энтузиазмом. Было обсуждено много актуальных для наших стран вопросов. Это заседание еще раз подтвердило мнение, что экономисты, собравшись вместе, готовы без конца обсуждать экономические проблемы. Это очень хорошо и полезно. У ученых должна быть ответственность перед обществом, перед своим народом, им нужно непрерывно вести теоретический поиск. "Мы являемся интеллектуальным институтом для производства, т.к. решаем проблемы и видим будущее", — сказал профессор Чэнь Цзягуй.

Закрывая пленарное заседание, академик В.Л. Макаров отметил бесспорную эффективность обсуждения чрезвычайно острых проблем современной экономики двух стран. Он сказал: "Я учусь у китайских товарищей следующему: речь идет о том, что не надо нервничать и спешить, думая, что мы нашли правильный путь". Есть сложные проблемы, как, например, уровень открытости экономики, либерализация обменного курса, присоединение к ВТО и др. Беспокоит сам механизм проведения реформ: в России — по директиве, в Китае — по степени созревания вопроса. Поэтому обсуждение проблем экономических реформ способствует взаимному научному обогащению.

Далее китайская делегация выехала в г. Екатеринбург, где на базе Института экономики Уральского Отделения РАН и Государственного политехнического университета была проведена работа секций: "Проблемы государственного регулирования развития экономики", "Управление предприятиями в условиях рыночного хозяйствования" и "Механизмы реализации социально-экономических потребностей человека". Китайскую делегацию приняло руководство г. Екатеринбурга, Президиума Уральского Отделения РАН и Торгово-промышленной палаты.

Затем китайская делегация посетила г. Санкт-Петербург, где были проведены заседания двух "круглых столов": "Экономические реформы в России и КНР" в Санкт-Петербургской академии управления и экономики (ректор — д.э.н., профессор Гневко В.А.) и в институте проблем региональной экономики РАН (директор — д.э.н., профессор Литовка О.П.). Состоялась встреча членов делегации с заместителем председателя Санкт-Петербургского научного центра РАН (куратором гуманитарного научного направления центра), председателем Северо-западной секции Отделения общественных наук РАН членом-корреспондентом РАН Окрепиловым В.В. Китайских ученых прежде всего интересовала работа научных учреждений города и особенно институтов гуманитарного профиля по стратегическим направлениям социально-экономического развития региона, мерам, обеспечивающим устойчивое развитие и повышение качества жизни населения.

12 июня — в день отъезда делегации на родину — в неформальной обстановке прошла встреча китайской делегации с академиком Аганбегином А.Г., с которым члены делегации поделились своими впечатлениями о пребывании в России, а академик Аганбегиан А.Г. — своими впечатлениями недавнем пребывании в Китае.

Следующий российско-китайский симпозиум ученых-экономистов должен состояться в Пекине весной 2006 г.

Проблема передачи современных технологий из США в Китай

© 2005

А. Лопатина

(Окончание. Начало в ПДВ №5, 2005 г.)

"Боинг" и китайский рынок

Китайские руководители неизменно связывают высокие технологии с уровнем развития ВПК. Так, Ху Цзиньтао в мае 2003 г. призвал страну повысить уровень исследований, направив их на укрепление национальной обороноспособности и модернизацию военного комплекса.¹ Согласно оценке американских экспертов, Китай концентрирует свои усилия на так называемых "карманах превосходства" ("rockets of excellence"), которые включают в себя мощностные по нанесению предупредительного точного дальнего удара, информационное доминирование, комплексную воздушную оборону. Собственная микроэлектронная промышленность является наиболее приоритетным сектором в развитии высоких технологий.² Следует также отметить, что исследования и разработки в области космоса подчинены четко определенным задачам, отвечающим вышеупомянутым целям модернизации страны, включая ВПК. К основным задачам развития космической прикладной науки относятся: создание стабильной системы спутникового наблюдения, создание и запуск независимой спутниковой трансляционной и коммуникационной системы, создание и запуск независимой спутниковой системы навигации и наземного ориентирования, запуск пилотируемых человеком космических кораблей для проведения научных экспериментов в космосе, включая отработку технологий ходьбы человека в космосе, долгосрочного независимого пребывания в космосе, создание космической орбитальной станции.³ В этой связи краткий обзор истории отношений "Боинга" с КНР может служить ключом к пониманию противоречий между интересами большого бизнеса и вопросами национальной безопасности США.

В марте 2003 г. "Спутниковые Системы" (*Satellite Systems*), являющиеся дочерней компанией "Боинга", и "Хьюз Электроникс Корпорейшн" (*the Hughes Electronics Corp.*) "согласились выплатить 32-х-миллионный (амер. долл.) штраф Государственному департаменту США за незаконную передачу Пекину секретных космических технологий".⁴ Обвинения относились ко двум неудачным запускам коммерческих спутников связи Китаем в 1995 и 1996 гг., а также к "более позднему успеху КНР, явившемуся результатом помощи со стороны "Боинга" и "Хьюз"⁵.

Китайские ученые отвергли подобные обвинения и заявили, что ими самостоятельно были разработаны космические ракеты-носители многоцелевого

использования "Великий Поход". В качестве доказательства своей непричастности они упомянули о том, что во время запусков 14 американских спутников в период между 1990 и 1998 г. с китайского космодрома "никому из китайцев не разрешалось входить в рабочую зону американских ученых за исключением случаев, когда требовались совместное сотрудничество и техническая поддержка с китайской стороны". "В обоих случаях всегда присутствовали представители охраны безопасности. Для техников с обеих сторон не представлялось возможным поделиться друг с другом так называемыми секретными космическими технологиями."⁶ Одновременно, отвергая незаконную сделку Китая с "Боингом", китайские официальные лица напомнили, что КНР планирует разработать технологии по глубинному исследованию космоса, а также создать базу высоких технологий, основанной на использовании космических технологий, с тем чтобы участвовать в международном сотрудничестве на равной основе: "технология и знание должны быть вне государственных границ", так как они служат "на общее благо" человечества.⁷

Вышеприведенный случай обвинения "Боинга" в нелегальной передаче технологий был не первым в истории американо-китайских отношений в аэрокосмическом сотрудничестве. В 2000 г. корпорация "МакДоннелл Дуглас" (слившаяся с "Боингом" в 1997 г.) была лишена льгот, связанных с экспортом военной продукции.⁸ Подобные санкции были вызваны нарушением корпорацией американского экспортного законодательства при оформлении поставок бывшего в употреблении оборудования в Китай (1993-1995) при участии одной из крупнейших китайских компаний по импорту-экспорту авиационного оборудования *CATIC (China National Aero-Technology Import and Export Corporation)*.⁹

Чтобы понять оба случая обвинения в нелегальной передаче технологий в Китай, связанных с "Боингом", ниже приводится ряд цифр, демонстрирующих степень коммерческой вовлеченности компании в КНР. Прежде всего, следует отметить, что история продвижения "Боинга" на китайский рынок тесно связана с политическими изменениями в американо-китайских отношениях и с визитами лидеров обеих стран. Так, первый гигантский заказ "Боингу" на приобретение 77 самолетов последовал после визита Дэн Сяопина в США в 1979 г., целенаправленно посетившего штаб-квартиру компании в Сиэттле и сборочные цеха в Рентоне и Эверетте.¹⁰ Новый импульс к более тесному сотрудничеству был дан в ходе визита Цзян Цзэминя в США в 1993 г., практически повторившего поездку Дэн Сяопин на заводы "Боинга". Было подписано новое соглашение на сумму 5,3 млрд долл. на поставку самолетов в период с 1993 по 1996 гг.¹¹ В результате встречи в верхах между Президентом Клинтон и китайским лидером Цзян Цзэмином осенью 1997 г. было заключено соглашение о приобретении китайской стороной 50 самолетов компании "Боинг" на сумму 3 млрд амер. долл. В ходе последовавшего за этим визита Президента Клинтона в КНР в июне 1998 г. новые соглашения с "Боингом" увидели свет, включая покупку еще 10 самолетов.¹²

Последующая динамика поставок самолетов "Боинга" в КНР выглядит следующим образом: 40 в 1998, 23 в 1999, 17 в 2000, 28 в 2001, 39 в 2002 г. В конце 2003 г. "Боинг" получил новый китайский заказ на поставку 30 самолетов нового поколения "737" стоимостью приблизительно в 1,7 млрд ам. долл. По состоянию на сентябрь 2004 г. в Китае (помимо Гонконга и Макао) насчитывается 483 самолета "Боинга" в эксплуатации, что составляет долю рынка компании в 62%.¹³

"Боинг", помимо чисто торговых отношений с китайской стороной, задействован, включая инвестиционные проекты, в широкомасштабных программах безопасности полетов, логистики, тренинга персонала (24 000 профессио-

нальных работников в области авиации прошли тренинг на “Боинге” начиная с 1993 г.), технического обслуживания, а также совместных производств композитных материалов и конструктивных деталей самолетов.¹⁴

Китай остается одним из основных заказчиков “Боинга” (после внутреннего рынка США). Перспективы расширения китайского рынка огромны: по подсчетам компании, в период до 2022 г. потребность КНР в новых реактивных самолетах будет составлять примерно 2400 общей стоимостью 197 млрд амер. долл.¹⁵ Однако “Боинг” является не единственным игроком: европейская компания “Эрбас” планирует увеличить свою долю рынка в Китае до 50% (очевидно, за счет “Боинга”).¹⁶ Динамика роста флота самолетов “Эрбас” в Китае говорит сама за себя: насчитывая в 1998 г. лишь 100 самолетов, компания за пять лет увеличила свой парк вдвое.¹⁷

Компании “Боинг” и “Эйрбас” рассматривают Китай в качестве “основного поля битвы”,¹⁸ играющего решающую роль в мировом лидерстве компаний в аэрокосмической промышленности. Помимо чисто торговых отношений в области продаж самолетов, обе компании стремятся инвестировать в КНР, создавая совместные предприятия с китайскими производителями, а также обновляя сервисную базу для авиaperевозок. Обе компании направляют капитал и передают технологии с четко выраженной целью участвовать в развитии собственной авиационной базы Китая. Так, на встрече с китайским Вице-премьером Цзэн Пэйяном (10 июля 2003 года) Фил Кондит, глава “Боинга”, заявил, что “компания планирует расширить передачу технологий в Китай и усилить взаимодействие [с китайской стороной] в области исследовательских разработок и производства самолетов”, так как “Боинг” нацелен на долгосрочное и растущее сотрудничество с Китаем.¹⁹ Розелла Даверио, вице-резидент Эйрбаса по внешним связям, словно эхом откликнулась на заявление своего оппонента: “Мы вложили 80 млн амер. долларов в строительство самого современного в мире тренингового и сервисного центра в Пекине, что означает — мы не только рассматриваем Китай в качестве экспортного рынка, но и готовы внести свой вклад в долгосрочное развитие авиации Китая”.²⁰

Выражая готовность к широкомасштабному сотрудничеству с КНР, обе компании неизбежно сталкиваются с ограничениями, наложенными Западом на передачу технологий в Китай. Интересы большого бизнеса, в определенной степени затрагивающие и состояние дел в экономике высокоиндустриальных капиталистических стран, входят в противоречие с соображениями национальной безопасности. Недавнее столкновение “Боинга”, “Эрбаса” и их поставщиков электронного оборудования с государственными структурами США в полной мере иллюстрирует противоречие.

Так, в конце 2003 г. Государственный Департамент США поставил в известность компанию “Боинг” о том, что установленная микросхема за номером QRS11 (используемая в гироскопах самолетов, отвечающих за точность курса и безопасность полета) не должна быть экспортирована в КНР, так как она числится в списке запрещенного оборудования для экспорта в Китай (согласно Акту по контролю за экспортом вооружения и Правил администрирования экспорта США).²¹ Подобное заявление поставило под угрозу сделку о поставке 30 “Боингов” нового поколения в КНР. Более того, так как американский Акт по ограничению экспорта распространяется и на европейских производителей, поставки “Эрбаса” в Китай аналогично оказались под угрозой срыва. Официальный представитель Департамента по торговле США заявил, что “Американский Акт по ограничению экспорта наносит вред собственным интересам страны”.²² В начале ноября высокопоставленные представители “Боинга”, “Эрбаса” и Ассоциации авиационной промышленности США отправили письмо Госсекретарю США Колину Пауэлу с просьбой разрешить противоречие в

пользу “глобальных интересов авиационной промышленности США и Европы”.²³ Некоторые предприятия электронной промышленности США пригрозили прекратить поставки своей продукции для ВПК США и перебросить из США в другие страны свои центры НИОКР.²⁴

Положительные сдвиги для КНР в отношении ослабления эмбарго на поставку вооружений Евросоюзом вызвали реакцию в средствах массовой информации США, выдвинувших следующий тезис: ограничивая экспорт высоко-технологичных продуктов в Китай по соображениям национальной безопасности, США ставит себя перед фактом растущего сотрудничества между Евросоюзом и КНР, что может привести “к сдаче китайского рынка Евросоюзу”.²⁵

Пример “Боинга” демонстрирует рост коммерческой вовлеченности в Китай крупных компаний, связанных с высокими технологиями. Получая огромную прибыль от сотрудничества с китайской стороной, корпорации все больше и больше размещают свои коммерческие представительства, технические центры, сервисные базы в КНР, концентрируя таким образом свою политику на менее диверсифицированной клиентуре, что делает их весьма зависимыми от крупных заказов и отдельно взятых покупателей. Изменения и сдвиги в подобных двусторонних отношениях могут обернуться серьезной угрозой конкурентоспособности корпорации в мировом масштабе. Как говорилось выше, корпорации, возможно, готовы идти на существенные уступки, включая передачу оригинальных технологий китайской стороне, с тем чтобы сохранить крупного китайского заказчика и остаться на перспективном китайском рынке.

Американские высокие технологии и случаи обвинения в техническом шпионаже

Экспорт высокоскоростных компьютеров находится под строгим контролем в США: потенциальные страны-импортеры разделены на три категории в отношении лицензирования экспорта вычислительной техники. Китай был отнесен к категории № 3, что означало — данная страна может приобрести без лицензии компьютеры с характеристикой 85 тыс. млн теоретических операций в секунду. Сделки о поставке компьютеров со скоростью, превышающей указанный уровень, подлежали рассмотрению в индивидуальном порядке.²⁶ В январе 2002 г. Президент Буш санкционировал разрешение на экспорт вычислительной техники для категории № 3 со скоростью выполнения операций до 190 тыс. млн теоретических операций в секунду, таким образом внося изменения в систему контроля над экспортом из США²⁷ и развязав руки “голубым фишкам”, заинтересованным в китайском партнерстве.

“Интел” — крупнейший мировой производитель полупроводниковых приборов — работает с сотнями китайских материковых компаний по производству традиционных процессоров, а также с десятками китайских фирм над недавно запущенной серией микропроцессоров *Xscale*.²⁸ Китай, однако, все еще отстает в разработке и производстве продукции ведущих информационных технологий (ИТ), таких как “дизайн и производство высоко-скоростных процессоров и памяти, оперативной системы и разработка различных видов программного обеспечения”.²⁹

Относительно недавние четыре случая обвинения сотрудников китайского происхождения в вывозе или попытке вывоза из Силиконовой долины в Китай компонентов компьютеров (*hardware*), программного обеспечения и торговых кретов заставляют сделать вывод о наличии проблемы неформальных способов передачи технологий из США в Китай или повышенной чувствительности органов национальной безопасности США в отношении передачи высоких технологий американскими корпорациями в КНР. Так, по данным *CNN*, в январе 2003 г. китайский бизнесмен (позднее признанный невиновным) был об-

винен “в незаконной отправке технологии ракетного управления в адрес китайского ВПК”.³⁰ В 1998 г. Тин Чан Цян (*Qing Chang Jiang*) приобрел у федеральной военной лаборатории один из наиболее скоростных компьютеров; затем им было также приобретено девять амплификаторов у организации, основного поставщика приборов для служб сбора информации. Была сделана попытка переправить без лицензии вышеупомянутое оборудование китайской компании — исследовательскому институту, являющемуся частью сети ВПК.

Другие случаи с работниками китайского происхождения заключались в следующем. В октябре 2002 г. представитель *Petrochina*, крупнейшей китайской государственной нефтяной компании, был обвинен в “копировании оригинального программного обеспечения”, помогающего определить залежи нефти. Двум другим сотрудникам китайского происхождения было предъявлено обвинение, согласно Акту об экономическом шпионаже (1996), в незаконном доступе к защищенным данным компьютера. Китайский физик-ядерщик нарушил Акт об атомной энергии и, хотя был выпущен на свободу, был обвинен в ненадлежащем использовании данных.³¹

Подобные случаи говорят о том, что проблема технического шпионажа и незаконного экспорта технологий в КНР весьма актуальна для США. Корпорации, со своей стороны, готовы сообщать в органы национальной безопасности о подозрительных действиях иностранцев и совершаемых ими сделках покупки оборудования, тем более, что согласно законодательству, они обязаны делать это. Так, например, когда Цзян (*Jiang*) связался с “Интелом” с целью получения инструкций о том, как заменить недостающие детали в приобретенном высоко-скоростном компьютере, корпорация, “обеспокоенная возможной перспективой использования компьютера в КНР, оповестила лабораторию с просьбой начать федеральное расследование”.³²

“Перекачка мозгов” и высокие технологии

Большое число китайских студентов, ученых, исследователей и работников в области высоких технологий (*high-tech*), находящихся в академической среде, а также пребывающих в сфере промышленных научных центров в США, стало вызывать озабоченность и беспокойство Государственного департамента, что отразилось в докладе “Американо-китайское сотрудничество в области науки и технологии”.³³ Все вышеупомянутые группы людей могут рассматриваться в качестве “основных средств Китая по сбору информации, относящейся к научному и технологическому развитию США”.³⁴

Так, в 1998 г. инженеры китайского происхождения и выходцы из Индии составляли 25% персонала высоко-технологических фирм в Силиконовой долине.³⁵ В 2000 году было зарегистрировано 10000 граждан КНР, работающих и обучающихся на территории Силиконовой долины в Калифорнии.³⁶

Вышеприведенная цифра в 25% во многом соответствует процентной доли сотрудников родом из Азии/Тихоокеанского региона от числа профессиональных работников (наряду с менеджерами, техниками и клерками) на корпорации “Интел” (имеется в виду лишь территория США): согласно демографической статистике “Интела” (США) за 2002 г., профессионалов (наиболее технически высококвалифицированных сотрудников) родом из Азии было зарегистрировано 7590 человек из общего числа 29955 человек этой категории (см. Рис. 1).³⁷ Аналогичная цифра за 2003 год не претерпела значительных изменений в процентном содержании: на 26777 профессионалов приходилось 7199 сотрудников азиатского происхождения.³⁸

Источник: Intel: 2002 U.S. Employment Demographics: <http://www.intel.com/jobs/diversity/commitment.htm>

Статистика иностранных учащихся в США демонстрирует еще более поразительные цифры. За 1999–2000 учебный год в иностранные учащиеся из азиатского региона составляли более половины от общего числа иностранных студентов (см. Рис. 2).³⁹

В 2000–2001 учебном году КНР отправила 59939 человек на обучение в США, став лидером среди других стран (См. Рис. 3). В следующем учебном году число учащихся из КНР в США возросло на 6% и составило 63 211 человек, уступив лидерство Индии (66 836 студентов).⁴⁰ Учитывая растущую динамику экономической интеграции между КНР и Тайванем, о чем речь пойдет ниже, можно видоизменить Рис.3, представив число этнических китайцев (КНР плюс Тайвань), обучавшихся в США в 2000–2001 учебном году. При таком сложении число студентов китайского происхождения возрастет до 88505 человек (см. Рис.4).

До недавнего времени большая часть китайских учащихся получала образование в США в области прикладной науки и инженерного дела: особой популярностью среди китайских студентов пользовались факультеты электротехнический и вычислительной техники (*computer science*).⁴¹ По данным Комиссии по безопасности американо-китайских отношений, в 1999 г. 8% американских докторских степеней (*Ph.D.*) в области прикладных наук и инженерного дела были присвоены китайским гражданам (для сравнения — граждане США составили 22%).⁴² Свои опасения Комиссия связывала с тем, что тысячи китайских студентов и исследователей по возвращении на родину начинают работать в наиболее передовых высоко-технологических проектах, увозя, таким образом, в Китай знания и навыки, приобретенные в США. И действительно, по данным китайской официальной прессы, опрос недавно вернувшихся и еще пребывающих за рубежом китайских студентов показал, что порядка 90% получивших образование за границей планирует вернуться в Китай и начать или продолжить свою карьеру.⁴³ Еще одна цифра подтверждает вышесказанное: порядка 6000 получивших образование за рубежом китайцев (большинство с магистерскими степенями и с опытом работы в зарубежных компаниях)

создали около 2300 компаний, занимающихся высокими технологиями, только в научном парке Чжунгуаньцунь в Пекине.” Отдавая себе отчет в роли, которую играют технические специалисты, получившие образование за рубежом, китайское руководство целенаправленно ищет пути возвращения в страну китайских студентов, что является элементом национальной стратегии модернизации страны: “Для Китая возвращение талантливых студентов из-за рубежа будет иметь такое же значение, как и привлечение иностранного капитала, передовых технологий и современных управленческих навыков” (Министр кадровой политики провинции Шаньдун, КНР).⁴⁵ Статистика показывает рост числа китайцев, возвращающихся работать на родину после обучения за рубежом: так, если в 2001 г. в КНР вернулось 12000, в 2002 число возвратившихся возросло до 18000 человек, а 2003 г. зарегистрировал 20000 новых специалистов, решивших делать профессиональную карьеру в КНР.⁴⁶

Рисунок 2

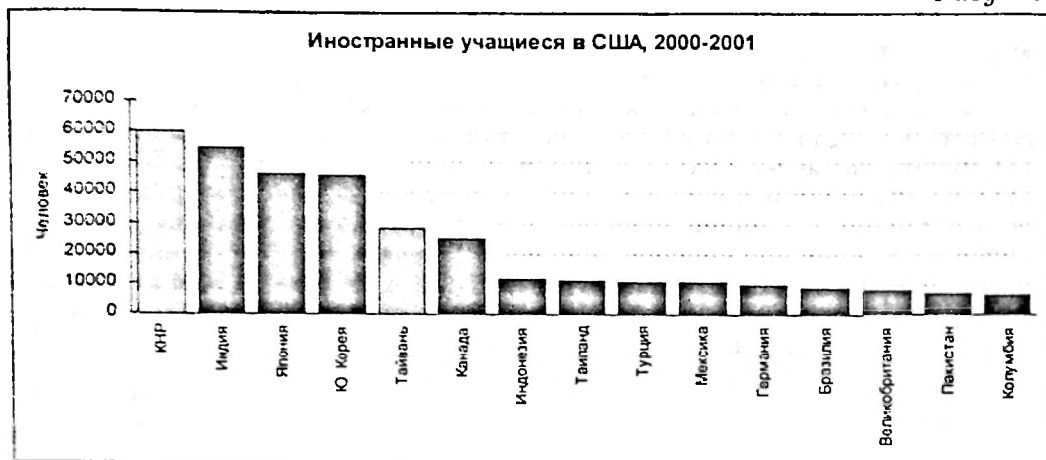

Источник: McMurtrie B. Institute of International Education. Foreign students at U.S. institutions, 1999-2000 // Chronicle of Higher Education. Vol. 47. Issue 12. November 17, 2000. [Electronic version].

Те китайцы, которые получили образование в США и решили остаться в Америке, устраиваются на работу в “голубые фишки”, участвуя в разработке и внедрении наиболее современных технологий: проблема американских компаний состоит в том, что они не в состоянии найти достаточное число требуемых специалистов среди граждан США. Более того, американские корпорации охотно нанимают китайцев из КНР, гарантируя им поддержку их рабочей визы: по данным посольства США в Пекине, в 2001 финансовом году было выдано 9000 рабочих/деловых виз китайским гражданам, выезжавшим для работы в компаниях высоких технологий США.⁴⁷

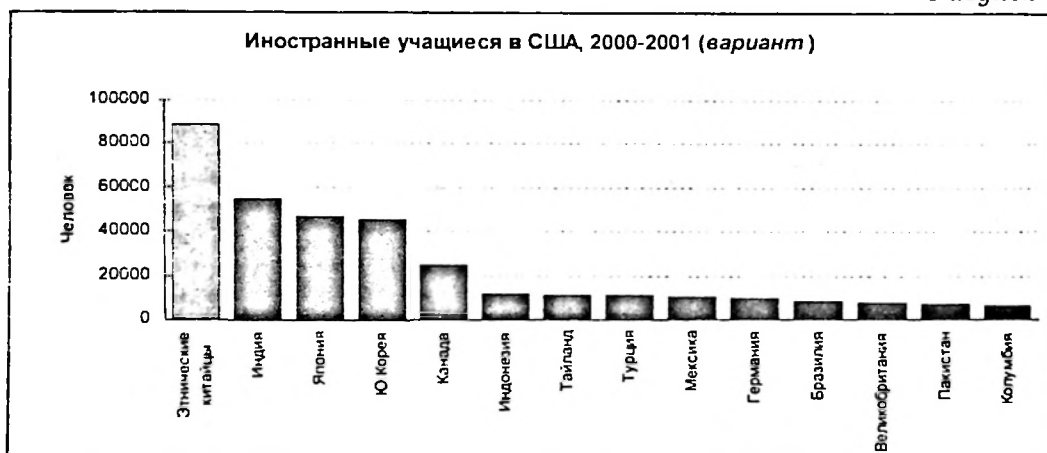
Вышеприведенные цифры показывают, что развитие высоких технологий в США на данном этапе тесным образом связано со вкладом иностранцев в эту область экономики, среди которых китайцы, а также выходцы из Индии занимают видное место. Сложившаяся ситуация наводит на мысль, высказываемую в политических кругах США, о возможном процессе перекачки наиболее современных технологий из США в КНР, что способствует развитию Китаем собственной высокотехнологической базы.

Рисунок 3

Источник: Shilpa B. Riding the high tide // Issues in Higher Education. Vol. 20. Issue 3. March 27, 2003.

Рисунок 4

Источник: Shilpa B. Riding the high tide // Issues in Higher Education. Vol. 20. Issue 3. March 27, 2003.

В начале 2004 г. Департаментом обороны США были введены новые правила выдачи американских виз иностранным учащимся, стремящимся получить образование по таким современным техническим специальностям, как вычислительная техника, телекоммуникации, электронное машиностроение и др. Новые правила ставили своей целью мониторинг деятельности иностранных учащихся в США с тем, чтобы «предотвратить утечку информации, которая могла бы быть использована для создания оружия в руках террористов». Данная мера может рассматриваться как результат деятельности новосозданного после террористических атак 11 сентября 2001 г. Ведомства по национальной безопасности США, призванного активно включиться в борьбу с терроризмом. Одновременно новые правила служили укреплению позиций Президента Буша в набирающей темпы предвыборной компании: так называемая «китайская карта» была одним из центральных вопросов стратегии внешнеполитической стратегии республиканского кандидата.

Результаты новой визовой политики не замедлили сказаться в образовательной системе США, подтвердив большую роль студентов китайского происхождения. Задержка в выдаче и продлении виз китайским учащимся, приехавшим в Китай из США на празднование китайского Нового года привела к срыву процесса обучения в американских университетах десятков-сотен китайцев. К марту 2004 г. американские университеты не добрали 32% контингента иностранцев из Китая и Индии по сравнению с прошлым годом, причем наиболее пострадали отделения и кафедры прикладных наук и инженерного дела, не досчитавшись 50% обычного набора китайских студентов.⁴⁹

На слушаниях в Сенате США по вопросу визовой политики для иностранных студентов и исследователей осенью 2004 г., руководители ведущих университетов страны призвали правительство принять меры по изменению порядка выдачи виз, который является ведущим фактором (наряду с экономической рецессией в США и растущей конкуренцией европейских и австралийских учебных заведений) резкого падения числа иностранных учащихся, среди которых студенты из Китая и Индии доминируют.⁵⁰ Выступления представителей университетов США еще раз подтвердили, насколько важен фактор иностранного присутствия в академической среде, тесно связанной с ведущими производственными мощностями передовых технологий страны, помимо, естественно, чисто экономической выгоды получения университетами дохода от иностранных учащихся.

Отношения в треугольнике США-Тайвань-Пекин

К концу XX века Тайвань превратился в ведущего производителя высоко-технологичной электронной продукции, включая полупроводники, оптическую электронику и вычислительную технику. Производство электроники занимает 35% промышленного сектора острова. На мировом рынке доля Тайваня в выпуске полупроводниковых приборов на кремниевых пластинах составляет 70%. Более 80% от мирового выпуска драйверов для компакт-дисков, звуковых и видео-карт и прочих компьютерных составляющих производится на Тайване.⁵¹ Будучи мировым лидером в производстве компьютерной электроники, Тайвань сконцентрировался на выпуске и разработке так называемых "технологических составляющих", т.е. создании компонентов электронной техники и их экспортной продаже под торговыми марками крупных корпораций (американских, европейских и японских).⁵² В связи с этим иностранные инвестиции на Тайване размещены в основном в промышленных отраслях по производству электронной и электротехнической продукции: так, в 2004 г. 60% освоенных иностранных инвестиций в электронной и электротехнической промышленности приходилось на финансовые потоки из США и Японии.⁵³ Бизнес крупных американских "голубых фишек", таких как *Dell*, *Apple*, *Hewlett Packard* и др. тесно связан с производственными мощностями, размещенными на Тайване. Примером такой взаимосвязи может служить землетрясение на острове в сентябре 1999 года, вызвавшее сильное колебание котировок акций "голубых фишек" на Нью-Йоркской бирже.⁵⁴

Растущая экономическая интеграция Тайваня с материковым Китаем поднимает вопросы о том, в какой степени КНР овладевает передовыми технологиями и навыками, используя высокий промышленный потенциал Тайваня; в какой степени США, основной потребитель микроэлектронной продукции Тайваня, становится зависимым от тайваньских производственных мощностей, переброшенных в континентальный Китай. Небольшой экскурс в динамику экономической интеграции между Тайванем и материковым Китаем может дать представление о масштабах технологической глобализации и изменившейся природе отношений в треугольнике США-Тайвань-КНР.

Согласно официальным статистическим данным Тайваня, в конце 2000 г. инвестиции тайваньских фирм в материковый Китай составили порядка 17 млрд ам. долл. Одновременно, тайваньские официальные лица полагают, что реальная цифра прямых инвестиций в КНР из Тайваня приближается к 60-70 млрд амер. долл.⁵³

Прямому инвестированию с Тайваня в материковый Китай был дан основной импульс в 1987 г., когда правительство острова разрешило своим гражданам поездки через пролив с целью посещения родственников и друзей. К 1998 г., согласно статистике Тайваня, объем экспорта из Тайваня в Китай увеличился в 15,9 раз, в то время как объем импорта из Китая в Тайвань возрос в 9,6 раз.⁵⁴ Подобная динамика торгового баланса была тесно связана с притоком тайваньского капитала в материковый Китай и размещением тайваньских производственных фирм на континенте.

Экономическая открытость КНР и шаги китайского руководства по предоставлению особого льготного режима зарубежным предпринимателям китайского происхождения в расчете на выходцев с Тайваня, Гонконга и стран Южной Азии оказались своевременными: именно в 1980-е годы экономика Тайваня нуждалась в освоении зарубежных рынков и экономического пространства.⁵⁵ Родственные связи с материковым Китаем превратили его в одну из наиболее предпочитаемых территорий для тайваньских коммерческих интересов.

С целью привлечения капитала и высоких технологий с Тайваня в 1980-е годы руководство КНР разработало дифференцированное законодательство для граждан с Тайваня и этнических китайцев из других стран, которое гарантировало защиту их прав и предоставляло особый льготный режим инвесторам при создании частных или совместных предприятий на территории КНР, при покупке собственности или акций китайских предприятий.⁵⁶ Закон КНР "О защите инвестиций соотечественников с Тайваня", обнародованный в марте 1994 г., содержит положение о возможности инвестирования с Тайваня в материковый Китай непатентованными технологиями.⁵⁷

Начиная с 1987 г. 30000 тайваньских фирм инвестировали в более чем 60000 проектов на территории континентального Китая.⁶⁰ С 1990 по 1992 г. прямые инвестиции с Тайваня в основном направлялись в промышленный сектор (73% от общего объема), способствуя размещению на материке производств традиционного тайваньского экспорта. Лишь 14% было инвестировано в сектор услуг (финансы, страхование и недвижимость).⁶¹

Вторая половина 1990-х годов была отмечена резким сдвигом размещения ПИИ в капиталоемкие высоко-технологичные производства в КНР, что гарантировало компаниям сохранение конкурентноспособности на мировом рынке. Тайваньские предприниматели активно последовали этой тенденции, хотя власти острова неохотно шли на ослабление контроля над передачей современных технологий Пекину. Политика правительства Тайваня в отношении экономической интеграции острова с материковым Китаем предусматривала ограничения на инвестиции Тайваня в высоко-технологичные секторы в КНР. Однако подобная стратегия практически не достигла своей цели: стремясь сохранить конкурентноспособность и выйти вперед в сравнительном преимуществе на мировом рынке, тайваньские фирмы высоких технологий ускорили темпы своей интеграции с континентальным Китаем.

По данным Тайбэйской компьютерной ассоциации, к 2001 г. 30% из 411 тайваньских компаний, занимавшихся высокими технологиями, разместили свои инвестиции в КНР, в то время как оставшиеся 70% разрабатывали планы перебраться своих производственных линий на материк в течение 2002 года.⁶² Население Тайваня начало перемещаться на материк с целью постоянного проживания: порядка 7-10% от общего числа рабочей силы Тайваня сконцентрировано в высокотехнологических и современных экономических зонах Шанхая и Шэньчжэня.⁶³

В 2000 г. КНР вышла на третье место в мире по производству компьютерных составляющих с объемом выпуска продукции в 25 млрд ам. долл.⁶⁴ Доля компаний с тайваньским инвестиционным капиталом, расположенных на территории КНР, составила 70% от этого объема.⁶⁵

Глава тайваньской компании *Syscom Computer Engineering Co.*, имеющей дизайн-центр на материке, высказал мысль, которую могли бы разделить многие представители тайваньских деловых кругов: "Мы должны использовать преимущества материка так же, как американские фирмы двадцать лет назад построили сборочные линии на Тайване".⁶⁶ Американские эксперты, в свою очередь, высказывают мнение, что, несмотря на ограничения, налагаемые тайваньским правительством, в течение ближайших десяти лет КНР полностью овладеет технологическими знаниями, которые были разработаны и запатентованы на острове.⁶⁷

В апреле 2002 г. тайваньское руководство значительно ослабило режим контроля над инвестиционными потоками в КНР. Более того, тайваньским предпринимателям было разрешено направлять прямые инвестиции в создание заводов по производству восьмидюймовых кремниевых пластин на материке при условии запуска более современного производства двенадцатидюймовых пластин на самом Тайване.⁶⁸ Новая политика была объявлена в то время, когда тайваньские гиганты микроэлектронной промышленности уже запустили производство восьмидюймовых пластин или были близки к осуществлению соответствующих проектов на территории КНР: так, компании *Grace Semiconductor Manufacturing*⁶⁹ и *Semiconductor Manufacturing International Co.* с участием тайваньского капитала уже организовали выпуск восьмидюймовых пластин; *Taiwan Semiconductor Manufacturing Co.* и *United Microelectronics Co.* уже определились с постройкой такого же завода на материке.⁷⁰ В свою очередь, правительство КНР, выделяя значительные капиталовложения в организацию производства полупроводников, поставило целью обеспечить к 2005 г. 20% рыночной потребности страны в полупроводниках за счет собственной индустриальной базы. Одновременно китайское руководство ввело особые налоговые льготы для иностранных инвесторов в данном секторе промышленности: освобождение от подоходного налога с предприятий в течение первых пяти лет работы и взимание 15-процентного налога в течение следующих пяти лет, что выгодно отличается от соответствующего налогового режима на Тайване с подоходным налогом в 25%.⁷¹

Подобно американским корпорациям, перебрасывающим свои производственные мощности и научно-технические центры в КНР, тайваньские компании также стремятся извлечь наибольшую коммерческую выгоду от сотрудничества с материковым Китаем. Действия китайского руководства по внедрению мер, поощряющих подобную экономическую интеграцию, свидетельствуют об эффективности целенаправленной политики в отношении овладения передовыми технологиями, носителем которых являются крупные зарубежные корпорации.

Заключение

В стремлении развить собственную независимую высоко-технологическую базу в целях усиления военной и экономической мощи страны, Китай рассматривает США как один из основных источников технических знаний и навыков. Помимо прямого лицензированного приобретения оборудования и технологий, КНР использует неформальные и непрямые методы передачи технологий в страну, такие, как привлечение иностранных инвестиций с условиями передачи технологий, а также получение технической информации и навыков через китайцев, обучающихся и работающих в США. Более того, Китай использует широкомасштабное сотрудничество и деловые контакты с американскими ведущими корпорациями высоких технологий, которые, будучи глубоко заинтересованными в китайском рынке и многообещающей китайской экспан-

сии за пределами страны, готовы идти на существенные уступки в отношении передачи технологий в обмен на заключение долгосрочных крупных контрактов.

Американские корпорации, включая "голубые фишки", активно перебрасывают свои производственные линии и научно-экспериментальные центры в КНР, что обещает им сохранить сравнительное преимущество среди конкурентов на мировом рынке. Подобная тенденция вызывает озабоченность в политических кругах США относительно национальной безопасности страны. Позволяя корпорациям размещать производственную базу в КНР, США практически ставят себя в зависимость от сборочных и производственных линий в Китае. Передача технологий и навыков из США в Китай во многом способствует модернизации китайской промышленной базы, включая ВПК.

1. Hu Jintao stresses defense and military modernization // People's Daily, May 25, 2003. Retrieved June 23, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>.
2. Bronson L. [Deputy under Secretary of Defense for Technology Security Policy and Counterproliferation.] Statement. U.S.-China Commission Export Controls and China, January 17, 2002. [Electronic version].
3. China sets goals for space science development // People's Daily. November 04, 2004. Retrieved November 04, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>
4. Chinese scientists refute US claims on rocket data transfer // People's Daily. March 14, 2003. Retrieved March 14, 2003, from <http://english.peopledaily.com.cn>
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Роговский Е.А. "Боинг" в Китае. Китай в мировой и региональной политике. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. С. 186.
9. People's Republic of China corporate entity enters plea to felony export violation. U.S. Department of Commerce, issued May 11, 2001. Retrieved December 18, 2004, from <http://www.defense-aerospace.com>
10. Сайт компании "Боинг" в Китае: <http://www.boeingchina.com>
11. Роговский Е.А. Указ. соч. С. 176-197.
12. Сайт компании "Боинг" в Китае: <http://www.boeingchina.com>
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Airbus aims to take half of China's market share // People's Daily. January 17, 2004. Retrieved November 04, 2005, from <http://english.peopledaily.com.cn>
17. Boeing, Airbus eye larger Chinese market share // People's Daily. September 16, 2003. Retrieved November 04, 2005, from <http://english.peopledaily.com.cn>
18. Airbus wins China order // Herald Tribune. June 12, 2004. Retrieved June 12, 2004, from <http://www.heraldtribune.com>
19. China hopes to promote co-operation with Boeing // People's Daily. July 11, 2003. Retrieved July 11, 2003 from <http://english.peopledaily.com.cn>
20. Airbus promotes A380 in China // People's Daily. September 19, 2003. Retrieved September 19, 2003, from <http://english.peopledaily.com.cn>
21. America upset Sino-US Boeing contract with a small chip // People's Daily. December 4, 2003. Retrieved December 4, 2003, from <http://english.peopledaily.com.cn>
22. Ibid.
23. Ibid.
24. Ibid.
25. US media urge government not to surrender China market to EU // People's Daily. February 10, 2004. Retrieved February 10, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>
26. U.S.-China Commission Export Controls and China. January 17, 2002. [Electronic version].
27. Ibid.

28. Chinese computer market growth boosts Asia-Pacific sales: Intel Corporation revealed Wednesday that its highest revenue source in the Asia-Pacific is largely due to the robust Chinese mainland's consumption and outsourcing market // People's Daily. February 21, 2002. Retrieved February 22, 2002, from <http://english.peopledaily.com.cn>
29. China's IT industry lags behind developed countries // People's Daily. August 25, 2000. Retrieved September 22, 2001, from <http://english.peopledaily.com.cn>
30. Chinese citizen pleads innocent in spy trial. CNN, January 30, 2003. Retrieved February 5, 2002, from: <http://www.cnn.com/2003/TECH/biztech/01/30/spy.trial.ap/index.html>
31. Arrests raise concern over tech spies. CNN, January 30, 2003. Retrieved February 5, 2002, from: <http://www.cnn.com/2003/TECH/biztech/01/30/silicon.spies.ap/>
32. Ibid.
33. USCC. Trade and investment. In The national security implications of the economic relationship between the United States and China (Ch. 2).
34. Ibid.
35. Silicon valley's skilled immigrants: generating jobs and wealth for California. Research Brief Issue 21, Public Policy Institute of California. June 1999. P. 2.
36. Cheng L. China in 2000. A year of strategic rethinking. [Electronic version]. Asian Survey, 41(1), January-February, 2001.
37. Intel: 2002 U.S. Employment Demographics. Retrieved December 23, 2002, from: <http://www.intel.com/jobs/diversity/commitment.htm>
38. Intel: 2003 U.S. Employment Demographics. Retrieved December 28, 2003, from: <http://www.intel.com/jobs/diversity/commitment.htm>.
39. McMurtrie B. Foreign students at U.S. institutions, 1999-2000 // Chronicle of Higher Education. Vol. 47. Issue 12. November 17, 2000. [Electronic version].
40. Shilpa B. Riding the high tide // Issues in Higher Education. Vol. 20. Issue 3. March 27, 2003.
41. Chinese students applying for US university drastically decreased // People's Daily. March 16, 2004. Retrieved December 16, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>
42. USCC. Trade and investment. In The national security implications of the economic relationship between the United States and China (Ch. 2).
43. 90% of overseas students wish to return to work // People's Daily. December 17, 2004. Retrieved December 17, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>
44. Ibid.
45. China encourages more students studying overseas to serve motherland // People's Daily. November 15, 2004. Retrieved December 17, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>
46. Ibid.
47. USCC. Trade and investment. In The national security implications of the economic relationship between the United States and China (Ch. 2).
48. US visa rules anger students // People's Daily. February 3, 2004. Retrieved December 17, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>
49. Chinese students applying for US university drastically decreased. People's Daily. March 16, 2004. Retrieved December 17, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>
50. Addressing the new reality of current visa policy on international students and researchers. Committee on foreign relations, United States Senate, October 6, 2004. Retrieved December 20, 2004, from <http://foreign.senate.gov/hearings/2004/hr041006a.html>
51. Taiwan Commercial Guide FY 2004. U.S. & Foreign Commercial Service and U.S. Department of State, 2004. Retrieved December 28, 2004, from: <http://www.buyusainfo.net>
52. Kim. S. East Asia and globalization // Asian Perspective. Vol. 23. Is. 4. 1999.
53. Taiwan Commercial Guide FY 2004.
54. Lynn B. Unmade in China. The true cost of a global assembly line // Harper's Magazine. June 2002.
55. USCC. China's growth as a regional economic power. In The national security implications of the economic relationship between the United States and China (Ch. 5). [U.S.- China Security Review Commission Report to U.S. Congress], July 2002. Retrieved from March 5, 2003, http://www.uscc.gov/ch5_02.htm
56. Чжао Х. Формирование вокруг Китая экономического суперрегиона // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 67.
57. В конце 1980-х годов экономика острова столкнулась с необходимостью экономической реструктуризации. Закон о труде, обнародованный в 1983 г., вызвал повышение

- стоимости труда в производственной сфере, приведя тайваньские секторы промышленности, основанные на интенсивном использовании рабочей силы, к потере конкурентного преимущества на мировом рынке. Экономический рост промышленного сектора КНР с использованием дешевого и избыточного труда также повлиял на конкурентоспособность тайваньских компаний. Увеличение операционных издержек (transaction costs), вызванное инфляцией цен на землю и введением усиленного контроля за охраной окружающей среды, а также структурный сдвиг промышленности в сторону капиталоемких производственных звеньев заставили правительство Тайваня начать политику поощрения инвестирования за рубежом. Стратегия выхода Тайваня на сцену действия мировой экономики заключалась в продвижении размещения традиционных экспортных индустрий (производство электрических и электронных предметов бытовой техники, пластмассовых изделий, одежды, продуктов питания и напитков) в странах, способных обеспечить производство достаточной и дешевой рабочей силой с минимальными операционными издержками. См.: Chen P. & Kan C.-Y. Taiwan's trade and investment in China. In Li K.-W. (Ed.), *Financing China trade and investment*. New York: Praeger, 1997. Pp. 121-139.
58. См.: MOFTEC. The Detailed Regulations for the Registration of Enterprises in the Shenzhen Special Economic Zone [promulgated February 9, 1984] // Retrieved March 1, 2001, from <http://www.moftec.gov.cn>;
- Herbst. K. The regulatory framework for foreign investment in the special economic zones. In: Leung C. K. & Jao Y. C. (Eds.). *China's special economic zones: Politics, problems, and prospects*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1986; MOFTEC. Measures for the Implementation of the Law of the People's Republic of China on the Protection of the Rights and Interests of Returned Overseas Chinese and the Family Members of Overseas Chinese. [promulgated on July 19, 1993]. Retrieved March 8, 2002, from <http://www.moftec.gov.cn>
59. MOFTEC. Law of the People's Republic of China on Protection of Investment by Compatriots from Taiwan. [promulgated on March 5, 1994] Retrieved March 8, 2002, from <http://www.moftec.gov.cn>
60. "Green" Taiwan businessmen not welcomed // *People's Daily*. June 2, 2004. Retrieved June 2, 2004 from <http://english.peopledaily.com.cn>
61. Chen P. & Kan C.-Y. P. 125-130.
62. UNCTAD, Division of Investment, Technology and Enterprise Development. China: WTO accession and growing FDI flows. [Electronic version]. December 11, 2002. Retrieved March 5, 2003, from <http://ro.unctad.org>
63. USCC. China's growth as a regional economic power. In *The national security implications of the economic relationship between the United States and China* (Ch. 5).
64. Mainland displays buying power in island province // *China Daily*, June 8, 2001. Retrieved May 7, 2003 from <http://www.chinadaily.com.cn>; Value of global IT products in motherland expected to surpass that of Taiwan // *People's Daily*. November 8, 2000. Retrieved April 16, 2003, from <http://english.peopledaily.com.cn>
65. Ibid.
66. Mainland displays buying power in island province // *China Daily*.
67. USCC. (United States-China Security Review Commission). Technical briefing on business, trade, and economic issues.
68. Taiwan Commercial Guide FY 2004.
69. China set to flood the world with chips // *Asia Times*. February 3, 2004. Retrieved February 3, 2004, from <http://www.atimes.com>.
70. USCC. China's growth as a regional economic power. In *The national security implications of the economic relationship between the United States and China* (Ch. 5).
71. China set to flood the world with chips // *Asia Times*.

Общество

Развитие теории права в Китае (К юбилею профессора Сунь Гохуа)

© 2005

Л. Гудошников, К. Кокарев

Известный китайский ученый-юрист, один из основателей теории социалистического права Китайской Народной Республики профессор Народного университета Китая Сунь Гохуа в текущем году отметил свое восьмидесятилетие.

Сунь Гохуа родился в 1925 году в уезде Янгао провинции Шаньси. В 1941 году он оставил родительский дом и отправился учиться в Пекин. После окончания средней школы в 1946 году поступил в Чаоянский университет, готовясь в будущем стать юристом. Одновременно с учебой в университете принимал активное участие в студенческом движении, за что в 1948 году был арестован, и вновь обрел свободу уже после разгрома гоминьдановских войск в Китае.

В 1950 году Сунь Гохуа поступил в Народный университет Китая на юридический факультет, где начал изучать теорию права. Под руководством университетских преподавателей старшего поколения он сумел глубоко овладеть основами юридических знаний, развить в себе незаурядные способности исследователя.

Преподаванием юридических дисциплин и научной работой Сунь Гохуа начал заниматься с 1952 года. За более чем полувековой период он подготовил свыше 10 учебных программ, воспитал большое количество талантливых ученых-правоведов и практических работников в области юриспруденции. В 1986 году профессор Сунь Гохуа был приглашен для чтения лекций работникам аппарата ЦК КПК, в том числе членам Политбюро. В дальнейшем он неоднократно выступал с обсуждением проблем современного права перед руководящими работниками центральных государственных учреждений, а также правительственных ведомств многих провинций и городов Китая.

За многие годы научной деятельности им было подготовлено более 50 авторских монографий и около 200 научных статей. Одной из первых исследовательских работ Сунь Гохуа в области права стала опубликованная в 1952 году статья "Отношения материальных и формальных источников права". В ней он высказался в пользу объединения материального и формального при изучении правовых проблем. В 1955 году 30-летний ученый опубликовал статью

Гудошников Леонид Моисеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Кокарев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РИСИ.

“Роль народно-демократического права в строительстве социализма”, в которой всесторонне проанализировал роль народно- демократического права как составной части сложного процесса социалистического строительства в Китае, особо подчеркнув важность и необходимость создания и постоянного совершенствования социалистического права. В том же году в издательстве “Популярные книги” вышла его работа “Поговорим о соблюдении законов”, где речь шла об актуальности проблемы формирования сознательного отношения к соблюдению социалистических законов, отражающих интересы широких народных масс.

После долгих лет научного безмолвия в период “борьбы с правыми элементами” и “культурной революции” (1958 — 1976 гг.), остро пережив длительное пренебрежение правом в Китае, Сунь Гохуа в 1978 году публикует в газете “Жэньминь жибао” статью под заголовком “О необходимости укрепления социалистического права”. В ней он критикует насаждавшийся в прошлом правовой нигилизм в обществе, выдвигает и доказывает точку зрения, согласно которой государство должно уделять постоянное внимание вопросам правового строительства, исследовательской работе в области правообразования.

В последующем Сунь Гохуа подготовил ряд важных теоретико-методологических работ в области права, среди которых “Отношения партийной политики и права”, “Роль права в осуществлении социалистической модернизации”, “Социалистическая демократия — предпосылка и основа социалистического права; социалистическое право — воплощение и гарантия социалистической демократии”. После III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (1978) эти и другие работы сыграли важную стимулирующую роль в развитии права в Китае в период реформ.

В 1982 году в издательстве “Фалюй Чубаньшэ” [“Юридическая литература”] под редакцией профессора Сунь Гохуа вышло хорошо известное в Китае и за рубежом учебное пособие “Основы теории права”. Данное издание с момента его первого выхода в свет и до 1995 года имеет общий тираж 2 млн экземпляров, что является своеобразным рекордом для научной и научно-педагогической литературы по теме правообразования. В дальнейшем в авторском исполнении или под редакцией Сунь Гохуа было издано немало других авторитетных и популярных книг, в том числе “Курс по основам теории права” и “Теоретические основы правообразования”. Под его редакцией увидели свет также важные работы, как “Социалистическая демократия: размышления на рубеже веков”, “Права человека: изменение курса свободы”, “Рыночная экономика является правовой экономикой”. Все они логически связаны между собой, отражают динамику политического развития страны, анализируют новые проблемы и возможные варианты их решения.

Профессор Сунь Гохуа всегда внимательно изучал правоведческую литературу на иностранных языках, много переводил на китайский язык.

В данной статье, на наш взгляд, не будет лишним кратко осветить характеристику некоторых научных взглядов и позиций профессора Сунь Гохуа по отдельным важным проблемам китайского права, а также роль права в политической жизни и перспективы его развития в условиях модернизации Китая и открытости внешнему миру. К тому же эти позиции во многом отражают отношение к праву и его реформированию со стороны официальных органов партийного и государственного руководства Китайской Народной Республики.

До освобождения Китая в период революционной войны правовые аспекты политической и общественной жизни на подконтрольных компартии территориях обычно находили отражение в различных партийных документах, в статьях и выступлениях лидеров КПК. Правовая система КНР стала формироваться после 1949 года в ходе реализации мероприятий по укреплению новой

политической власти в стране, в том числе на базе изучения советского права и его использования применительно к китайским условиям.

Однако после распада СССР и смены политических режимов в странах Центральной и Восточной Европы в конце 1980-х — начале 1990-х годов в КНР среди юристов-теоретиков появились сторонники взглядов, отражавших неверие в способность китайского права дать верный ответ на новые вызовы общественно-исторического развития. Они заявляли о якобы назревшей необходимости заменить действующее право теориями, которые распространены в Западной Европе и США. В этих условиях профессор Сунь Гохуа продолжал придерживаться марксистской теории права, полагая, что легковесное отрицание ее базовых принципов приведет к хаосу в идеологии и сделает весьма затруднительным реальное обновление теории права. Он поддерживает позицию тех ученых, которые считают, что только следуя базовым принципам марксистской теории и практики, исправляя допущенные ошибки и недоработки, постоянно занимаясь творческим поиском, можно найти верный путь в исследовании современной теории права.¹ Сунь Гохуа считает, что основные положения, характеризующие понятие права и отношение к нему в марксизме, соответствуют реальности и успешно прошли проверку временем. Однако в изменившихся условиях необходимо дополнительное уяснение содержания этих положений применительно к требованиям новой эпохи и новых реалий.

Разъясняя основы теории китайского права, профессор Сунь Гохуа говорит о недопустимости его упрощенного понимания лишь как совокупности конкретных юридических норм, представляющих его формальную сторону. Важное значение имеет содержательная часть права, которая находится в диалектическом единстве с его формой. Если законы, юридические документы рассматриваются в качестве формы проявления права, то его содержание отражает, с одной стороны, разум и опыт, накопленные в ходе предшествующего развития общества и его правовой культуры, а с другой стороны, волю господствующего в данном обществе класса. Содержание права включает определенные принципы, понятия и нормы. Оно содержит некую истину (*даоли*), следовать которой обязаны все члены данного общества. Эту сторону содержания права Сунь Гохуа называет “ли” (истина, высший принцип, идеал, справедливость). “Ли” выступает в качестве объективной закономерности, квинтэссенции мудрости, накопленной человечеством и жителями Китая, служит отражением потребностей развития общества, прежде всего класса, которому принадлежит власть в государстве. Волевой компонент содержательной части права конкретизируется в использовании принуждения, силы, гарантирующей в необходимых случаях соблюдение истины и выполнение норм права. Исходящая от государственной власти сила (*лилян*), являясь в этом случае выражением формальной стороны права, кратко называется также “ли”. Следовательно, право в понимании китайских ученых синтезирует два “ли”, и в этом единстве “ли” — “истина” является основным, а “ли” — “сила” второстепенным элементом, который вступает в действие по мере необходимости. Сунь Гохуа утверждает, что оба “ли” представляют собой продукт социально-исторического развития и определяются условиями материальной жизни данного общества.²

Ученый считает, что выражение “свод законов — библия свободы людей” содержит глубочайшую истину. Право должно развивать у людей активность, инициативу, творчество, регулировать противоречия, способствовать повышению эффективности общественных производительных сил, помогать их “освобождению” и дальнейшему развитию. Право представляет собой важное средство управления государством, “объединяющее и согласовывающее свободу и дисциплину, выраженные в правах и обязанностях граждан”. Как считает

Сунь Гохуа, право является важным средством достижения гармонии во всех проявлениях общественной жизни.

Рассматривая право как отношения между государственной властью и гражданами, он делает вывод о необходимости и возможности с его помощью правильного осуществления властных функций, адекватного регулирования отношений между членами общества, всесторонне взвешенного распределения прав и обязанностей между государством и гражданами, государством и коллективом, между гражданами, между гражданами и коллективом, между коллективами.

Ключевой вопрос, требующий решения в ходе правоведческих исследований и практической деятельности в области права, — исходя из реальной обстановки правильно понимать интересы членов общества, — соответствующим образом определять и распределять права и обязанности, выбирать наиболее подходящие способы, формы и виды правового регулирования.

Исследуя понятие правовой санкции, профессор Сунь Гохуа считает недостаточным рассматривать ее лишь как наказание объекта, нарушившего закон. Он придерживается мнения, что правовая санкция является мерой принуждения, используемой государством для сохранения и восстановления правопорядка и включающей как наказание лиц, нарушивших закон, так и компенсацию ущерба, нанесенного законным правам. В связи с этим правовед считает обоснованным особое разграничение в китайском праве двух разновидностей санкций: наказание нарушивших закон и восстановление законных интересов юридических и физических лиц, включая компенсацию нанесенного им ущерба.

Система научных взглядов Сунь Гохуа на состояние и перспективы современного китайского правоведения сложилась в начале 1980-х годов и в концентрированном виде была изложена в вышедшем под его редакцией труде "Основы теории права". В нем право определяется как признание, сохранение и развитие общественных отношений и общественного порядка в интересах господствующего класса посредством выработки и распределения прав и обязанностей в обществе и государстве. Важно отметить, что при заложении основ правоведческих исследований в Китае Сунь Гохуа широко опирался на опыт советских ученых, творчески используя их выводы и методiku в практике правового строительства в своей стране. В указанном труде он обосновывает диалектическое единство в социалистическом праве классовости, его общественного характера, научности, справедливости, а также государственного принуждения и возможности для населения добровольно исполнять законы. Он последовательно выступает против того, чтобы существенные свойства права сводить к классовости, и наоборот, использовать иные свойства права для отрицания его классового характера.

Важное значение ученый придает исследованию связи права и политики. Правильный политический курс стимулирует исследования в области права, однако это вовсе не означает, что его наличие способно заменить право, юридические нормы. Законы в его понимании представляют собой "изобретенное человечеством искусное средство познания общественных противоречий, их смягчения и разрешения".

Сунь Гохуа считает, что политика правящей партии является сердцевиной нормотворческой работы. Однако нельзя примитивно уравнивать политику и право, подменять законы партийной политикой, доводить дело до подмены партией деятельности правительства. Право — единство свободы и дисциплины, и в ходе реализации политического курса требуется создавать такую обстановку и условия, в которой сочетались бы демократия и централизм, свобода и дисциплина. Что касается свободы и дисциплины, то в законодательстве они выражены в правах и обязанностях. Они представляют собой диалектическое единство и нельзя делать упор на одном в ущерб другому.³

Рассуждая об отношениях права и интересов, Сунь Гохуа считает, что интересы в качестве самостоятельной категории играют в праве решающую роль, а право в свою очередь выполняет важную мобилизующую роль в формировании, реализации и развитии интересов. Последние отражают потребности субъекта, а также сложные отношения между человеком и окружающей средой, во многом определяющей характер его существования и развития. В этой связи, как полагает Сунь Гохуа, в настоящее время представляются особенно важными исследования в области теории права, интересов и правовой экономики.

Он убежден, что социалистическая рыночная экономика в Китае является прежде всего правовой экономической и ее развитие должно строиться на основе законов. В условиях рыночной экономики особенно важно, чтобы все граждане, юридические лица и особенно сотрудники государственных организаций имели высокое правовое сознание, правовую культуру, неукоснительно соблюдали и защищали закон. "Оздоровление" правовой системы, считает ученый, требует укрепления не только действующего законодательства, но и других ее звеньев, к числу которых относятся правовое сознание, нормотворчество, применение, толкование, соблюдение и защита права.

В теоретических исследованиях Сунь Гохуа важное место занимает проблема использования двух созвучных терминов "фацжи", одно из которых означает "управление государством на основании законов", а другое — "правовая система". В течение длительного времени в их толковании не делалось различия, так как считалось, что наличие одного автоматического означает наличие и другого. Однако такое понимание, считает Сунь Гохуа, является не вполне корректным. Дело в том, что правовая система выступает в качестве реального и конкретного элемента надстройки данной общественно-экономической формации, а "фацжи" как "управление государством на основании закона" предстает в качестве категории "цивилизованной эффективной стратегии управления государством", которая связана с осуществлением демократической политики, ограничивающей возможные злоупотребления государственной властью и гарантирующей надлежащие права и свободы граждан. Сунь Гохуа считает, что смешение указанных двух понятий ведет к заблуждению, согласно которому наличие правовой системы означает и наличие управления государством на основании закона. Дело в том, что правовой системой располагает любое государство, а реальное управление на основании закона тесно связано с достигнутым уровнем демократии в стране.

Стратегической установкой компартии Китая в области управления государством является создание условий и укрепление гарантий для управления страной строго на основании законов. Сунь Гохуа считает, что на данном этапе правового строительства задача права заключается в том, чтобы обеспечивать необходимое равновесие между стабильностью и реформами. Правовая система призвана способствовать гармонизации сложных процессов развития современного Китая.

В связи с выдвиганием "основных идей тройного представительства" в качестве важнейшего компонента идеологии правящей партии китайское право должно "соответствовать требованиям развития передовых производительных сил страны, стимулировать строительство ее материальной культуры в новых условиях". В частности, необходимо обеспечивать качественное правовое сопровождение процессов, связанных с реформированием тех звеньев производственных отношений, которые не соответствуют задачам развития производительных сил. Право должно помогать научной и эффективной разработке природных ресурсов и деятельности по охране окружающей среды, способствовать установлению гармонии в отношениях человека и природы, на деле за-

щищать законные интересы трудящихся, стимулировать их активность и творчество.

Сунь Гохуа также считает, что право должно, исходя из цели развития китайской передовой культуры, всячески способствовать совершенствованию духовного развития общества. Его задача — содействовать повышению нравственного, идейного уровня жителей Китая, формировать у них высокую правовую культуру, воспитывать личности, которые востребованы современным обществом. Для этого, как считают китайские правоведы, необходимо также внимательно изучать историческое наследие и правовую культуру других государств, творчески усваивать их позитивный опыт и достижения. Кроме этого, выражая коренные интересы широких масс, право должно обеспечивать развитие демократии, надежно защищать как законные права индивида, так и общие, коренные интересы всех людей.

Сунь Гохуа считает, что провозглашенное в Китае развернутое строительство общества “сяокан” (общество среднего достатка) представляет собой системный проект согласованного развития экономики, политики, культуры, в котором формирование современного права является одним из важнейших направлений деятельности партии, государства, общества. В связи с этим Сунь Гохуа обращает внимание на четыре главных фактора в процессе правового строительства. Во-первых, необходимо “твердо держаться партийного руководства”, своевременно и грамотно реформировать его. Исходя из общей ситуации в стране, которая складывается по ходу ее модернизации, требуется постоянное совершенствование методов партийного руководства, возможностями КПК по сплочению различных общественных и политических сил в интересах реализации поставленных задач, связанных с реформированием страны и общества. Поэтому, считает правовед, наряду с упорядоченным развитием форм народной демократии необходимо также осуществлять “юридизацию” собственно партийного руководства, добиваясь его четкости, системности и предсказуемости. Во-вторых, необходимо продолжать совершенствовать систему собраний народных представителей (СНП), поскольку из-за несовершенства ее внутренней структуры возникают проблемы с реализацией контрольных функций СНП в отношении других государственных органов. В этой связи право должно предусматривать возможности и гарантии цивилизованного развития политического участия. В-третьих, правовая система должна способствовать реформе административного управления, оптимальному сочетанию централизации и разделения властных функций, создавая благоприятные условия для активного делового взаимодействия между центром и регионами, между различными административными ведомствами. В законодательном порядке должны быть четко определены и согласованы функции всех ведомств и учреждений. В-четвертых, правовая реформа должна включать создание условий для реорганизации судебной системы, ее функционирования на справедливой, высокоэффективной и всесторонне согласованной политико-юридической основе.

Сунь Гохуа постоянно уделяет большое внимание совершенствованию теоретических основ правоведения в Китае. Здесь он выделяет несколько проблем. В частности, Сунь Гохуа с сожалением констатирует, что если в прошлом в китайском правоведении присутствовала недооценка, а иногда и полное отрицание зарубежной, особенно западной, правовой культуры, то сегодня наблюдается обратная картина — пренебрежение марксизмом, китайскими реалиями, стремление к примитивному копированию распространенных в западных странах правовых теорий, что вносит путаницу в уже сложившееся правильное понимание вполне очевидных вещей.

Кроме этого, Сунь Гохуа полагает, что необходимо объективно подходить к оценке китайской и зарубежной правовой культуры. По его убеждению,

китайская традиционная правовая культура тесно связана с “конфуцианским правом”. Она занимает специфическое место в истории мировой правовой культуры и в равной степени ценит и мораль, и наказание. В свое время эта культура оказала существенное влияние на возникновение и развитие правовых систем во многих восточноазиатских государствах. Ученый считает, что умаление значения китайского традиционного права и намеренное преувеличение отдельных его отрицательных сторон является по меньшей мере безответственным поведением. В отношении достижений западной цивилизации и правовой культуры Сунь Гохуа предлагает “целое делить пополам”, то есть “усваивать лучшее и отбрасывать ненужное”. Он также считает, что изучение нынешних тенденций в развитии российского права должно по-прежнему оставаться важным направлением правоведческих исследований в Китае. Сунь Гохуа неустанно повторяет о необходимости извлечения уроков из чужих ошибок, грамотном усвоении мировых достижений, в том числе в области правовой культуры в интересах стимулирования реформы политической системы в стране.

Сунь Гохуа в своих работах внимательно анализирует ведущие тенденции в области современного права и правоведческих исследований за рубежом. В частности, по его мнению, нынешнее постмодернистское право на Западе отражает внутренний кризис современного буржуазного правоведения, а также его стремление под видом “правовой глобализации” обеспечить “правовую деспотию” в межгосударственных отношениях. Сунь Гохуа обращает внимание на то, что постмодернистское право придает решающее значение волевому фактору, культуре, языку, забывая при этом, что “коренным источником всех видов неравенств и противоречий в обществе является частная собственность на средства производства”. В качестве важной особенности этого права китайский ученый выделяет его однобокую ориентацию на преувеличение неопределенности и нестабильности права вообще, что ведет к его размыванию и дезориентации в правоведческих исследованиях. Более того, такие тенденции в развитии права являются, как он считает, прямой дорогой к правовому нигилизму и анархии в обществе.

Сунь Гохуа выступает горячим поборником расширения в правоведческих исследованиях “полевых работ”, призывает не ограничиваться изучением документов, больше внимания обращать на изучение особенностей реальной жизни. Право, по его мнению, в специфической форме отражает многие стороны общественной жизни, и, следовательно, к правоведческим исследованиям необходимо также подходить комплексно, оценивая явления с разных позиций.

Представляется важным и замечание Сунь Гохуа относительно того, что многие научные проблемы в области правоведения действительно несут сильную политическую нагрузку. Однако, по его мнению, это вовсе не означает, что их можно полностью приравнивать к политическим проблемам. Научная точка зрения является всего лишь позицией ученого, исследователя, а поэтому категорически недопустимо уравнивать научный поиск с политической деятельностью. Сунь Гохуа убежден, что в науке непременно нужно следовать курсом “два сто” (“пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ”), должна поддерживаться атмосфера равенства, терпимости и доброго отношения между людьми. Сунь Гохуа глубоко верит в то, что в исследовательской работе можно убеждать только обоснованными, всесторонне выверенными аргументами, проверяя научные выводы на практике.

В советской научной периодике профессор Сунь Гохуа был впервые упомянут еще в середине 1950-х годов, когда в журнале “Советское государство и право” было дано подробное изложение упоминавшейся выше статьи в журнале “Чжэнфа яньцзю” (“Изучение политики и права”), озаглавленной “О

роли народно-демократической законности в строительстве социализма", где, в частности, содержался призыв "глубже изучать опыт Советского Союза".⁴

Следует отметить, что сам Сунь Гохуа, научившись читать по-русски, широко использовал в своей работе советскую правоведческую литературу, да и сейчас выступает инициатором переводов на китайский язык российских трудов по теории права. Его школу в Народном университете Китая прошли и некоторые наши ученые-юристы, внесшие затем заметный вклад в российское правовое Китаеведение, например, доктор юридических наук К.А. Егоров (стажировался в Пекине еще будучи кандидатом юридических наук), кандидат юридических наук Г.С. Остроумов, ряд аспирантов в различные годы. Сейчас он обменивается трудами с Центром современной истории и политики Китая ИДВ РАН, координирующим исследования в области правового Китаеведения, всегда приветливо принимает наших стажеров.

Профессор Сунь Гохуа — один из наиболее известных за пределами Китая теоретиков права. В изданиях Института Дальнего Востока РАН о нем говорилось, в частности, в обзорах "Правовая наука" в ежегодниках института,⁵ а также в юбилейном издании "40 лет КНР", где он был назван одним из немногих китайских ученых, опубликовавших в 1950-е годы наиболее значительные исследования в области государственного права КНР (они были связаны главным образом с анализом первой Конституции страны, принятой в 1954 году).⁶ В 1989 году в журнале "Проблемы Дальнего Востока" была опубликована рецензия кандидата юридических наук (вскоре ставшего доктором юридических наук) Э.З.Имамова на упомянутый выше капитальный труд под редакцией профессора Сунь Гохуа ("Фасюэ цзибэнь лилунь"), ["Основы теории права"], выпущенный в новой редакции в 1987 году издательством Народного университета Китая. Рецензент, подробно разобравший исследование, очень высоко оценил его как свидетельство "больших достижений ученых китайского правоведения", содержащий богатый материал о правовой системе Китая, обогащающий "наши знания о сущности права, общих закономерностях и конкретно-исторических путях его развития".⁷

Профессор Сунь Гохуа пользуется большой известностью и авторитетом у себя на родине. Свой 80-летний юбилей он встретил в расцвете творческих сил. Педагогическую и научно-теоретическую деятельность профессор Сунь Гохуа успешно сочетает с общественной работой, в том числе в качестве члена правления "Китайской ассоциации правоведения". Пожелаем большому ученому творческого долголетия, новых успехов в развитии китайского правоведения.

1. Ли Цинчжи и др. Дэн Сяопин чжэнчжи тичжи лилунь яньцзю х Исследование теории политической системы Дэн Сяопина. Пекин, 1999. С. 60-75.
2. Фэн Юйцзюнь. Цинси фали шанся цюсо [Преданность исследованиям основ теории права]. // "Гаосяо лилунь чжаньсянь [Теоретический фронт высшего образования]. Пекин, 2003. № 9. С. 12
3. См.: Ся Юйлуи, Гу Сяочун. 20 няньлай чжунго чжэнчжи чжиду гайгэ хэ миньчжу фачжи цзяньшэ [20 лет реформы политической системы и строительства демократической правовой системы в Китае]. Чунцин, 1999. С. 15-20.
4. Советское государство и право. 1956. № 1. С. 157-158.
5. См., например: "Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие. 1973. М., 1975. С. 374.
6. Сборник вышел в издательстве "Наука". ГРВЛ. М., 1989. С. 182.
7. Имамов Э.З. Современное китайское право. ПДВ, 1989. № 3. С. 239.

Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае

© 2005

О. Почагина

(Окончание. Начало в ПДВ №5, 2005г.)

Характеристика клиентов, пользующихся сексуальными услугами

Многие мужчины в Китае считают покупку сексуальных услуг вполне естественным и допустимым поведением. Конечно же, велик соблазн сказать, что такие представления в принципе традиционны для Китая. Однако не все так однозначно и просто. Дело в том, что в современном обществе услугами проституток пользуются самые разные социальные и возрастные группы мужчин с различной мотивацией¹. Во-первых, молодые мужчины, не имеющие сексуального опыта или испытывающие трудности в общении (например, выросшие в однодетных семьях), и именно поэтому сталкивающиеся с трудностями в удовлетворении своих сексуальных потребностей. Во-вторых, холостяки, (по данным Всекитайской переписи населения 2000 г. численность мужчин превышает численность женщин на 40 млн), которые из-за сложившегося дисбаланса полов в китайском обществе фактически не имеют возможности создать семью. В-третьих, мужчины, которых по каким-то причинам не удовлетворяют сексуальные отношения с женой или подругой. В-четвертых, те, которые в силу возраста, физических недостатков или психических особенностей (например, чрезвычайной замкнутости, склонности к необычным сексуальным фантазиям, сексуальным экспериментам, неспособности к эмоциональной вовлеченности), предпочитают сексуальные связи с проститутками, поскольку иные сексуальные связи для них весьма проблематичны. В-пятых, одинокие или состоящие в браке мужчины, идущие на такого рода отношения в целях самоутверждения, повышения собственной самооценки, создания хотя бы кратковременной иллюзии любви, психологической интимности. Дело в том, что при равноправных отношениях с женщиной (статус которой значительно вырос в последнее время, особенно в городах) многие мужчины с традиционными представлениями о взаимоотношениях полов чувствуют себя уязвленными и униженными. В-шестых, мужчины-мигранты, подолгу находящиеся вдали от жен и подруг и удовлетворяющие таким образом свои сексуальные потребности². В-седьмых, мужчины желающие таким образом снять психологическое напряжение. Платный секс воспринимается ими как приемлемый способ избавления от стресса, не требующий эмоциональных усилий, необхо-

димых в отношениях с женой или подругой. В-восьмых, состоящие в браке мужчины, желающие разнообразия во время командировок или отдыха.

Секс на коммерческой основе упрощает и ускоряет сексуальное сближение, избавляя мужчину от необходимости тратить время и силы на ухаживание, делает невозможным вариант отказа, т.е. обеспечивает желаемое без каких-либо эмоционально-личностных усилий. Помимо этого, связь с проституткой избавляет мужчину от ответственности, как эмоциональной, психологической, так и социальной³. Такого рода связи, как правило, (исключение составляют случаи с долговременным содержанием любовниц) не формируют близких отношений. Они являются лишь оплаченной сексуальной услугой в обществе потребления, основными ценностями которого являются деньги, положение и успех.

Ежегодно с ноября вплоть до праздника Весны (китайский Новый год) все больше молодых мужчин обращаются в брачные агентства, чтобы нанять себе подружку на праздники, с которой можно съездить к родственникам, попутешествовать, сходить на дискотеку, в гости. Мужчины могут выбрать девушку с высшим образованием за (800 юаней /примерно 100\$/), студентку (300 юаней /37\$/) или девушку без образования (150 юаней /18 \$/) в день. Сексуальные услуги оказываются за дополнительную плату по желанию девушки⁴.

Мужчины, как правило, объясняют свое обращение к девушкам, оказывающим сексуальные услуги, естественным для мужчин стремлением к разнообразию, к желанию иметь более молодых сексуальных партнерш. Часть мужчин имеют хорошо оплачиваемую работу, семьи и даже иногда гармоничные отношения с женами⁵. Бизнесмены и чиновники часто ссылаются на то, что в условиях рыночной экономики и стремительном темпе современной жизни у них не остается ни сил, ни времени на построение и поддержание глубоких эмоциональных отношений и на решение личных проблем⁶.

Китайские специалисты подчеркивают наличие "общих психологических особенностей" у потребителей сексуальных услуг: это как правило, мужчины со слабой волей, которые не могут противостоять искушению сексом⁷. "Их ценности разрушены быстрым развитием рыночной экономики, их моральные нормы деградировали под влиянием западного декадентского буржуазного образа жизни, они не осознают правовых последствий своего поведения". Среди задержанных полицией клиентов (133 человека), со слов последних выяснилось, что 26,3% из них "жаждали удовольствий", 16,5% — "искали новых ощущений", 20,3% — "любят дешевые развлечения", 12,8% — "испытывали потребность в разрядке сексуального напряжения", 24,8% — "посещали проституток по привычке"⁸.

Профессор Народного университета Китая Пань Суймин⁹, один из основных специалистов по проблемам сексуального поведения, считает, что самую большую группу потребителей сексуальных услуг (40%) составляют руководители, менеджеры и чиновники, имеющие власть и деньги. Именно они являются постоянными клиентами, рабочие и крестьяне составляют лишь 10%. Мужчины руководящего звена могут позволять себе покупку сексуальных удовольствий гораздо чаще остальных групп мужского населения КНР. Именно они содержат одну или несколько любовниц, позволяя себе время от времени и случайные связи¹⁰. Отметим, что в России постоянными потребителями секс-услуг чаще всего являются мелкие и средние бизнесмены ("угощение" заезжего бизнес-партнера проституткой практически считается нормой делового

общения), менеджеры среднего звена, сотрудники охранных агентств, представители криминального мира, командировочные¹¹.

Виды сексуальных услуг

Сексуальные услуги, оказываемые клиентам в Китае, характеризуются определенным своеобразием и несколько отличаются от представлений европейцев о таковых. Можно выделить¹² несколько типов сексуальных услуг: классический секс (разовый или многоразовый), групповой секс, специальные услуги (оральный и анальный секс), петтинг¹³, сексуальное представление, эскорт-услуги.

Групповой секс, в отличие от европейских стран, — явление достаточно распространенное, имеющее несколько вариантов сексуального обслуживания в одном помещении (один клиент и несколько проституток, одна проститутка и несколько клиентов, равное количество клиентов и проституток со сменой партнеров)¹⁴.

Что касается петтинга, то он может быть двух видов, когда клиенту разрешается трогать сексуально чувствительные части тела и ласкать проститутку, например в кинотеатре. Расценки на петтинг верхней и нижней части тела отличаются значительно. Второй вид характеризуется пассивностью клиента, девушка должна ласкать его, как правило, в форме массажа с фелляцией. К сексуальным представлениям относятся стриптиз, танцы в обнаженном виде, различные сексуальные шоу. Этот тип услуг в КНР распространен не столь широко как в Европе в связи с официальным запретом проституции, сложностью и опасностью содержания такого рода заведений. Эскорт услуги (*самь пэй*) в современном Китае включают следующее: сопровождение клиента на вечеринках и приемах, в ночных и танцевальных клубах, во время путешествий, деловых переговоров, посещений кинотеатров, театров и других общественных местах оговоренных клиентом за заранее согласованную плату. До конца 90-х годов предоставление такого рода услуг фирмами не считалось чем-то особенным, поскольку в общем соответствовало китайской традиции. В 43 городах КНР местные власти даже взимали подоходный налог с заработков женщин, занятых в эскорт-индустрии. Однако в ходе кампаний, направленных против распространения проституции, было выявлено, что такого рода услуги часто дополняются сексуальными услугами или эскорт услуги просто подменяются ими. Официальная позиция была сформулирована следующим образом: "эскорт услуги являются прелюдией проституции". В марте 1998 г. были приняты законодательные акты, запрещающие оказание эскорт услуг за деньги, контроль за их соблюдением возложен на министерство общественной безопасности, нарушение запрета влечет наказание в виде штрафа¹⁵.

Вербовщики, сутенеры и хозяева развлекательных заведений

В Китае, как и во всем мире приток свежих сил в секс-индустрию и контроль за работой проституток осуществляют вербовщики и сутенеры. Их доходы напрямую зависят от доходов подопечных, поскольку часто доля первых составляет 50%. Они получают деньги за поставку новых девушек хозяевам развлекательных заведений, которые им доверяют в условиях нелегальности секс-бизнеса. Деятельность сутенеров подпадает под статьи УК КНР предусматривающие наказание вплоть до смертной казни (расстрел) за "принуждение, вовлечение в занятие проституцией".

Владельцы развлекательных заведений, массажных кабинетов, салонов красоты, ресторанов, баров прибегают к различным средствам, с тем чтобы за-

ставить работающих у них женщин оказывать сексуальные услуги: экономические, например не платят им заработную плату, оставляя им лишь чаевые клиентов, требуя одновременно оплачивать предоставляемое им жилье и питание, другие создают лишь благоприятные условия для поиска клиентов, взимая за это определенную плату. Оказывают на женщин психологическое давление, всячески подчеркивая, что место строптивых займут другие желающие (конкуренция действительно имеет место), применяют и физическое насилие, зная, что их подопечные не пойдут жаловаться в полицию.

Взаимоотношения сутенеров и проституток характеризуются противоречивостью. С одной стороны проститутки подвергаются эксплуатации и контролю и не могут быть довольно таким положением вещей, а с другой — первые помогают им устроиться в условиях города, представляют их работодателям (хозяевам баров, ресторанов, массажных салонов и т.п.) или самостоятельно находят клиентов своим подопечным и обеспечивают прикрытие. Именно поэтому отношения сутенеров и проституток в определенном смысле являются партнерством, поскольку обе стороны имеют интерес в наличии клиентуры и заработков. Случаи доносительства в полицию и обвинений сутенеров со стороны проституток редки.

В разных случаях доходы сутенеров и хозяев различных заведений составляют от 15 до 50% от заработанного женщинами, что, бесспорно, является “эксплуатацией проституции третьими лицами”. Так, по данным Пань Суймина, месячный доход владельца танцевального зала в среднем составляет от 2320 до 4260\$, из которых 2060\$ — издержки. Таким образом, чистый доход может колебаться от 266 до 2200\$. Доходность заведений, предоставляющих помимо остальных сексуальные услуги составляет 330%, тогда как в ресторанном бизнесе — 90%. Именно поэтому несмотря на то, что владельцам такого рода заведений грозит смертная казнь и некоторых из них расстреливают показательно, их количество не уменьшается¹⁶.

Отношение к проституции в обществе

И мужчины, и женщины относятся к проституткам с презрением, однако отношение к ним характеризуется двойственностью. С одной стороны, неуважение к жрицам любви в своей основе имеет не столько моральные соображения или нелегальность их услуг, сколько отношение к их деятельности в принципе, которая воспринимается как грязная, а их самих считают неудачницами, угрожающими спокойствию общества. Женщины, прежде всего, видят в них угрозу своему семейному счастью. Замужние женщины, чьи мужья содержат любовниц, считают их визиты к проституткам более предпочтительными, поскольку в финансовом отношении они менее обременительны для семейного бюджета. Более того, взаимоотношения с проститутками не содержат элемента угрозы, который присутствует в отношениях жен и любовниц. Проблема содержания “вторых жен” особо обсуждалась китайской общественностью и женскими организациями в 2000-2001 гг. в ходе подготовки поправок к “Закону КНР о браке” в связи с ее актуальностью. Китайские парламентарии бурно обсуждали поправку к “Закону КНР о браке”, предусматривающую выплату компенсации жене мужем, имеющим любовницу, при расторжении брака. В действовавшем ранее законе о браке денежные выплаты женщине при расторжении брака предусматривались только в случаях доказанного двоеженства и издевательств со стороны мужа. Всекитайская федерация женщин настояла на более четком определении прав женщин и защиту со стороны за-

кона их интересов, поскольку практика “содержания вторых жен и любовниц” достаточно широко распространена среди мужчин, принадлежащим к элите и средним социальным слоям, и в принципе не нова для китайского общества. Включение в основания для компенсации параграфа о внебрачных связях специалистами расценивается как “настоящий прорыв”, способствующий защите прав и интересов замужних женщин.

Значительная часть китайских мужчин считает посещение проституток вполне приемлемым, с точки зрения морали, поведением. Более того, они рассматривают покупку сексуальных услуг даже как своего рода благотворительность, поскольку дают проституткам возможность заработать на хлеб. Свою роль играет и еще один немаловажный аспект: в настоящее время многие мужчины не довольны своими доходами, что порождает психологическую неудовлетворенность, сексуальные услуги, по их мнению, помогают восстановить душевный баланс и повысить собственную самооценку. С другой стороны, проституция дает возможность заработать водителям такси, тем, кто сдает в аренду комнаты, имеет ресторанчики, продает одежду и косметику, именно поэтому многие местные жители рассматривают деятельность жриц любви как источник их собственных дополнительных доходов¹⁷.

Опросы свидетельствуют о толерантности населения к проституции. Так, 90% опрошенных ответили, что даже если им известно о фактах проституции, они никуда не будут сообщать. Это говорить о том, что система общественного контроля, успешно функционировавшая ранее, в настоящее время практически не работает. Люди не хотят более сообщать об антиобщественных явлениях в полицию, более того, только 9,7% опрошенных убеждены, что можно выявить всех лиц, занимающихся проституцией, в то время как 42,85% считают, что в условиях нелегальности это сделать практически невозможно¹⁸. Все меньше населения разделяет убеждение, что запрет проституции может дать положительные результаты в борьбе с этим социальным явлением¹⁹. Борьба с проституцией требует значительных экономических вложений. Пань Суймин задается вопросом должно ли общество оплачивать существующий запрет, если даже в условиях запрета и суровых наказаний проституция распространяется, и таким образом борьба с ней постоянно требует дополнительных финансовых вложений.

Стратегия китайских властей в отношении проституции

“Запрет, борьба и решительное искоренение проституции” — так формулируется официальная позиция китайских властей. Возрождение проституции китайские власти объясняют проникновением в страну “капиталистического мировоззрения и идеологии”. Именно с ведением курса реформ и открытости проституция, “как чумная эпидемия”, начала распространяться с прибрежных провинций страны и специальных экономических зон на всей территории Китая, включая отдаленные и горные районы. В КНР признают, что осуществление контроля над проституцией задача сложная и требующая участия всего общества. В борьбе с этим асоциальным явлением первостепенное внимание должно уделяться пропаганде и просветительской работе под руководством партийных, государственных и общественных организаций, с привлечением правоохранительных органов. “В первую очередь необходимо разъяснять молодежи и населению тот ущерб, который наносит проституция как отдельному индивиду (риск заболеть венерическими заболеваниями, СПИДом) так и обществу в целом, укреплять социалистическую мораль

и законность, формировать способность сознательно противостоять искушению коммерческим сексом”²⁰. Властями разработан и совершенствуется комплексный подход к проблеме искоренения проституции в стране. Образовательным учреждениям рекомендовано обращать особое внимание на формирование у молодежи таких понятий, как “девственность”, “доброе имя”, “репутация”, “бесчестие”, ценностей, которые противостоят “сексуальной свободе” и “поклонению деньгам”. Правоохранительные органы должны постоянно совершенствоваться и разрабатывать новые эффективные методы контроля за общественными местами (вокзалы, порты, рестораны, гостиницы, клубы, развлекательные заведения), где обычно ищут клиентов проститутки. Более того, полиция должна поддерживать связи с владельцами указанных заведений и привлекать их к сотрудничеству и ответственности в случае их уклонения от такового. Борьба с порнографией расценивается как неотъемлемая и важная часть кампаний против проституции, поскольку литература, содержащая крайне натуралистическое, циничное изображение половых отношений обостряет сексуальные желания и способствует “духовному загрязнению” общества. Важное значение придается и контролю за мигрирующим населением, особенно своевременному оформлению карт временных резидентов. В целях ограничения въезда в КНР иностранных граждан, оказывающих сексуальные услуги, ужесточается контроль консульских учреждений за выдачей туристических и рабочих виз. Местные исполнительные органы власти (их различные отделы, например, культуры, образования, здравоохранения и т.п.) должны уделять внимание вопросам трудоустройства проституток после их освобождения из исправительно-образовательных учреждений и исправительно-трудовых лагерей, контролировать распространение порнографии, обеспечивать сексуальное образование, заниматься профилактикой распространения венерических заболеваний и СПИДа. Общественные организации, включая молодежные, женские, должны оказывать помощь властям в реабилитации проституток, формировании нравственных представлений и ценностей у подрастающих поколений, содействовать профилактическим мероприятиям проводимых полицией. Соседские и квартальные комитеты также не должны оставаться равнодушными к проблемам, связанным с реабилитацией проституток и профилактикой этого явления.

В КНР с начала 80-х годов правительство проводит регулярные кампании по борьбе с проституцией и порнографией. Местные органы власти, как правило, организуют кампании, задерживают и штрафуют проституток, борются с вербовщиками и торговцами женщинами, с хозяевами подпольных публичных домов.

9 апреля 1991 г. ПК ВСНП принял “Решение о строгом запрете проституции и практики посещения проституток”²¹. Этот документ дополнял Административно-процессуальный кодекс КНР²² и другие нормативные акты, касающиеся проституции. Согласно “Решению”, лица, организующие секс-бизнес, вовлекающие других в проституцию, так же как и лица, больные венерическими заболеваниями и знающие об этом, занимающиеся проституцией, подлежат суровому наказанию в соответствии с УК КНР. В документе приводится система административных наказаний в соответствии с различными обстоятельствами, связанными с участием в проституции. Так, например, лица, занимающиеся проституцией и их клиенты, могут быть принуждены к 1) моральному перевоспитанию и ознакомлению с нормативными документами в этой сфере в исправительно-образовательных учреждениях, 2) исправительным ра-

ботам в исправительно-трудовых лагерях, 3) медицинскому освидетельствованию на предмет выявления венерических заболеваний и СПИДа и 4) принудительному лечению. Правоохранительные органы получили право задерживать проституток и их клиентов для перевоспитания и исправительно-трудовых работ сроком от шести месяцев до двух лет. В случае, повторного задержания лиц, проходивших перевоспитание в образовательных учреждениях, они должны заплатить штраф 5 тыс. юаней (620 \$) и вновь направлены на перевоспитание уже в исправительно-трудовые лагеря. Помимо этого, "Решение" определяет и ответственность руководителей индустрии развлечений, гостиничного бизнеса, согласно которым последние обязаны информировать полицию о фактах проституции в их заведениях²³.

9 апреля 1993 г. Госсовет принял постановление "Меры по задержанию и перевоспитанию лиц, связанных с проституцией", этот документ определил некоторые критерии при определении наказания проституток и их клиентов, не ликвидировав, однако, всех существующих сложностей и противоречий. Они прежде всего связаны с критериями определения места отбывания наказания после задержания (образовательное или исправительно-трудовое учреждение), сроков наказания от шести месяцев до двух лет в исправительно-образовательных и от года до трех лет в исправительно-трудовых учреждениях, переполненностью исправительно-образовательных учреждений (повторно задержанных проституток часто отправляют опять-таки в образовательные учреждения из-за отсутствия у них возможности заплатить штраф и отсутствия информации у органов общественной безопасности относительно имевших место задержаний), клиенты проституток, имеющие деньги, оплачивают штраф и могут избежать наказания в исправительно-трудовых учреждениях²⁴.

В настоящее время полиция и местные власти КНР имеют право без судебного разбирательства направлять задержанных проституток в исправительно-образовательные и исправительно-трудовые учреждения на срок от трех месяцев до 3 лет²⁵. Однако нельзя рассматривать государственные кампании по борьбе с проституцией как подавление сексуальности, вмешательство в частную жизнь индивидов, как это порой представляется некоторыми экспертами²⁶. В такой трактовке, с нашей точки зрения, имеет место явное передегеривание.

Особый акцент китайскими властями делается на взаимосвязи проституции и широкого распространения венерических заболеваний и СПИДа, угрожающих здоровью нации. В настоящее время, по официальной статистике, в КНР насчитывается 120 млн инфицированных вирусом гепатита В и 1 млн — СПИДом²⁷. По данным ВОЗ, в КНР насчитывается 1,7 млн людей больных и инфицированных вирусом иммунодефицита HIV/AIDS. По прогнозам ООН, к 2010 г. эта цифра достигнет 10 млн человек. Всемирная организация здравоохранения и другие неправительственные организации в целях предотвращения эпидемии СПИДа в КНР в течение нескольких лет настаивали на бесплатном распространении презервативов в местах, где наибольшая концентрация проституток. В 2004 г. китайские власти обнародовали план по распространению бесплатных презервативов в местах развлечений²⁸. Впервые реклама презервативов в Китае появилась в начале 90-х, но быстро исчезла по распоряжению властей, как и все другие, в который прослеживалась тема секса или непристойность. В 2003 г. во Всемирный день борьбы со СПИДом в эфир вышла-таки 30 секундная телевизионная реклама презервативов в связи актуализацией проблемы и усилившимся давлением на китайскую сторону международных организаций²⁹.

Согласно государственному “Среднесрочному и долгосрочному плану по предотвращению и контролю за СПИДом”, принятому в 2001 г. основной упор снова сделан на том, что “проституция, употребление наркотиков должны быть решительно искоренены”³⁴.

В июле 2004 г. китайские власти санкционировали проведение очередной крупномасштабной кампании “народная война против порнографии” в киберпространстве, против эротики по телефону и непристойных SMS сообщений. В Интернете насчитывалось более 1000 доступных порнографических веб-сайтов, к середине месяца были закрыты 700 порносайтов, 16 тыс. Интернет-кафе были закрыты по причине того, что их посетители имели доступ на порносайты, арестованы 329 человек, связанных с их функционированием, проведены проверки компаний, оказывающих телефонные и осуществляющих услуги по электронному обмену сообщениями³⁵. В 2004 г. в стране было закрыто более 1400 порнографических сайтов³⁶.

Борьба с проституцией — одна из самых серьезных проблем и для гонконгских правоохранительных органов. Несмотря на официальный запрет на данный род деятельности, здесь продолжают существовать сотни нелегальных публичных домов, в основном под вывеской “массажных салонов”, “караоке-баров” и “гостиниц с почасовой оплатой”. Персонал данных заведений составляют в основном жительницы континентального Китая а также, в гораздо меньших масштабах, других стран ЮВА и остального мира, включая россиянок. Несмотря на регулярно проводимые полицией рейды, по итогам которых большое число (до нескольких тысяч в год) задержанных “ночных бабочек” депортируется за пределы территории с занесением в черный список, запрещающий на длительное время повторный въезд в Гонконг, на смену выдворенным проституткам продолжают прибывать новые. Пути решения данной проблемы полиция САР видит как в усилении контроля за предоставлением разрешений на въезд в Гонконг со стороны властей близлежащих провинций КНР, уроженками которых являются работающие на территории китайские проститутки, так и в борьбе со спросом, с целью чего рекомендовано ввести в действие законы, предусматривающие наказание и для пользующихся услугами проституток местных клиентов³⁷.

Отношение китайских экспертов к легализации проституции в КНР

Запрет проституции, мероприятия проводимые правоохранительными органами и достаточно суровые наказания за вовлечение в проституцию и содержание заведений, оказывающих сексуальные услуги, к сожалению, не сдерживают развитие секс-индустрии в КНР.

В последние годы некоторые китайские специалисты и общественные деятели, обеспокоенные распространением СПИДа в КНР и положением женщин, занятых в секс-индустрии, неэффективностью политики запрета, начинают высказываться за легализацию³⁸ и декриминализацию проституции³⁹, поразному аргументируя свою позицию⁴⁰. Однако все специалисты, считают, что пришло время искать новые эффективные решения данной проблемы на основе международного опыта, исследований и консультаций.

Пань Суймин, например, считает, что запрет сексуальных услуг и борьба с проституцией слишком дорого обходится китайскому государству. В Китае существует так называемая “квазиполиция”, которая занимается выявлением проституток и развлекательных и иных заведений, оказывающих сексуальные

услуги. Он приводит расчеты, согласно которым, сотрудник общественной безопасности для того, чтобы задержать проститутку с личным должен потратить в среднем 7,5 часов. В городе с населением 6 млн чел. 450 полицейских, занятых полный рабочий день, должны работать 900000 человеко-часов для того, чтобы арестовать всех проституток и их клиентов. Помимо этого, правительство должно задействовать и других социальных работников. Такова стоимость запрета проституции. Пань Суймин задается вопросом если государство готово платить такую цену, но что же оно имеет взамен? Рост рынка сексуальных услуг и дальнейший рост расходов на борьбу с проституцией. Он считает, что чрезвычайно сложно восстановить доверие общества, независимо от запрашиваемых экономических ресурсов³⁷.

Среди китайских специалистов нет единого мнения относительно легализации проституции. Так, Хуан Ли (Институт права АОН Китая) считает, что "запрет проституции не соответствует основной мировой тенденции и не соответствует современным реалиям", Цянь Юнчжун не видит ничего предосудительного в коммерциализации сексуального поведения, за исключением случаев принуждения к таковому. Хуан Цзису, оценивая ситуацию с проституцией, особо подчеркивает, что вовлечение женщин в сферу сексуальных услуг лишает их нормальных сексуальных отношений, семейной жизни и наносит урон чувству собственного достоинства. Именно поэтому легализация проституции — официальное признание дискриминации прав женщин³⁸.

Ли Иньхэ, доктор социологии, одна из ведущих китайских специалистов в области изучения сексуального поведения, считает, что легализация проституции возможна в Китае, она не только защитит права женщин, но будет способствовать решению проблем, связанных с проституцией. Попытки правительства искоренить проституцию загоняют ее в подполье, дают возможность криминальным организованным группам контролировать этот бизнес³⁹, провоцируют коррупцию среди полиции и чиновников. Эта проблема, по ее мнению, не должна решаться исключительно путем арестов. Особый акцент она делает на декриминализации проституции, на моральной стороне этого явления. Она считает, что сексуальные отношения между взрослыми людьми не должны считаться преступлением, независимо от их финансовой подоплеки⁴⁰.

* * *

Борьба с коммерциализацией сексуальных отношений и их социальными последствиями не очень приятная задача для любого общества, а для китайского особенно. Эта проблема воспринимается несколько болезненно, поскольку она является признаком морального разложения, "духовного загрязнения", хотя по большому счету, с нашей точки зрения, проституция не является исключительно моральной проблемой. На повестке дня стоят проблемы регламентации сексуального поведения людей в социальном пространстве, поддержания порядка в обществе, минимизации ущерба от проституции для социума.

Анализ государственной стратегии в отношении проституции свидетельствует о комплексном подходе китайских властей к данной проблеме в рамках политики запрета. Тем не менее, необходимо отметить, что основной упор все же делается на воспитательно-идеологической работе со ставкой на перевоспитание трудом. Звучат призывы к активизации политической и агитационно-пропагандистской деятельности в борьбе с сексуальной распущенностью. Проституция считается инородным социальным явлением, причем привнесенным извне, "мухой, залетевшей в открытое окно". С нашей точки зрения,

в таком подходе имеет место определенная недооценка экономических и социальных причин возрождения проституции и формирования секс-индустрии, что свидетельствует о некоторой инерции политического мышления при принятии решений в данной сфере. Предпринимаемые попытки опереться на традиционную мораль малоэффективны. В обращении руководства к традиционным (раннеконфуцианским) духовным ценностям имеет место их идеализация. Запрет, полное искоренение проституции и ликвидация секс-индустрии с помощью исключительно правовых и административных мер — стратегия заведомо неэффективная в условиях рыночной экономики, причем часто дающая противоположные результаты. Контроль за ее реализацией требует весьма значительных финансовых затрат. Более того, она создает благоприятные условия для злоупотреблений на местах со стороны правоохранительных органов и чиновников.

Итак, суммируя вышеизложенное, можно заключить, что, несмотря на осознание руководством КНР угрозы, исходящей от распространения проституции для стабильности общества и его дальнейшего развития, стратегия борьбы с данным явлением, не дает желаемых результатов (его "искоренения"). Более того, в последние два десятилетия рынок сексуальных услуг развивается в КНР очень быстрыми темпами. Распространение западных культурных ценностей и массовой культуры в Китае, безусловно, сыграли в этом процессе определенную роль, однако, ее, с нашей точки зрения, не стоит переоценивать. В КНР существуют и *экономические*, и *социальные*, и *демографические*, и *культурные* причины, обуславливающие, возрождение, формирование и функционирование в новых условиях рынка сексуальных услуг, а вместе с ним появление негативных социальных явлений, связанных с развитием секс-индустрии.

Экономические причины:

— в рыночных условиях сформировался теневой рынок сексуальных услуг. В настоящее время он представляет собой самостоятельный сектор экономики⁴¹. Помимо женщин, непосредственно оказывающих сексуальные услуги, доходы от проституции получает значительный круг людей, в который входят сводни-свахи, сутенеры, таксисты, туристические и брачные агентства (поставляющие в страну клиентов из Гонконга, Японии, Кореи, с Тайваня), владельцы увеселительных заведений, гостиниц, "крыша", охраняющая проститутток от карательных действий властей, полиции и конкурентов, чиновники, др.;

— интеграция КНР в мировую экономику активизировала связи с транснациональной секс-индустрией;

— в условиях бурного развития туризма развивается секс-туризм;

— высокий уровень женской безработицы и дискриминация при трудоустройстве;

— массовая миграция как мужчин, так и сельских девушек в города в поисках работы и более высокого уровня жизни⁴²;

— бедность превратила проституцию в способ выживания миллионов китайских женщин;

— коммерциализация сексуальности. Последняя в условиях повышенного спроса на сексуальные услуги стала использоваться частью китайцев как одно из средств накопления первоначального капитала. В современном обществе все более распространенным становится "рыночный сценарий"⁴³ взаимоотношения полов, в основе имеющий четкие отношения обмена (в браке муж-

чина "покупает" женщину, содержит ее, дает материальное благосостояние, а она — оказывает ему услуги в быту и удовлетворяет его сексуальные потребности; вне брака имеет место банальная сделка относительно предоставления сексуальных услуг за деньги)".

Социальные причины, обусловившие рост спроса на сексуальные услуги и формирование секс-индустрии:

— ослабление в последнее десятилетие контроля со стороны государства, снижение эффективности регулятивных механизмов социального контроля (норм, ценностей, общественного мнения) как уровне семьи, так и на уровне социума;

— повышение требований к брачному партнеру, завышенные ожидания в отношении семейной жизни, разводы, обострение проблемы одиночества, постоянные стрессовые ситуации, ускорение темпа жизни;

— регенерация подавленных проявлений частной жизни и формирование новых ценностей потребления и сексуальной свободы, что является естественной реакцией населения на отсутствие свободы половой жизни и отрицание сексуальности в предыдущий исторический период;

— в целом толерантное отношение населения к проституции (по экономическим соображениям и в соответствии с традиционными взглядами);

— несоблюдение законов, коррумпированность отдельных представителей местных властей и полиции";

— доминирование организованной преступности в сфере сексуальных услуг;

— интернационализация проституции.

Демографическая причина:

— дисбаланс в соотношении полов, сформировавшийся в условиях традиционного пренебрежительного отношения к девочкам, широко распространенной практики внутриутробного определения пола плода и избирательных абортов и являющийся следствием политики ограничения рождаемости, спровоцировал возрождение и стимулирует развитие сферы сексуальных услуг.

Причины, связанные с культурными особенностями:

— значительное изменение модели взаимоотношений между полами, сексуального поведения китайцев, их взглядов на сексуальность⁶⁶ с сохранением однако некоторых традиционных представлений. Например, наличие соержанок (бао эр) воспринимается современными мужчинами как показатель престижности и финансового благополучия. Это, с нашей точки зрения, бесспорно, говорит о существовании гендерного⁶⁷ неравенства, проявляющегося как в мужской, так и в женской сексуальности, обусловленного традиционными стереотипами поведения полов в обществе. Тем не менее уже можно говорить о том, что сексуальность в Китае становится самодостаточной, являясь способом получения удовольствия (что характерно для традиционных взглядов на сексуальность мужчин). Онлайн-овая сексуальная активность, (а также использование средств сотовой и телефонной связи в данной сфере) резко возросшая в последнее десятилетие, свидетельствует о расширении сферы сексуальной свободы, самостоятельности принимаемых решений, особенно у девушек;

Последствия функционирования и развития секс-индустрии для китайского общества в условиях нарастающего дефицита⁶⁸ женщин:

— негативное влияние на взаимоотношение полов в обществе (способствует закреплению отрицательных оценок в отношении к другому полу) и институт семьи, процессы социализации новых поколений;

— снижение статуса женщины в обществе и закрепление гендерного неравенства (толерантное отношение к коммерческому сексу формирует у мужчин восприятие женщин в качестве товара, что наносит ущерб достигнутым успехам в деле повышения статуса женщины в обществе и формирует представление о допустимости насилия в отношении женщин);

— десоциализация личности, кризисные явления в духовно-нравственной сфере и морально-нравственная деградация общества;

— аутизация населения и формирование дефицитарного типа личности⁴⁹ с обедненной эмоциональностью, невозможностью формирования направленных привязанностей⁵⁰;

— дегуманизация сексуальных отношений;

— распространение венерических заболеваний и СПИДа;

— широкое распространение детской проституции;

— распространение в значительных масштабах торговли женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации (“сексуального рабства”);

— распространение гомосексуализма и гомосексуальной культуры. В настоящее время, по данным Министерства здравоохранения КНР, в стране насчитывается от 5 до 12,5 млн мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации⁵¹. Получает распространение и гомосексуальная проституция, причем с вовлечением гетеросексуальных юношей⁵²;

— активное использование новейших технологий для удовлетворения сексуальных потребностей при отсутствии сексуального партнера (виртуальный секс);

— развитие вспомогательных репродуктивных технологий, включая клеточное клонирование, торговлю биологическими материалами;

— рост преступлений на сексуальной почве, в том числе изнасилований.

Некоторые из негативных последствий очевидны в китайском обществе уже сегодня⁵³, другие проявятся в недалеком будущем и создадут новые угрозы для социальной стабильности общества и условия для прогивостояния полов.

Значительное превышение мужского населения над женским, невозможность создания семьи для миллионов мужчин брачного возраста чревата очень серьезными последствиями как для Китая, так и для соседних государств (в Индии⁵⁴, в Корее⁵⁵ также имеет место дисбаланс полов, порождающий аналогичные проблемы на региональном уровне).

Проблема легализации секс-бизнеса в КНР, с нашей точки зрения, требует *чрезвычайно осторожного и взвешенного подхода* в условиях огромного населения, экономики переходного периода, уникальных способностей секс-бизнеса к мимикрии. Некоторым экспертам кажется, что легализация проституции в интересах и государства и общества, поскольку она якобы обеспечивает медико-санитарный контроль за распространением венерических заболеваний (но! медицинским обследованиям подвергаются исключительно женщины, занятые в секс-бизнесе, их клиенты же продолжают оставаться потенциальными носителями венерических заболеваний и СПИДа), якобы избавляет женщин от эксплуатации сутенеров (далеко не всех, поскольку не все захотят платить налоги государству), создает государству дополнительный источник налоговых поступлений (но, таким образом государство автоматически стано-

вится заинтересованной стороной в развитии и процветании секс-индустрии, оно получает дивиденды от работы женщин, оказывающих сексуальные услуги, являясь по сути мегасутенером). В случае легализации секс-бизнеса необходимость в функционировании дорогостоящей системы контроля за этой сферой не исчезает, что не снимает проблемы злоупотреблений⁶⁶.

С нашей точки зрения, легализация сектора сексуальных услуг в КНР на современном этапе не даст значительных позитивных результатов в связи многообразием и разнородностью этой сферы (от высокооплачиваемых содержанок до "общественных" жен мигрантов), практической сложностью унификации сексуальных услуг и их лицензирования, выделения особых кварталов красных фонарей (как это сделано в Нидерландах или Германии), слабостью законодательной базы (неразработанность или расплывчатость многих понятий, связанных с сексуальными отношениями, сексуальными преступлениями, частной жизнью), высокой стоимостью осуществления контроля за исполнением законов, наличием организованной преступности.

Особенностью китайского опыта борьбы с проституцией, бесспорно, можно назвать практику наказания как женщин, оказывающих сексуальные услуги, так и мужчин-клиентов. Этот опыт в определенном смысле уникален и требует особого изучения, поскольку в других странах такой вариант предлагается в качестве альтернативы легализации коммерческого секса.

1. An Analysis of 260 Prostitutes and Prostitute Clients. P. 38-40.
2. Портякова Н. Любовь в большом городе остается несбыточной мечтой для китайских рабочих мигрантов // ИТАР-ТАСС 08.04.2004.
3. Кон И.С. Вкус запретного плода // <http://www.neuro.net.ru/sexology/chapt426.html>
4. McEwen A. Girlfriends for Hire as Capitalism Takes its Toll on Chinese Family values // <http://www.sundaysherald.com/47060>
5. An Analysis of 260 Prostitutes and Prostitute Clients. P. 40.
6. McEwen A. Girlfriends for hire as capitalism takes its toll on Chinese family values // <http://www.sundaysherald.com/47060>
7. Zhang Yanshang. A Series of Psychological Profiles of Prostitute Clients // Chinese Sociology and Anthropology. 1997. Vol. 30. N 1. P. 77-89; Ouyang Tao. Prostitution Offenses in Contemporary China // Chinese Sociology and Anthropology. 1997. Vol. 30. N 1. P. 52.
8. An Analysis of 260 Prostitutes and Prostitute Clients. P. 38.
9. Он является директором Института изучения сексуальности и гендерных проблем.
10. Bezlova A. Heavy Hand Hinders China's Anti-AIDS Drive // <http://www.atimes.com, atimes/printN.html>
11. Бесправный живой товар // <http://www.sexgid.ru/news.jsp?id=450>
12. Классификация предложена Пань Суймином, на основе проведенных им исследований.
13. Петтинг (англо-амер. petting от pet обниматься, целоваться, предаваться ласкам), взаимные любовные ласки без полового акта.
14. Qian Changfu. The Nature and Handling of Group Participation in Prostitution Behavior // Chinese Sociology and Anthropology. 1997. Vol. 30. N 1. P. 61-64.
15. Pan Suiming. Red Light District // <http://unchina.org/unaid5right/html>; Bezlova A. In China, oldest profession gets new name, new ban // <http://www.asiatimes.com/chinaAH3/Ad01.html>
16. Pan Suiming. Red Light District // <http://unchina.org/unaid5right/html>
17. Там же.
18. Там же.
19. Pan Suiming. Sexuality, Marriage, Family and AIDS Epidemic // <http://ncaids.www.50megs.com/publications/vorkengpt3.html>
20. Ouyang Tao. Prostitution Offenses in Contemporary China // Chinese Sociology and Anthropology. 1997. Vol. 30. N 1. P. 52.

21. Ouyang Tao. Prostitution Offenses in Contemporary China. P. 55.
22. АПК КНР был принят 7 апреля 1989 г. (введен в действие 1 октября 1990 г.) в отсутствие административного кодекса. См: Гудошников Л.М. Восстановление и развитие законодательства КНР в процессе реформ // http://nadzor.pk.ru/analit/show_atr.php?id=629
23. Ouyang Tao. Prostitution Offenses in Contemporary China // Chinese Sociology and Anthropology. 1997. Vol. 30. N 1. P. 56.
24. Wang Dazhong. Some Problems Concerning the Sending of Prostitution Offenders to Education Trough Labor and Compelling Them to Undergo Joint Detention and Education // Chinese Sociology and Anthropology. 1997. Vol. 30. N 1. P. 57-60.
25. <http://www.explan.ru/archive/2002/31/monitor.htm>
26. Fangfu Ruan. Sex in China: Studies in Sexology in Chinese Culture. N.Y. 1991; Gil V. Plum Blossoms and Peasants: Prostitutes, Prostitution and Social Control Measures in Contemporary China // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. Medical College of Wisconsin, 1994. vol. 38. N 4. P. 319-337.
27. United Press International. Jan. 4, 2003.
28. <http://www.aids.ru/news/2004/04/25.htm>
29. China Runs First Officially Bacred Condom Ads on TV // Reuters, 27.11.2003
30. Bezlova A. Heavy Hand Hinders China's Anti-AIDS Drive // <http://www.atimes.com/atimes/printN.html>
31. Washington Post. August 20, 2004.
32. ИТАР-ТАСС. 01.04.2005.
33. Pan Suiming. Red Light District // <http://china.polpred.com/2002/88.htm>
34. Легализация означает юридическое признание проституции как законного вида деятельности, регулируемого и охраняемого законом, с обязательной выдачей лицензий и уплатой налогов // Кон И.С. Вкус запретного плода. // <http://www.neuro.net.ru/sexology/chapt426.html>
35. Под декриминализацией имеется в виду, что проституция не запрещается и не карается, но и не признается законом, оставаясь своего рода неформальной деятельностью // Кон И.С. Вкус запретного плода. // <http://www.neuro.net.ru/sexology/chapt426.html>
36. Activists:Prostitution Should be legal // <http://demography.narod.ru/opinions/lepro.html>; Women Groups Condemn Ho's Sex Trade Call // <http://ww/china/org/cn/English/China/80572.htm>
37. <http://unchina.org/unaid/enews5right/html>
38. Ye Lu. Summary of Symposium on "Sexuality and Gender in the Social Transformation of China" // Social Sciences in China. Summer 2004. Vol. XXV. N 2. P. 91.
39. South China Morning Post. 15 Dec., 2003.
40. Quyang Siping. Should prostitution be decriminalized? // <http://www.sinofile.net>
41. По всей видимости, третичный сектор экономики (теневой вариант), согласно в экономической теории, к нему относятся — услуги транспортных, финансовых, страховых компаний и лиц свободных профессий.
42. Гизе К. Мобильность и миграция в Китае // Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ. М. Инф. мат-лы ИДВ РАН. Сер. Д. Вып. 3-4. 2003. С. 118-119.
43. Ваганов А. Сексуальность в эпоху Интернета и биотехнологий // Независимая газета. 9 февраля 2005.
44. Рыночный сценарий был распространен в Китае среди средних слоев населения и элиты до революции 1949 г. Существовал он и в КНР до 80-х годов XX в., но в гораздо меньших масштабах, поскольку основную роль в выборе брачного партнера играли не материальные, а идеологические мотивы.
45. South China Morning Post. August 4, 1994; China Bans Public-Funded Police Entertainment // Rueters News March 15, 1995.
46. Сексуальные отношения между полами и культурные нормы, их регулирующие.
47. Гендер (английское gender, от лат. gens — род)- социальный пол, социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин.
48. По данным директора Института демографических исследований при Народном университете Китая Чжай Чжэнью разрыв между численностью мужчин и женщин

- ежегодно увеличивается более, чем на миллион // South China Morning Post. September 8, 2004.
49. Для данного типа характерны цинизм, "низкие" потребности, эгоизм, асоциальность, потребительское отношение к жизни и к людям.
  50. <http://med-stud.narod.ru/natur/psychiatry/asd.htm>
  51. Male Homosexuals in China Estimated up to 12.5m // http://english.people.com.cn/200412/10/eng20041210_166876.html;
  52. China Court Hears Homosexual Prostitution Case // http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-02/08/content_304163.htm
  53. Согласно пятой Всекитайской переписи населения Китая (2000г.), соотношение численности полов новорожденных оставляло 120 мальчиков на 100 девочек (норма 106:100). Центральное правительство Китая поставило цель в ближайшие три-пять лет добиться нормализации данного показателя. По мнению Чжан Вэйцина, председателя Госкомитета по демографической политике и плановому деторождению, изменение концепции брака и традиционного пренебрежительного отношения к женщине является сложной задачей, решение которой требует длительного периода времени. // <http://russian.people.com.cn/31516/2703451.html>
  54. Половой дисбаланс в Индии — на 1000 рожденных мальчиков приходится только 927 девочек — вызывает беспокойство официальных властей/ <http://www.myjane.ru/news/text/?id=244>
  55. Ланьков А. Мальчик или девочка? // <http://lankov.oriental.ru/203.shtml>
  56. С нашей точки зрения, еще рано говорить об исключительно позитивных результатах либерализации проституции в странах Европы и Австралии, слишком мало прошло времени. Хотя бесспорно, определенные положительные моменты в деле защиты прав женщин, оказывающих платные сексуальные услуги налицо. Необходимы серьезные сравнительные исследования изменения ситуации в сфере сексуальных услуг, перспектив и последствий ее развития в различных странах.

Урянхайский край (Тува): от объекта внешней политики — к статусу субъекта международного права (1917-1921 гг.)

© 2005

Н. Моллеров

Крушение системы договоров царской России с Японией, Китаем и Монголией и его последствия для Тувы

Внешняя политика советского государства с самого начала его существования характеризовалась рядом утопических и противоречивых установок, которые были связаны с идеей мировой революции. В контексте направленных на ее реализацию задач "важное место отводилось подрыву и разрушению колониальной периферии ("тыла") империализма с помощью национально-освободительных революций"¹. Китай, Монголия и Тува представляли собой в этом плане широкое поле деятельности для большевиков.

С идеей мировой революции было связано и краеугольное положение большевистского внешнеполитического курса — принцип самоопределения народов "вплоть до отделения" и образования самостоятельного государства. Так например, в декрете о мире говорилось о недопустимости аннексии слабых государств сильными, и действии этого принципа без ограничений "независимо... от того, в Европе или в далеких заокеанских странах... нация живет"². Представляя собой одновременно "акт внешней политики" и "манифест революционной агитации", декрет выражал особое понимание мироустройства и проповедовал такие действия, когда с национально-государственными границами в ходе политической классовой борьбы можно было вполне осознанно не считаться³. Декларирование такого подхода в государственно-дипломатических актах стало одной из причин противоречивости советской "восточной" политики.

Нельзя сказать, что первые шаги НКВД РСФСР в отношении стран Дальнего Востока и Центральной Азии отличались логичностью и продуманностью. В первую очередь это касается опрометчивого заявления об отмене договоров царского правительства.

Китай и Япония придерживались прежних договоров, а затем начали их игнорировать. В 1918 г. они договорились об участии Китая в военной ин-

---

Моллеров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, заместитель директора Тувинского института гуманитарных исследований.

тервенции против Советской России. В соответствии с заключенными соглашениями, как отмечали советские историки, "китайские милитаристы обязались ввести свои войска в автономную Внешнюю Монголию и, опираясь на нее, начать наступление по направлению к озеру Байкал, чтобы отрезать Дальний Восток от Советской России"⁴. В сентябре 1918 г. в Ургу из Калгана (Китай) вступил отряд чахар (одного из монгольских племен Внутренней Монголии, преданных Пекину) в 500 человек. Консул царского правительства в Уфе А.А. Орлов по этому поводу писал: "Я в свое время протестовал перед китайским сановником против ввода войск как нарушения Тройственного соглашения. То же сделало и монгольское правительство по моему совету"⁵.

Не помогла и дипломатическая поддержка представителей Англии и Франции при колчаковском правительстве, и заявление бывшего царского министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Париже в адрес французского, английского, американского и японского правительств, в котором говорилось: "В последнее время определенно выяснилось стремление Китая к игнорированию и нарушению некоторых договоров с Россией. Проявлением этой политики является, например, односторонняя денонсация... соглашения и введение в автономную Монголию войск сверх количества, указанного Тройственным соглашением 1915 г."⁶.

Для монголов в то время большое значение имел лозунг "собираания" монгольских племен и территорий в одно государство. Возникнув в 1911 г. как национальное движение, панмонголизм с тех пор последовательно и настойчиво ставил своей целью присоединение Тувы к Монголии. Объявленный царским правительством протекторат над Тувой непреодолимым препятствием для этого монголы никогда не считали. Теперь же, после отказа Советской России от прежних договоров и вовсе действовали открыто. Командиры монгольского отряда после ухода из Тувы партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Шетинкина в начале сентября 1919 г. установили здесь военно-оккупационный режим. Они притесняли и облагали поборами русское и тувинское население, закрывали глаза на погромы русских населенных пунктов местным бандитствующим элементом. Вопиющим нарушением норм международного права было выдвигание монгольским командованием жесткого требования о депортации русского населения с левобережья Енисея на правый берег в течение 45 дней. Только ценой унижений и обещаний принять монгольское подданство выборным (делегатам) от населения русских поселков удалось добиться отсрочки исполнения этого приказа.

Между тем, попытки подрыва системы договоров царской России с другими государствами на Дальнем Востоке продолжались. 25 февраля — 5 марта 1919 г. в занятой Г.М. Семеновым Чите прошел панмонгольский съезд, который принял решение о создании федеративного государства "Великая Монголия" в составе Внутренней и Внешней Монголии, Барги и Бурятии. При этом Тува не упоминалась, но подразумевалась. Но глава Внешней Монголии Богдо-геген, опасаясь покушения на его права монарха, а также находясь под влиянием русского консула, от участия в работе съезда отказался. Это повлияло на позицию Барги. Отрицательно отнеслись к японской затее колчаковское правительство, белоэмигранты на Западе, Англия, Франция и особенно Китай, расценивший ее как посягательство на его государственную целостность. Сложилась политическая обстановка, которая помешала Японии разрушить русско-японское соглашение 1907 г. Решения съезда остались нереализованными.

Советское правительство в своих заявлениях этого периода продолжало декларировать свой отказ от прежней системы договоров. В июне 1919 г. было

направлено обращение к правительству автономной Монголии и монгольскому народу, в котором подчеркивалось, что "в отмену соглашения 1913 г. Монголия, как независимая страна, имеет право непосредственно сноситься со всем другими народами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда". При этом совершенно не принималось во внимание то, что, лишившись в лице русского государства покровителя, Монголия, а затем и Тува уже стали объектами для вмешательства со стороны Китая и стоявшей за ним Японии, что сама Монголия возобновила попытки присоединить к себе Туву.

25 июля 1919 г. СНК РСФСР обратился к правительствам Северного и Южного Китая с декларацией, в которой выражалась готовность договориться о прекращении действия всех неравноправных договоров и актов царского правительства в отношении Китая, отказаться от всех завоеваний царского правительства и всех факторий русских купцов на китайской земле⁸. Как далеко советское правительство могло пойти в своем намерении — не конкретизировалось, однако Тува, как бывшая колония Цинского Китая, а затем российский протекторат, вследствие реализации декларации неизбежно стала бы объектом, за чей счет могло осуществиться "восстановление исторической справедливости". Но пекинское правительство эту декларацию проигнорировало и предпочло односторонние действия. Только кантонское правительство Сунь Ятсена сообщило о том, что инициатива Москвы встречена с пониманием и благодарностью⁹.

После упразднения автономии Внешней Монголии монгольский отряд в Туве перешел в подчинение китайского комиссара. Вскоре после этого была предпринята попытка захватить расположенное в пределах Советской России приграничное с. Усинское. На территории Тувы недалеко от этого района были уничтожены пос. Гагуль (по-тувински: Каа-Холь) и ряд заимок в верховьях р. Уюк. Проживавшее там русское и хакасское население в большинстве своем было вырезано. В оккупированном китайским отрядом Улуг-Хемском районе были стерты с лица земли все поселения проживающих там хакасов.

В 1918-1919 гг. внимание советского правительства было сконцентрировано прежде всего на тех регионах Сибири и Дальнего Востока, где решалась судьба гражданской войны. Тува к ним не принадлежала. Можно согласиться с мнением о том, что "центральные власти, видевшие в Туве лишь царскую колонию, не уделяли ей достаточного внимания, но местные представители Советской власти не допустили ухода региона из-под контроля"¹⁰. Все же, на наш взгляд, их влияние на события в Туве было в то время очень слабым. Советская власть Енисейской губернии, как и царская в период протектората, продолжала формально числить Туву в своем ведении, не распространяя фактически на нее свои действия.

Таким образом, отказ Советской России от заключенных царским правительством договоров с другими государствами Дальнего Востока, оставлял Внешнюю Монголию беззащитной перед угрозой агрессии со стороны Китая, открывал для него и панмонголистов дорогу в Урянхайский край (Туву). Акт Николая II об объявлении над Тувой русского протектората утратил свою силу. Никогда не признававшие его Китай и Монголия сочли введение своих военных отрядов в Туву вполне правомерным действием. Совершая эту акцию, они держали в уме отказ советской стороны от прежних договоров, но не учитывали позицию тувинской правящей элиты и тем более всего тувинского народа.

Активизация “восточной” политики советского государства на тувинском направлении

В начале 1920 г. советское правительство после долгого перерыва вновь обратило внимание на острую обстановку в Урянхае. В мае 1920 г. состоялись переговоры Ян Шичао и командира монгольского отряда Чамзы бээзи с советским представителем А.И. Кашниковым, в результате которых Тува признавалась нейтральной зоной, а в русских поселках края допускалась организация ревкомов. Но достигнутые договоренности на уровне правительств Китая и Советской России закреплены не были, так и оставшись на бумаге.

В июле 1920 г. прояпонскую группировку милитаристов Аньфу в Пекине сменила новая власть, которая вскоре уведомила Токио о денонсации японско-китайского военного соглашения о борьбе с Россией¹¹. В конце июля 1920 г., в связи с поражением аньфуистов в Китае и усилением освободительного движения в Монголии, монгольский отряд оставил Туву. Но его уход свидетельствовал не об отказе от присоединения Тувы, а о смене способов достижения этой цели. Монгольская сторона, как и раньше, стремилась к объединению всех монгольских племен, необоснованно причисляя к ним и тувинцев. На самом же деле тувинцы составляют отдельную тюркоязычную народность, этнически и по языку более близкую к алтайцам, хакасам, киргизам и казахам, чем к монголам¹². Но разными правительствами Монголии, советским руководством и Коминтерном это обстоятельство долгое время не замечалось и не учитывалось.

17 августа 1920 г. глава делегации монгольских революционеров С. Данзан во время переговоров в Иркутске с руководителем секции восточных народов (он же — уполномоченный по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке) Ф.И. Гапоном интересовался позицией Советской России по “урянхайскому вопросу”¹³. Со своей стороны, монгольская делегация заявила, что “Урянхайский край принадлежит Внешней Монголии, ...был аннексирован царской Россией, и надо расторгнуть эту аннексию”¹⁴. Не обладая полномочиями для решения вопросов такого уровня, Ф.И. Гапон ответил, что его обсуждение с ним носит только предварительный характер. В Москве в беседах с главой НКВД Г.В. Чичериным этот вопрос ставился вновь. Учитывая, что будущее самой Монголии, ввиду позиции Китая, еще не ясно, он обдумывал иную формулу отношений сторон к “урянхайскому вопросу”, позволявшую минимизировать негативные последствия успешного для китайцев решения вопроса о подчинении Внешней Монголии¹⁵.

Коминтерн в своей политической “программе максимум” на Востоке предусматривал создание советских республик и их политический союз с РСФСР¹⁶. Однако в ней не предreshался вопрос, где и когда такие “республики” создавать, объединять ли в рамках одного государства два или несколько народов, или каждый народ будет иметь свое государство. Конкретные вопросы должны были решаться, исходя из перспектив создания единого антиимпериалистического фронта и развития мировой революции¹⁷. Китай рассматривался Коминтерном в качестве важнейшей зоны распространения мировой революции. Поэтому часть коминтерновских деятелей (Дальневосточный секретариат Коминтерна (ДВСКИ) — в том числе) была за революционное влияние МНРП на Внутреннюю Монголию и Баргу, а через них — на революционное движение в Китае. Для достижения этой цели объединение всех монгольских племен (к которым, без учета их тюркского происхождения, относились и тувинцы) признавалось целесообразным¹⁸. Другая часть руководства

Коминтерна уже тогда считала, что панмонголизм создавал внутреннюю угрозу революционному единству в Китае¹⁹. Последняя точка зрения еще не возобладала, но с течением времени приобретала все больше сторонников.

Вопросами текущей политики по отношению к Туве помимо ДВСКИ занимались другие сибирские органы власти. Характеризуя компетенцию Сиббюро ЦК РКП (б) и Сибревкома в восточной политике, заместитель уполномоченного НКВД в Сибири и на Дальнем Востоке Ф.И. Гапон отмечал: "Взаимосплетение интересов Востока, с одной стороны, и Советской России, с другой, так сложно, что на тонкость, умелость революционной работы должно быть обращено особое внимание. Солидной постановке этого дела партийными центрами Сибири не только не уделяется внимания, но в практической плоскости этот вопрос вообще не ставится"²⁰.

Справедливость этого высказывания находит подтверждение в практической деятельности Сиббюро ЦК РКП (б) и Сибревкома, позиция которых по вопросу о Туве претерпевала заметные колебания. Это хорошо видно по их отношению к русской колонии в Туве. Сначала ее революционная роль оценивалась высоко, рассматривалась возможность распространить ее политическое влияние на Монголию и даже Китай. Затем, когда на первое место вышла подготовка условий для присоединения Тувы к Монголии, русская колония, в связи с ее стремлением быть частью Советской России, стала рассматриваться как препятствие в решении этой задачи.

Ян Шичао, исходя из политики непризнания Китайской республикой Советской России и пытаясь упрочить свое шаткое положение в Туве, стал добиваться от русских колонистов замены поселковых советов одним выборным лицом с функциями сельского старосты. Вокруг китайского штаба концентрировались антисоветские силы: "белые" и часть тувинских нойонов-китаефилов. Раньше царская Россия была соперницей Китая в Туве, но китайский комиссар в своем отношении к белогвардейцам руководствовался принципом "меньшего зла" и намерением ослабить здесь "красных", как наиболее опасного соперника.

Сиббюро ЦК РКП (б) рассматривало Туву в качестве предмета дипломатического торга с Китаем. Оно считало, что у советской дипломатии в переговорах с Пекином "имеются кое-какие дипломатические козыри", чтобы выдержать твердую линию. "Богатейший Урянхайский край, аннексированный самым бесцеремонным образом [царским] правительством у автономной Внешней Монголии, — говорилось в документе "Об условиях, постановке и задачах революционной работы на Дальнем Востоке" от 16 сентября 1920 г., — явится в ближайшем будущем довольно серьезной основой для дипломатической торговли с Китаем и объектом привлечения симпатии монгольских революционеров и патриотов к Советской России. И поэтому, пока край не занят китайскими войсками (видимо, отряд Ян Шичао серьезно не воспринимался. — Н.М.), ...должны быть приняты немедленно же меры по установлению тесного контакта с урянхами и изоляции их от китайцев"²¹. Далее говорилось о том, что "край будет присоединен к Монголии", в которой "урянхайцам должна быть предоставлена полная свобода самоуправления". Кроме того, "должны быть немедленно убраны русские административные учреждения по управлению краем"²².

Следует также заметить, что в этом документе мнение тувинцев по вопросу о вхождении в состав Монголии совершенно не учитывалось. Намерение упразднить в Туве русскую краевую власть (царскую или колчаковскую) запоздало, поскольку ее там давно уже не было. Организованные советские органы власти свою юрисдикцию на тувинское население не распространяли.

18 сентября 1920 г. Ян Шичао на первое письмо И.Г. Сафьянова ответил, что его назначением доволен, и принес свои извинения, в связи с тем, что вынужден отказаться от переговоров по делам Урянхая, как подлежащим исключительно ведению правительства²³. На это И.Г. Сафьянов в письме от 23 сентября 1921 г пояснил, что переговоры межгосударственного уровня не предлагает. Он убеждал китайского комиссара: "...Кроме таких переговоров нам надо поговорить по многим вопросам чисто местного характера, и Вы, как агент Китайского правительства в Урянхае, не можете отказаться от этого... Являясь представителем РСФСР, гражданами которой пожелало быть и все русское население в Урянхае, я должен встать на защиту его интересов...". Далее он сообщал, что, с целью наладить "добрососедские отношения с Урянхами", решил пригласить их представителей на съезд "и вместе с ними обсудить все вопросы, касающиеся обеих народностей в их совместной жизни". Он предложил Ян Шичао принять участие в переговорах и уведомил его, что о месте и времени предполагаемого съезда сообщит позднее²⁴.

Одновременно И.Г. Сафьянов отправил еще два официальных письма. В письме тувинскому нойону Даа кожууна Буяну-Бадыргы он сообщил, что направлен в Туву в качестве представителя РСФСР "для защиты интересов русского населения Урянхая" и для переговоров с ним и другими представителями тувинского народа "о дальнейшей совместной жизни". Он уведомил нойона, что "для выяснения создавшегося положения", провел съезд русского населения, а теперь предлагал созвать тувинский съезд²⁵.

28 сентября 1920 г. Енгубревком РКП (б) на своем заседании заслушал доклад о ситуации в Туве. В принятой по нему резолюции говорилось: "Отношение к Сафьянову со стороны сойотов (т.е. тувинцев. — *Н.М.*) очень хорошее. Линия поведения, намеченная Сафьяновым следующая: организовать, объединить местные Ревкомы, создать руководящий орган "Краевую власть" по образцу буферного государства. Для проведения поставленной задачи организации власти среди русского населения в Урянхае необходимо усилить внимание Красноярска к Урянхайским делам, дать в распоряжение Сафьянова кадры лиц (так в тексте. — *Н.М.*), с которыми он мог бы проводить намеченную работу"²⁶. В принятом на заседании президиума Енисейского губкома РКП (б) 28 сентября 1920 г. протоколе также отмечалось: "Отношения между урянхами и монголами — с одной стороны, китайцами — с другой, неприязненные и, опираясь на эти неприязненные отношения, можно было бы путем организации русского населения вокруг идеи Сов[етской]* власти вышибить влияние китайское из Урянхайского края"²⁷.

Тем временем позиции большевиков на Дальнем Востоке усиливались. Осенью 1920 г. дипломатическая миссия Дальневосточной республики (ДВР) вступила в переговоры с пекинским правительством, результатом которых стал отказ Китая от признания прав дипломатов царского правительства²⁸. Посланник в Пекине направил в Ургу телеграмму о закрытии с 1 октября 1920 г. консульства из-за отсутствия средств. В конце октября 1920 г. Монголию покинули царские дипломатические представители²⁹, которые, все более затруднялись в поддержании "кяхтинской системы" и на решение "урянхайского вопроса" практически не влияли. Инициатива на этом направлении внешнеполитической деятельности российского государства полностью перешла к советской дипломатии. Кроме того, пребывавшие на территории стран дальнево-

* В квадратных скобках даны пропущенные слова и буквы, в треугольных — неупотребляемые слова и выражения заменены понятными.

сточного региона и Центральной Азии, включая Туву, осколки белогвардейских отрядов утратили последние основания легитимности.

В телеграфном ответе на письмо И.Г. Сафьянова председатель Сиббюро ЦК РКП (б) и Сибревкома И.Н. Смирнов 2 октября 1920 г. сообщил, что "Сиббюро имело суждение об Урянхайском крае" и вынесло решение: "Советская Россия не намерена и не делает никаких шагов к обязательному присоединению к себе Урянхайского края". Но так как он граничит с Монголией, то, с учетом созданных в русской колонии советов, "может и должен служить проводником освободительных идей в Монголии и Китае". В связи с этим, сообщал И.Н. Смирнов, декреты Советской России здесь не должны иметь обязательной силы, хотя организация власти по типу советов, "как агитация действием", желательна. В практической работе он предписывал пока "ограничиться" двумя направлениями: культурно-просветительным и торговым³⁰.

Как видно из ответа, Сиббюро ЦК РКП (б) настраивало сторонников советской власти в Туве на кропотливую революционную культурно-просветительную работу. Учитывая заграничное положение Тувы (пока с неясным статусом) и задачи колонистов по ведению революционной агитации в отношении к Монголии и Китаю, от санкционирования решений краевого съезда оно уклонилось. Напротив, русской колонии, чтобы отвести обвинения Советской России со стороны других государств в продолжении колониальной политики, было предложено не считать декреты советской власти для себя обязательными. В этом прослеживается влияние популярной в то время "буферной" политики. О том, как держаться в отношении китайского военного отряда в Туве, Сиббюро ЦК РКП (б) инструкций не давало, видимо, полагаясь на осведомленность И.Г. Сафьянова по линии НКВД РСФСР.

5 октября 1920 г. И.Г. Сафьянов уведомил Ян Шичао, что урянхайский съезд созывается 25 октября 1920 г. в местности Суг-Бажи, но из полученного ответа убедился, что китайский комиссар по-прежнему избегает встречи. Между тем, начатая И.Г. Сафьяновым переписка с тувинскими нойонами не могла не вызвать беспокойства китайского комиссара. Он, в свою очередь, принял меры для поддержания своего влияния на тувинских правителей и созыв намеченного тувинского съезда сорвал.

Таким образом, на фоне начавшегося укрепления позиций советского государства на Дальнем Востоке и в Центральной Азии происходило обострение "урянхайского вопроса". Китайский комиссар Ян Шичао, пытаясь удержаться в Туве, все более склонялся к союзу с белогвардейскими военными командирами, прибегал к военной мобилизации аратов, ужесточал свои требования в отношении русского населения. Монголия на дипломатическом советско-монгольском уровне поставила вопрос о присоединении Тувы. НКВД РСФСР обдумывал свою линию по данному вопросу, в Коминтерне по нему не было единства, а общесибирские партийные и советские органы в своих решениях по Туве, как правило, исходили из предполагаемой перспективы ее объединения с Монголией. Практические шаги И.Г. Сафьянова, представлявшего в Туве Сибревком, были направлены на урегулирование отношений с представителем Китая, урянхайскими влиятельными лицами и советскими активистами. В вопросе о дальнейшей судьбе и статусе Тувы только Монголия имела твердую позицию. Договор 1918 г. о самоопределении тувинского народа был забыт и в расчет не принимался.

Советско-китайский инцидент на Оттук-Даше и ввод в Туву советских войск

Справедливо мнение о том, что “в Урянхайском крае китайские войска более, чем где-либо, оказались втянуты в военные события между двумя российскими группировками”³¹. Концентрация антисоветских сил вокруг китайского штаба все более усиливалась. В конце октября 1920 г. “союзный” китайцам отряд корнета Шмакова, заняв крупный населенный пункт на северо-востоке края Туран, перерезал дорогу, соединяющую Туву с Усинским краем. Водный путь вниз по Енисею на плотках в направлении на Минусинск хорошо простреливался с берега. Местные партизаны и сотрудники советского представительства оказались в окружении. Ситуация для них становилась все более напряженной³².

28 октября 1920 г. И.Г. Сафьянов решил в сопровождении охраны выехать в местность Оттук-Даш, куда из района Шагаан-Арыга выдвинулся китайский отряд под командованием Линчана и должен был прибыть, как ожидалось, китайский комиссар. За день до выезда 27 октября 1920 г. И.Г. Сафьянов телеграфировал в с. Усинское, где стоял отряд пограничной охраны: “Для переговоров [с] Ян Шичао завтра выезжаю вместе [с] отрядом охраны на Оттукташ (правильно: Оттук-Даш. — Н.М.). ...Если и сейчас не удастся уладить все мирно, столкновение с китайцами неизбежно

В тот же день делегация И.Г. Сафьянова и ее охрана прибыли на место переговоров. Но они не состоялись. Этот и следующий день китайское командование использовало для подготовки провокации. На рассвете 30 октября 1920 г. китайские солдаты и мобилизованные тувинцы окружили советскую делегацию И.Г. Сафьянова. Против 75 красноармейцев выступил многочисленный и прекрасно вооруженный отряд. В течение целого дня шла перестрелка. Лишь с наступлением темноты окруженным удалось прорвать кольцо и отступить в Атамановку. В этом бою охрана И.Г. Сафьянова потеряла несколько человек убитыми, а китайско-тувинский отряд понес серьезные потери (до 300 человек убитыми и ранеными) и отступил на место прежней дислокации в районе пос. Шагаан-Арыг. Попытка Ян Шичао и его окружения обеспечить себе в Туве безраздельное господство провалилась³³.

Инцидент на Оттук-Даше стал поворотным пунктом в политической жизни Тувы. Ситуация начала коренным образом меняться в сторону роста советского влияния. Неудача китайцев на Оттук-Даше окончательно подорвала их авторитет среди коренного населения и лишила поддержки немногих сторонников из числа нойонов. Непозволительное в международной практике нападение на дипломатического представителя (в данном случае — РСФСР), допущенное китайской стороной, а также исходящая из китайского стана угроза уничтожения населенных пунктов русской колонии дали Советской России законный повод для ввода на территорию Тувы военных частей.

5 ноября 1920 г. на заседании Политбюро РКП (б) рассматривался вопрос “О посылке экспедиции в Монголию и Урянхай” (протокол № 56, вопрос 12)³⁴. Принятое на нем решение серьезного влияния на ситуацию в Туве не оказывало, и через десять дней, с получением новой информации, пришлось возвращаться к рассмотренному вопросу снова. Дело в том, что 13 ноября 1920 г. И.Г. Сафьянов направил в Омск (Сиббюро, Сибревком) телеграмму: “Белые банды, выгоняемые из северной Монголии зимними холодами и голодом, намереваются захватить Урянхай. Шайки местных белобандитов, скрывающиеся в тайге, узнав это, вышли и грабят поселки, захватывают советских работников, терроризируют население.

Всякая мирная работа парализована ими. ...Теперь положение еще более ухудшилось, русскому населению Урянхая, сочувствующему советской власти, грозит полное истребление. Требую от вас немедленной помощи. Необходимо сейчас же ввести в Урянхай регулярные отряды. Стоящие в Усинском войска боятся нарушения международных прав. Ничего они уже не нарушат. С другой стороны совершенно нападение на вашего представителя..."³⁵.

В тот же день И.Н. Смирнов продиктовал по прямому проводу сообщение для В.И. Ленина (копия Г.В. Чичерину), где отметил наличие в Туве 12 тысяч русских крестьян, которые признали советскую власть. Сам же Урянхай, считал И.Н. Смирнов, "фактически находится под протекторатом Китая", но служит ареной борьбы за влияние между Монголией, Китаем и Россией. Затем он отметил, что изгоняемые из Монголии белогвардейцы, пользуясь нахождением Урянхая под китайским протекторатом и не боясь ввода туда советских войск, терроризируют советских работников края. И.Н. Смирнов полагал, что эти действия могут вызвать выступления недовольных продразверсткой крестьян "прилегающих хлебных волостей Енисейской губернии". Обрисовав подобным образом ситуацию, он предложил "двинуть из Усинска... не более полка, чтобы, не присоединяя Урянхай к Совроссии", освободить его от белогвардейских отрядов, "укрепить там советскую власть", а затем "вернуться в исходное положение". И.Н. Смирнов также доложил, что дал "указания Реввоенсовету" (5-й армии. —Н.М.) и, если В.И. Ленин не будет против, готов намеренный план привести в действие³⁶.

Надо отметить, что в Туве в этот период никаких пришлых белогвардейских отрядов не было. Но и имеющихся хорошо организованных и вооруженных сил было достаточно, чтобы держать население в напряжении. Приведенные ранее И.Г. Сафьяновым аргументы с точки зрения международного права были вполне убедительными. Тем более, что упорный отказ Китая от установления дипломатических отношений, давал РСФСР право на односторонние действия. Но И.Н. Смирнов, видимо, зная, как лучше убедить В.И. Ленина, решил "развить" тезис о разгуле белого террора, прибавив о вторжении "белых" из Монголии, хотя оно только назревало, но пока не произошло, а также добавил соображения о возможном мятеже сибирских крестьян. Не соответствовала действительности и информация о протекторате Китая над Тувой. Китайский комиссар не осуществлял в Туве покровительство, а стремился восстановить былой суверенитет. Как бы то ни было, практический результат был достигнут. В начале ноября 1920 г. И.Г. Сафьянов получил через командира Енисейского пограничного полка в с. Усинское телеграмму, в которой Енисейский губисполком сообщал: "Предсибревкома Смирновым в связи с вашей телеграммой запрошен Центр и отдан приказ Реввоенсовету 5-й армии приготовиться в срочном порядке к походу в Урянхай"³⁷.

По данным И.Н. Смирнова 15 ноября 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) вновь рассматривало вопрос оказания военной помощи Туве. Решение о вводе войск было принято, но выполнялось медленно. Еще в течение месяца И.Г. Сафьянову приходилось посылать тревожные сигналы в разные советские и военные инстанции. Так, его телеграмма Сибревкому в Омск и Губисполкому в Красноярск 15 ноября 1920 г. гласит: "На все мои телеграммы вы отвечаете молчанием. Между тем положение создается здесь такое, что каждый день промедления грозит гибелью всему русскому населению Урянхая, партизанский отряд, действующий сейчас в Урянхае, не может защитить его, их скоро окружают и уничтожат. ...Требую категорического ответа: намерены ли вы защищать наших сторонников Урянхайского

края, желаете ли вы занять там руководящее положение ...или же отказываетесь от Урянхия и наших граждан в нем. Телеграфируйте ответ”³⁸.

26 ноября 1920 г. он снова телеграфировал в Сибревком И.Н. Смирнову: “Всякое промедление с вводом войск в русские поселки Урянхия считаю преступным. После всего сообщенного мною Вам нет оснований медлить, ибо положение края критическое. Белобандиты так обнаглели, что 23/ХІ-20 г. напали на Усинское, пытались обезоружить стоящий там отряд и убить меня. Эта безумная попытка не удалась им, но она лучше всяких слов показывает, в каком положении находится не только Урянхай, но и Усинский округ”³⁹.

Единственной подвижкой в вопросе о вводе войск в период ноября явилось разрешение командиру усинского пограничного отряда Романову выступить в Туву для разгрома отряда корнета Шмакова. До этого на все просьбы И.Г. Сафьянова, ввиду грозящего наказания за нарушение прав иностранного государства, он отвечал категорическим отказом. 25 ноября 1920 г. И.Г. Сафьянов сообщил в Красноярск командующему войск внутренней службы, что белые, “разбитые Романовым, бегут на юг”, и их “преследование продолжается”⁴⁰. В тот же день И.Г. Сафьянов отправил сообщение о захвате штаба отряда Шмакова: “Взяты все документы и переписка с китайским штабом... Эта вторая неудача (после Оттук-Даша. — *Н.М.*) может приостановить их намерение (начать общее выступление. — *Н.М.*) и нам надо воспользоваться этим, чтобы безболезненно занять своими частями все русские поселки Урянхия после чего уж начать наши переговоры с <тувинцами> о совместных действиях против белобандитов разных национальностей, водворяющих сейчас Урянхай”⁴¹.

В декабре 1920 г. в край был введен советский экспедиционный отряд в 300 штыков под командованием командира 92 полка Кочурова. В начале 1921 г. вошли и рассредоточились по населенным пунктам два батальона 190 полка внутренней службы. В с. Усинском “в ближайшем резерве” был расквартирован Енисейский полк⁴². И.Г. Сафьянову Реввоенсоветом 5 армии было дано право самостоятельного решения по вопросу, когда вести мирные переговоры а когда открывать военные действия⁴³.

Ввод советских войск крайне обеспокоил китайского комиссара в Туве. В первых числах декабря 1920 г. в адрес командования военной части в с. Усинском пришло письмо от тувинского чиновника Маады сумона Лопсан-Осура, в котором он сообщал: “Хотя вследствие недоразумения... вышла стычка на Оттук-Даше (на стороне китайцев были и тувинцы. — *Н.М.*), но отношения наши остались добрососедскими. После неоднократных распоряжений военкомиссара Ян Шичао командующему военным отрядом Линчану войска отозваны на старое место стоянки на Шагонаре (правильно: Шагаан-Арыге — *Н.М.*) вверх по Енисею в 60-70 верстах от границы. Если русские военные отряды не будут отведены на старые места, Ян Шичао намерен произвести дополнительную мобилизацию Урянхов, которая для нас тяжела и нежелательна”. Полученное сообщение 4 декабря 1920 г. было передано в высокие военные ведомства в г. Иркутске (Реввоенсовет 5-й армии), Омске, Чите⁴⁴, и, по-видимому, повлияло на решение о дополнительном вводе советских войск в Туву.

На запрос китайского комиссара Ян Шичао от 31 декабря 1920 г. о причине ввода в Туву советских войск И.Г. Сафьянов указал на грозящую русским колонистам и тяготеющим к Советской России тувинцам опасность “быть вырезанными”⁴⁵. В тот же день И.Г. Сафьянов отправил Ян Шичао письмо с предложением провести в Белоцарске 15 января 1921 г. переговоры о дальнейшей судьбе Тувы. Но китайский представитель, придерживаясь ранее избранной тактики, вновь уклонился от встречи⁴⁶.

На пленуме ЦК РКП (б), проходившем 4 января 1921 г. под председательством В.И. Ленина и с участием Н.Н. Крестинского, Л.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского, И.В. Сталина, Л.Б. Каменева, И.Н. Смирнова, М.И. Калинина, А.И. Рыкова, Г.В. Чичерина, Л.М. Карахана, П.М. Никифорова и некоторых других, обсуждался вопрос "Об Урянхайском крае". Принятое на нем постановление гласило: "Признавая формальные права Китайской Республики над Урянхайским краем, принять меры для борьбы с находящимися там белогвардейскими каппелевскими отрядами и оказать содействие местному крестьянскому населению..."⁴⁷.

Прибывший на место Ян Шичао новый военный комиссар Ман Шани продолжал политику союза с белогвардейцами. Вокруг его штаба, по сообщению от командования советской воинской части в с. Усинское от 1 февраля 1921 г., сгруппировалось до 160 противников советской власти⁴⁸.

Захватом Урги Р.Ф. Унгерном фон Штернбергом в феврале 1921 г., изгнанием китайцев из Монголии их отряд в Туве был поставлен в условия изоляции, шансы Китая закрепиться в крае стали ничтожно малыми. Как показали дальнейшие события, некавалифицированные с точки зрения международного права действия Ян Шичао в Туве были последней попыткой Китая удержать здесь свою власть. Именно они привели к активизации политики Советской России в отношении Тувы. Ввод воинских частей в Туву еще больше способствовал усилению здесь "советского фактора".

Тува в политической комбинации Шумяцкого — Смирнова

Повышение интереса Советской России к Туве было также связано с перемещением театра военных действий на территорию Монголии и постановкой "урянхайского вопроса", теперь уже "новыми" панмонголистами. Дело в том, что панмонголизм не только выражал внешнеполитический курс Монголии, но и был важной идейной составляющей ее революционного движения. Он даже стал одной из идейных основ программы Монгольской Народно-Революционной партии. Подобно тому, как "белые" вожди (казачий атаман Г.М. Семенов, барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг) и японские милитаристы поднимали знамя "Великой Монголии", большевики до поры до времени сочувственно относились к проектам революционных панмонголистов и даже поначалу их поддерживали.

2 марта 1921 г. Б.З. Шумяцкий и И.Н. Смирнов продиктовали по прямому проводу для Г.В. Чичерина записку, в которой, ссылаясь на принятое НКВД РСФСР осенью 1920 г. решение об оказании помощи по установлению независимости Монголии, внесли предложение включить в состав монгольского государства Туву. Они считали, что монгольской революционной партии это прибавит сил для осуществления переворота во всей Монголии, России же позволит усилить влияние на Монголию. А Тува может "в любой момент ...пойти на отделение от Монголии, если ее международное положение станет складываться не в нашу пользу"⁴⁹.

Б.З. Шумяцкий и И.Н. Смирнов предложили свой план организации объединенной Монголии: она объявлялась федеративной народной республикой; в составе монгольского правительства из 5 человек получал место "один популярный урянхаец". Проведение в жизнь этого плана, по их мнению, позволяло "силами Монголии начать борьбу с Унгерном". Официально признавать объединенную Монголию не рекомендовалось, так как это могло связать Россию "в отношении Урянхая". Обращаясь к главе НКВД РСФСР, они хотели получить от него "немедленный ответ" надо или не надо включать Туву в такую "комбинацию"⁵⁰.

Для Тувы осуществление этого плана означало следующее. Она без учета воли тувинского народа включалась в состав революционной Монголии. В случае неблагоприятной внешнеполитической ситуации при поддержке Советской России могла из ее состава выйти, но механизм выхода продуман не был. Тем самым предлагался сырой вариант страховки на случай неудачного исхода революции в Китае. Тем не менее, как показывают дальнейшие события в Туве (материалы XI съезда русского населения) и Монголии (выделение квоты для тувинского представителя в правительстве Монголии), соавторы плана получили "добро" на его реализацию.

13 марта 1921 г. в г. Троицкосавске было сформировано Временное народное правительство Монголии из семи человек, в составе которого одно место резервировалось за Урянхаем. Возглавил правительство Шагдаржав (он же Чагдаржав), но вскоре ему было дано поручение представлять революционные правительство и партию Монголии на Всетувинском учредительном хурале в августе 1921 г. и попытаться склонить тувинских делегатов к объединению с Монголией, а пост главы правительства перешел к Бодо⁴¹. План Шумяцкого-Смирнова начал осуществляться.

На проходившем 8-16 марта 1921 г. X съезде РКП (б), И.В. Сталин обрушился на главу НКВД РСФСР Г.В. Чичерина за написанные накануне съезда статьи. По его мнению, в них были допущены крупные ошибки, одна из которых заключалась в отказе "от лозунга о праве колониальных и полуколониальных народов на государственное отделение"⁴². Ситуация с Тувой могла служить наглядным подтверждением справедливости сталинских слов, однако прямое и открытое признание ее независимости без заявления о таковой самих тувинцев могло создать большие препятствия на пути урегулирования советско-китайских и советско-монгольских отношений. Критика И.В. Сталина велась с догматических и схоластических позиций, а дипломатия Г.В. Чичерина учитывала реальную внешнеполитическую обстановку.

Введенные в Туву советские регулярные части в борьбу с "белыми" и интервентами активно не вступали. С "белыми" отрядами сражались главным образом местные русские партизаны, возглавляемые С.К. Кочетовым, а с китайцами — тувинские повстанцы. Позднее один из "правых" руководителей тувинского государства Куулар Дондук вспоминал, что при Р.Ф. Унгерне фон Штернберге в Урге было созвано совещание монгольских князей, которое вынесло решение о разгроме китайского отряда в Туве⁴³. В первых числах марта 1921 г. он был разгромлен.

Зимой 1921 г. приступил к активной политической работе представитель Реввоенсовета 5 армии и Восточно-Сибирского военного округа Б.Н. Великосельцев. 22 февраля он созвал в с. Усинское съезд русского населения Тувы, на котором был избран крайревком, и назначил на 12 марта съезд тувинских кожуунных чиновников. В условиях создавшегося двоецентриа политическая работа в крае пошла вразнобой. И.Г. Сафьянов в переговорах по прямому проводу с Б.Н. Великосельцевым и в телеграмме Б.З. Шумяцкому заявил, что находит сложившееся положение "ненормальным", и попросил последнего в срочном порядке выяснить (т.е. подтвердить или отменить) его полномочия.

18 марта Б.З. Шумяцкий телеграфировал И.Г. Сафьянову: "По линии Коминтерна предлагается вам немедленно организовать урянхайскую нар[одно-]рев[олюционную] партию и народ[н]о-революционное правительство Урянхая... Примите все меры, чтобы организация правительства и нарревпартии были осуществлены в самый краткий срок и чтобы они декларировали объединение с Монголией в лице создавшегося в Маймачене Центрального

Правительства. Великосельцева сейчас отзываю для отправки в Западную Сибирь. Вы назначаетесь на его должность с полномочиями Реввоенсовета армии 5 и особыми полномочиями от Секретариата (т.е. ДВСКИ. — *Н.М.*)⁵⁴. Выданный И.Г. Сафьянову мандат политического представителя Реввоенсовета 5 армии и Восточно-Сибирского военного округа на срок с 1 апреля по 30 июня 1921 г. наделял его полномочиями на ведение переговоров “с представителями населения и властями Урянхайского края”. Он также давал ему право пользования оперативной связью (разговора по прямому проводу, внеочередной отправки шифрограмм и т.п.)⁵⁵.

21 марта 1921 г. от Б.З. Шумяцкого была получена телеграмма, где он сообщил о скором прибытии в Туву представителя монгольской народно-революционной партии и отдавал повторное указание немедленно приступить к организации в Туве “урянхайской нар[одно-]рев[олюционной] партии из числа верных урянхов и отчасти ассимилировавшихся русских колонистов, создавая консперативно внутри них наши комячейки”⁵⁶. Повторение ранее отданного указания объяснялось нежеланием И.Г. Сафьянова осуществлять предложенный Шумяцким-Смирновым план, особенно ту его часть, где говорилось о декларировании тувинским правительством объединения Тувы с Монголией.

Между тем решение “русского вопроса” в Туве показало непопулярность плана Шумяцкого-Смирнова. 23 апреля 1921 г. в Туве был проведен 11 краевой съезд русского населения, главным вопросом которого было избрание краевой власти. Выступая по этому вопросу, И.Г. Сафьянов сказал, что события на Оттук-Даше не позволили организовать в Туве съезд Советов и тувинский съезд: в результате провокации работа по их созыву была сорвана. “Все это поставило русское население в очень тяжелое положение, — отметил он. — Правительство Советской России вынуждено было ввести войска в Урянхай”⁵⁷. Кроме того, “советское правительство, считая Урянхай автономной частью Монголии, нашло необходимым прислать сюда своего представителя (т.е. его самого. — *Н.М.*), поручив ему завязать самые тесные сношения с представителями власти в крае, в общегосударственном масштабе, а также устройство нормальной жизни живущего здесь русского населения”⁵⁸. Действуя в соответствии с указаниями Сибревкома, он призвал русское население края организовать власть, которая была бы тесно связана с Советской Россией” и в тоже время, “считаясь с местными бытовыми условиями края, сделать некоторые отступления от декретов Советского правительства, как, например, разрешение свободной торговли и другое”⁵⁹. Предполагалось, что избранный на съезде исполком сам справится с задачами внутреннего и внешнего характера (прежде всего с поддержанием нормальных отношений с тувинским населением), а представительство Сибревкома “будет вести работу только в области внешней политики с Монголией”⁶⁰. Большинство представителей от поселков заявляло, что “население им поручило ни в коем случае не отделяться от Советской России”⁶¹. Но этот наказ четкого выражения в решениях съезда не получил. В принятой резолюции также указывалось, что “исполком работает при непосредственном руководстве представительства Советской России”⁶².

29 апреля 1921 г. на заседании Сиббюро ЦК РКП (б) был заслушан доклад Б.Н. Великосельцева, который рассказал о развитии советского движения в Туве⁶³. Из положительной реакции на его информацию можно заключить, что на этом этапе создание советов в Туве и статус края друг другу не противопоставлялись, как это стало делаться в дальнейшем.

21 мая 1921 г. Р.Ф. Унгерн фон Штернберг издал приказ русским расееванным в Сибири белым отрядам, об их переходе в подчинение командованию

его войск по направлениям. На урянхайском направлении действовал отряд генерала И.Г. Казанцева⁶⁴, но действовал крайне неудачно. Весной 1921 г. он был по частям разгромлен и рассеян⁶⁵. Военные действия в Туве прекратились, но не исключена была возможность вторжения в Туву с юга других осколков белогвардейцев. Поэтому был создан сводный русско-тувинский военный отряд численностью до 500 человек, который с целью демонстрации силы проехал вдоль границы. После нескольких лет вооруженной борьбы наступила мирная передышка, которая позволила И.Г. Сафьянову и его сторонникам активизировать работу по подготовке к съезду девяти тувинских кожуунов (районов).

22 мая 1921 г. И.Г. Сафьянов распространил "Воззвание [ко] всем урянхайским нойонам, всем чиновникам и всему урянхайскому народу", в котором разъяснял свою позицию по вопросу о самоопределении тувинского народа, напомнив о заключенном 18 июня 1918 г. и упраздненном колчаковцами договоре о самоопределении и взаимопомощи между тувинским народом и русским населением края. Заверил, что введенные в Туву советские войска не будут навязывать тувинскому народу своих законов и решений⁶⁶. Из текста воззвания явствовало, что сам И.Г. Сафьянов симпатизирует идее самоопределения Тувы вплоть до образования самостоятельного государства

Итак, ввод в Туву советских воинских частей и достигнутая при их главным образом моральной помощи мирная передышка, а также успешное развитие революционного движения в Монголии способствовали зарождению двух взаимоисключающих планов определения статуса Тувы. Первый из них (Б.З. Шумяцкий, И.Н. Смирнов) предусматривал безоговорочное присоединение Тувы к Монголии в целях развития мировой революции, второй (И.Г. Сафьянов) — создание условий для беспрепятственного волеизъявления тувинского народа.

"Опальная" политика И.Г. Сафьянова и реалии самоопределения Тувы

Резкое изменение линии поведения представителя Сибревкома в Туве было встречено руководством советского государства, работниками Коминтерна и сибирской партийной и советской организацией настороженно. 24 мая Сиббюро ЦК РКП (б) рассмотрело предложение Б.З. Шумяцкого об отзыве из Тувы И.Г. Сафьянова, якобы, "проявляющего руссофикаторско-колонизаторские наклонности" и замене его т. Русалевым (из Красноярска), который ранее работал в Урянхае. В принятом постановлении говорилось: "Вопрос об отзыве т. Сафьянова и назначении вместо него т. Русалева отложить до разрешения вопроса об Урянхайском крае в ЦК". Кроме того, Енисейский губком РКП (б) не согласился с перемещением своего работника, исполнявшего в то время обязанности губернского продовольственного комиссара⁶⁷.

14 июня 1921 г. глава НКВД РСФСР Г.В. Чичерин, пытаясь составить более четкое представление о положении в Туве, запросил мнение И.Н. Смирнова по "урянхайскому вопросу". Его интересовало: "много ли в Туве советских войск? должны ли они там оставаться? как не допустить уничтожения колонистов местным населением? надо ли распространять сферу влияния революционной партии Монголии на Туву? что предопределяет будущее присоединение Тувы к Монголии? надо ли делать заявления об автономии Тувы в составе Монголии?"⁶⁸.

В основу ответа И.Н. Смирнова было положено принятое членами Сиббюро ЦК РКП (б) с участием Б.З. Шумяцкого постановление. И.Н. Смирнов привел сведения о численности в Туве русского населения и советских войск и предложил для осуществления постоянной связи с Урянхаем направить туда

представителя НКВД РСФСР из окружения Б.З. Шумяцкого. Он отметил, что тувинское население относится к монголам отрицательно, а русское "тяготеет к советской власти". Передал, что Сиббюро ЦК РКП (б) решило: Тува должна войти в состав Монголии, но декларировать это не надо⁶⁹. Из этого документа видно, что при принятии решения на первом месте была политическая комбинация с далеко идущими целями и мало предсказуемыми результатами, а мнение тувинского и русского населения Тувы опять же во внимание не принималось. 16 июня 1921 г. Сиббюро ЦК РКП (б), еще раз обсудив положение в Туве, приняло резолюцию о том, что самоопределение тувинского народа "не может рассматриваться вне связи с освободительным движением Монголии вообще". Но, поскольку, говорилось далее, "процесс сложения монгольского государства еще не закончился, и еще неизвестно, в какие формы выльется ее государственное и международное бытие, вопрос о присоединении Урянхайского края к Монголии должен оставаться пока открытым"⁷⁰.

16 июня 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) по предложению народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина и с одобрения В.И. Ленина приняло решение о вступлении в Монголию советских войск для ликвидации группировки Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. Тем временем "старые" панмонголисты предпринимали попытки подчинить себе Туву. Так, 17 июня 1921 г. управляющий Цзасакту-хановским аймаком Сурукту Ван, назвавшись правителем Урянхая, направил нойонам Хемчика письмо, в котором под угрозой сурового наказания потребовал вернуть захваченные у "чанчина Гегена" (т.е. генерала на службе у богдо-гегена) И.Г. Казанцева трофеи и служебные бумаги, а также приехать к нему для разбирательства⁷¹. 20 июня 1921 г. он сообщил о идущем установлении в Монголии нарушенного китайцами управления (т.е. автономии) и снова выразил возмущение разгромом тувинцами отряда генерала И.Г. Казанцева. Сорукту Ван в гневе спрашивал: "Почему вы, несмотря на наши приглашения, не желаете явиться, заставляете ждать, тормозите дело и не о чем не сообщаете нам? ...Если вы не исполните наше предписание, то вам будет плохо"⁷².

Однако монгольский чиновник этими угрозами ничего не добился. Хемчикские нойоны к тому времени уже были увлечены предложенным И.Г. Сафьяновым планом самоопределения. 22 июня 1921 г. И.Г. Сафьянов в ответе на адресованное ему письмо Сорукту Вана писал: "Если бы вы не вмешивались в наши русские дела, не давали бы лошадей и продовольствие белым, а также и своих солдат, тогда бы мы не имели надобности и права вторгаться со своими войсками в ваши земли. А раз вы, сайт, приняли белых и совместно хотите прогнать из Урянхая русский народ, принявший советский закон, тогда мы будем вынуждены и вам, сайт, дать хороший отпор. ... По нашему закону никто не имеет подчинять силой оружия против воли, никакой даже самый малочисленный народ...". В заключение он пригласил монгольского сайта на переговоры, предупредив его, что "чинить обиды другому народу мы не дадим и берем его под свое покровительство"⁷³. Не исключено, что именно сепаратные действия монгольского сановника и обсуждение этой ситуации с тувинскими представителями подвигли И.Г. Сафьянова к развитию положения о покровительстве Советской России над Тувой во внешних вопросах, которое встретило резкую критику и неприятие со стороны его политических оппонентов.

1 июля 1921 г. в Москве состоялись переговоры наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина с монгольской делегацией в составе Бекзеева (Ц. Жамцарано) и Хорлоо. Монгольские делегаты заявили, что Советская Россия должна поддержать тягу монгольского и тувинского народов к объединению.

Такая постановка вопроса возражений со стороны главы российского внешнеполитического ведомства не вызвала. Он даже дал понять, что Советская Россия здесь Монголии не соперница и "отнюдь не рассматривает Урянхайский край как свою территорию и никаких видов на нее не имеет"⁴. Но, учитывая, что будущее самой Монголии еще не ясно, дальше этого заявления Г.В. Чичерин не пошел. Не предрешать вопроса ему советовал и Б.З. Шумяцкий, который в принципе и в перспективе был за объединение Тувы с Монголией.

В ходе переговоров Г.В. Чичерин предложил формулу отношения сторон к "урянхайскому вопросу", в соответствии с которой: Советская Россия от притязаний на Туву отказывалась; Монголия в перспективе могла рассчитывать на присоединение к ней Тувы, но ввиду неясности ее международного положения, вопрос оставался открытым на неопределенное время. Позиция Тувы в это время определенно выявлена еще не была, она никак не комментировалась и во внимание не принималась.

Резкий тон переписки И.Г. Сафьянова с монгольским чиновником, претендующим на власть в Туве, стал известен Б.З. Шумяцкому. Он попытался еще раз "образумить" своего политического оппонента. 12 июля 1921 г. он телеграфировал И.Г. Сафьянову: "Если совершите возмутительную и неслыханную в советской, военной и коминтерновской работе угрозу неподчинения в смысле отказа информировать, то вынужден буду дать приказ по военной инстанции в пределах прав, предоставленных мне дисциплинарным уставом Красной Армии, которым не однажды усмирялся бунтарский пыл самостийников. Приказываю информацию давать моему заместителю [Я.Г.] Минскеру и [К.И.] Грюнштейну"⁵.

6 июля 1921 г. объединенные войска Сухэ-Батора и РККА Советской России вошли в Ургу. По мере изменения ситуации в Монголии менялся и тон писем Сорукту Вана. В новом письме от 20 июля 1921 г. он уже не требовал, а пояснял: "На основании того, что Урянхайский народ по старому договору является нашим подданным, мы делали ему разные предписания и распоряжения. Если теперь Урянхайский народ по каким-либо обстоятельствам должен перейти под Ваше покровительство, то этот вопрос, конечно, может быть решен Вами с нашим Богдо-Хутухтой. А я, если и стою здесь (на границе с Тувой. — Н.М.) с небольшим войском, то стою только по распоряжению Богдо-Хутухты и для охраны границ, но ничуть не воевать с Вами. Я здесь стою только для того, чтобы разбирать спорные дела, воровство, грабежи и прочее и потому считаю нужным заявить Вам все это, чтобы Вы знали истинное положение дел"⁶. В другом письме от 23 июля 1921 г. он сообщал, что вопрос "о дележе Урянхая" должен решаться не уполномоченными на местах, а "центрами". Объясняя свое вмешательство в дела тувинского населения, он писал: "На основании имеющихся у нас документов о том, что Урянхи являются нашими подданными, а также отчасти потому, что в Урянхае развелись грабежи, мы и посылали Урянхам свои распоряжения"⁷.

27 июля 1921 г., отвечая на письмо Сорукту Вана от 20 июля, И.Г. Сафьянов, в частности, писал: "Хотя Вы и сообщаете, что имеются старые документы о подданстве урянхов Монголии, но ныне с восстановлением новых прав народов во всех странах, каждый отдельный народ имеет право сам выявлять свою волю, как он хочет устроить свою жизнь, а потому, я думаю, что этот вопрос решит сам Урянхайский народ на предстоящем съезде своих 9 хошунов (монгольский термин, по-тувински: кожуунов — Н.М.)"⁸. В дальнейшем эта переписка переросла в регулярный обмен информацией о событиях в Монголии и Туве.

И.Г. Сафьянов, не будучи на деле “самостийником”, практически о каждом своем шаге регулярно докладывал председателю Сибревкома И.Н. Смирнову и просил его передать полученные сведения в адрес Реввоенсовета 5 армии и ДВСКИ. 13 июля 1921 г. И.Г. Сафьянов подробно информировал его о переговорах с представителями двух хемчикских кожуунов⁸⁰. 21 июля 1921 г. И.Г. Сафьянов в докладной записке на имя председателя И.Н. Смирнова писал, что поначалу, выполняя задания Б.З. Шумяцкого “с его буферной Урянхайской политикой”, он провел 11-й съезд русского населения Тувы (23-25 апреля 1921 г.), в решениях которого желание русского населения — быть гражданами Советской республики, учтено не было. В результате избранная на съезде краевая власть оказалась неавторитетной и, “чтобы успокоить бушующие сердца сторонников Советской власти”, ему пришлось “преобразовать представительство Совет[ской] России в целое учреждение, разбив его на отделы: дипломатический, судебный, Внешторга и промышленности, гражданских дел”⁸⁰. Письмом от 28 июля 1921 г. он сообщил о проведении 12 съезда русского населения в Туве (23-26 июля 1921 г.), на котором делегаты совершенно определенно высказались за упразднение буфера и подчинение колонии юрисдикции Советской России⁸¹.

В обращении к населению Тувы, выпущенном в конце июля 1921 г. И.Г. Сафьянов заявил: “Центр уполномочил меня и послал к Вам в Урянхай помочь Вам освободиться от гнета Ваших насильников”. Причислив к числу последних китайцев, белогвардейцев и “монгол в лице своего старого реакционного правительства”, он сообщил, что ведет переговоры с 9-ю кожуунами Тувы о том, “как лучше устроить жизнь”, что такие переговоры с двумя хемчикскими хошунами увенчались успехом. Он предложил избрать по одному представителю от сумо (мелкая административная единица и внутривозрожденное деление. — Н.М.) на предстоящий Всетувиинский съезд, на котором будет рассмотрен вопрос о самоопределении Тувы⁸². Кроме того, отдельные обращения он направил в каждый тувинский кожуун.

11 августа 1921 г. И.Г. Сафьянов получил из Иркутска от ответственного секретаря ДВСКИ И.Д. Никитенко телеграмму, в которой сообщалось о его отстранении от представительства Коминтерна в Урянхае “за поддержку захватчиков края по направлению старой царской администрации”⁸³. И. Д. Никитенко сообщал, что постановлением НКВД РСФСР от 17 июля при советских военных частях в Туве учреждалась должность уполномоченного НКВД РСФСР. По прибытии его в Туву полномочия И.Г. Сафьянова прекращались, а пост особого военного представителя упразднялся. Буквально за день до Великого учредительного Хурала в Туве 12 августа 1921 г. И. Д. Никитенко писал Г.В. Чичерину о необходимости “ускорить конкретное определение отношения Наркоминдела” по Туве. Назвав И.Г. Сафьянова “палочным самоопределителем”, “одним из импрессионистов... доморощенной окраинной политики”, он квалифицировал его действия как недопустимые. Со своей стороны, он предложил включить Туву “в сферу влияния Монгольской Народно-Революционной партии”, работа которой позволит выиграть 6-8 месяцев, в течение которых “многое выяснится”⁸⁴. Свою точку зрения И.Д. Никитенко подтвердил приложенными письмами двух известных в Туве монголофилов: амбын-нойона Соднам-Бальчира с группой чиновников и правителя Салчакского кожууна Сосор-Бармы⁸⁵. О том, что, получив возможность активно воздействовать на Туву, Монголия может форсировать решение “урянхайского вопроса” в свою пользу, ответственный работник ДВСКИ не думал.

Активные и решительные действия в Туве И.Г. Сафьянова вызывали крайнее недовольство не только у руководства ДВСКИ, Сиббюро ЦК РКП (б), Сибревкома. Среди оппонентов И.Г. Сафьянова были и советские военачальники. По настоянию Б.З. Шумяцкого он был лишен мандата представителя Реввоенсовета 5 армии. Военный комиссар Енисейской губернии И.П. Новоселов и командир Енисейского пограничного полка Кейрис доказывали, что он "преувеличивал количество белогвардейцев в Урянхае и исходящую от них опасность лишь для того, чтобы добиться советской оккупации края". Они также заявляли: "Уполномоченный Сибревкома Сафьянов, а равно и местные власти имеют в отношении Урянхая явно захватническое стремление, не считаясь с противоречием этой политики с общей политикой Советской России и с тем, что не существует документальных данных о тяготении урянхов к России или о чем-либо подобном"⁸⁶. Видимо, настоящие взгляды И.Г. Сафьянова на будущее Тувы им не были до конца ясны.

Но сильных рычагов влияния на ситуацию в Туве отечественные сторонники объединения Тувы с Монголией не имели, поэтому проиграли Сафьянову сначала "темп", а затем и "партию". В то время, когда представитель ДВСКИ Б. Цивенжапов систематически получал информационные сообщения МОНТА (Монгольское телеграфное агенство) об успешном развитии революции в Монголии, события в Туве развивались вне тесной связи с монгольскими, по своему особому сценарию. И.Г. Сафьянов, уже находясь в опале, лишенный всех полномочий, но, фактически пользуясь ими и мандатом представителя Сибревкома в ожидании замены, действуя на свой страх и риск, ускорил наступление момента реализации тувинским народом права на самоопределение.

Он нашел среди тувинской элиты влиятельных сторонников, двух хемчикских нойонов Монгуша Буяна-Бадьргы и Чимба бээзи, и, действуя с ними заодно (предварительная проработка ключевых вопросов — о самоопределении, о внешнеполитической ориентации на Россию; подготовка учредительного съезда, проектов первой конституции и т.д.), активно содействовал созыву Великого учредительного хурала, провозгласившего 14 августа 1921 г. тувинское государство. В том, что ситуация в Туве разрешилась подобным образом, во многом виден суммарный результат его влияния, умения убеждать, в нужный момент проявить самостоятельность и решительность, применить на практике знание Тувы: ее истории, обычаев и людей.

Направляя в Туву в качестве своего представителя И.Г. Сафьянова, сочувствующие панмонголизму коминтерновские и сибирские советские руководители не могли предвидеть, что он станет настолько сильным катализатором этнополитических событий в крае, что в итоге опередит своих политических оппонентов, а тем более — объективный процесс вызревания предпосылок для создания тувинского государства. В телеграмме, посланной И.Г. Сафьяновым председателю Сибревкома И.Н. Смирнову (г. Новониколаевск), ответственному секретарю ДВСКИ И.Д. Никитенко (г. Иркутск), Губкому РКП (б) (г. Красноярск) и предволкомпарта А.Н. Филиппову (с. Усинское) был изложен главный итог работы, проделанной им с августа 1920 по август 1921 г. Он докладывал: "17 августа 1921 г. Урянхай. Съезд всех хошунов урянхайского народа объявил Урянхай самостоятельным в своем внутреннем управлении, [в] международных же сношениях идущим под покровительством Советроссии. Выбрано нарревправительство [в] составе семи лиц... Русским гражданам разрешено остаться [на] территории Урянхая, образовав отдельную советскую колонию, тесно связанную с Совет[ской] Россией..."⁸⁷.

Из вышесказанного следует, что давление "внешнего фактора" на Туву к концу рассматриваемого периода значительно ослабло: Китай остался за монгольским "буфером" и активно вмешиваться в жизнь Тувы не мог. Россия отказалась от притязаний на Туву, а ее политическое влияние здесь еще не стало ощутимым. Что касается Монголии, то она была скована предложенной ей советской стороной формулой отношений к Туве. Главным методом решения урянхайского вопроса для нее становятся сепаратные действия, которые на первых порах серьезной угрозы самостоятельному существованию тувинцев не несли. Все это позволило тувинскому народу осуществить свое волеизъявление и провозгласить образование Республики Танну-Тува Улус. Тем самым Тува стала субъектом международного права.

1. ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. М., 1994. Т. 1. 1920-1925. С. 11.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 12.
3. Боффа Д. История Советского Союза. М. 1990. Т. 1. С. 79.
4. История советско-монгольских отношений. М., 1981. С. 24.
5. Ширендыб Ш. История монгольской народной революции. С. 103-104.
6. Там же. С. 104-105.
7. Цит. по кн.: Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921-1927. М., 1968. С. 19.
8. Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 32.
9. История внешней политики СССР. 1917-1945. М., 1966. Ч.1. С. 149.
10. Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. Кызыл, 2003. С. 199.
11. "Советская Сибирь" от 6 июля 1920 г.
12. История Тувы. М., 1964. Т. 2. С. 113.
13. См.: Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. М., 2003. С. 105-106.
14. Цит. по кн.: Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.) М., 1999. С. 32.
15. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай... С. 113.
16. Емельянов Е.Н. Содержание и основные направления эволюции политической идеологии Коминтерна (1921-1923 гг.). Коломна, 1997. С. 17.
17. Резников А.Б. О стратегии и тактике Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. // Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 113-114, 125.
18. Рошин С. К. Политическая история... С. 123-124; Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай... С. 209.
19. Рошин С. К. Политическая история...С. 108.
20. РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, л. 43, л.9.
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, л. 77, л. 41.
22. Там же.
23. РФ ТИГИ, л. 420, л. 216.
24. Там же, л. 228.
25. Там же, л. 42, л. 219.
26. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Сб. док. Новосибирск, 1996. С. 136-137.
27. Цит. по кн.: Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел...С. 210.
28. История внешней политики. 1917-1945. Ч.1. С. 149.
29. Газ. "Советская Сибирь" от 23 октября 1920 г.; Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М, 1969. С. 167.
30. Цит. по кн.: Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел...С.216-217.
31. Там же, л. 226.
32. Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел...С. 211.
33. РФ ТИГИ, л. 42, папка 2, л.154. РФ ТИГИ, л. 420, л. 226.

34. Политбюро ЦК ВКП (б) — КПСС. Повестки дня заседаний. 1919-1952. Каталог. Т.1. 1919-1929 гг. М., 2000. С. 82-83.
35. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). С. 157 — 158; РФ ТИГИ, д.42, папка 2, л.103.
36. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). С. 158 — 159.
37. РФ ТИГИ, л. 42, папка 2, л.155.
38. Там же, л.105.
39. Там же, л.103.
40. Там же, л.164.
41. Там же, л.165.
42. Там же, л. 42, л.384; л. 420, раздел 19. С. 4, 6.
43. Там же, д.42, папка 2, л.164.
44. РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, л. 56, л. 28.
45. РФ ТИГИ, л. 420, раздел 19. С. 4.
46. Там же. С. 5.
47. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). С. 184 — 185.
48. РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, л. 56, л. 28.
49. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). С. 208 — 209.
50. Там же.
51. Шырендыб Б. История советско-монгольских отношений. М., 1971. С. 96-98, 222.
52. Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика советского государства в 1921-1925 годах. С. 16.
53. РФ ТИГИ, л. 420, раздел 22. С. 27.
54. Там же, д. 42, папка 2, л. 169.
55. Там же, папка 1, л. 86.
56. Там же, папка 2, л. 91.
57. ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 2 об.
58. Там же.
59. Там же, л. 3.
60. Там же, л. 5, об.
61. Там же.
62. Там же, л. 4, об.
63. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск, 1982. С. 96.
64. Шырендыб Б. История советско-тувинских отношений. М., 1971. С. 244.
65. См.: История Тувы. Т.2. С. 71-72; Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). С. 269.
66. РФ ТИГИ, д. 81, л. 60.
67. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). С. 273.
68. Там же.
69. Там же. С. 273-274.
70. АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп.6,п.6, д. 29, л.12.
71. РФ ТИГИ, д. 81, л. 59.
72. Там же.
73. Там же, л. 60.
74. Лузянин С.Г. Россия-Китай-Монголия... С. 112-113.
75. Тувинская правда. 1997. 11 сентября.
76. РФ ТИГИ, д. 81, л. 67.
77. Там же, л. 69.
78. Там же.
79. Там же, л. 75.
80. Там же, д. 42, л. 389.
81. Там же, д. 81, л. 75.
82. Там же, д. 42, папка 3, л. 199.
83. РФ ТИГИ, д. 42, папка 2, л. 99.
84. РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 97, л. 27, 28.
85. Там же, лл. 28-31.
86. Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел...С. 205, 217.
87. РФ ТИГИ, д. 42, папка 2, л.121.

К истории "деревенского маршрута" китайской революции: современные тенденции в западной историографии

© 2005

Л. Березный

(Окончание. Начало в ПДВ № 5 2005 г.)

В предшествующей части данного обзора были рассмотрены трактовки западными авторами первого этапа "сельской революции" в Китае, закончившегося поражением "советского" движения (1927—1934 гг.). Второй этап составил легендарный переход Красной армии на Северо-Запад (1934—1935 гг.). Ему и посвящена статья Фр. Литтена¹.

Он напоминает, что по упрощенной и "телеологической", по его мнению, трактовке, преобладавшей в исторической литературе КНР, этот поход рассматривался в качестве "поворотного пункта" китайской революции. Согласно данной версии, Мао Цзэдун спас КПК и Красную армию от разгрома и в конце концов привел их к победе над Чан Кайши и провозглашению КНР; на партконференции, состоявшейся в начале 1935 г. в Цзуньи, некомпетентное руководство "левых", возглавлявшее КПК, было сменено коллективным руководством, центром которого был Мао — оно и стало проводить "правильную" линию. В настоящее время, отмечает автор, роль конференции в Цзуньи признается менее значимой, однако концепция "Долгого похода" как "поворотного пункта" (связываемая с концепцией борьбы "двух линий" — "левой" и "линии Мао") все еще господствует, и не только в Китае². Этой моделью пропитана, по словам Литтена, большая часть и исследований, и мемуаров. То же и с первоисточниками: партийные документы даже если и публикуются в полном виде, редко освещают происходившее за сценой³.

Критически используя различные, нередко противоречащие друг другу публикации, Литтен неоднократно подчеркивает предположительность (plausibility) своих оценок и выводов. Характеризуя собственное исследование как "контр-миф", противостоящий господствующей трактовке "Долгого похода", Литтен признает, что он не во всех деталях оригинален, но выражает надежду, что предложил по крайней мере свежий взгляд на тему⁴.

В первой части статьи рассматриваются главным образом военно-политические проблемы истории КПК между 1930 г. (началом первого карательного похода войск Нанкина против "советских" районов) и серединой 1935 г., когда произошло соединение 1-го и 4-го фронтов Красной армии. Во второй части автор предпринимает попытку проанализировать "внутреннюю динамику" процессов, происходивших в "руководстве" КПК. Наконец, в третьей части статьи автор обращается непосредственно к проблеме "поворотного пункта" и размышляет об истории КПК в 30-х годах, излагая свой "контрмиф".

Литтен ставит ряд вопросов относительно "центральных догм" в истории КПК³. Был ли "Долгий поход" "поворотным пунктом" в истории КПК и карьере Мао Цзэдуна? И как следствие этого: означало ли поражение "советских районов" конец "советского" движения и начало разрыва КПК с Коминтерном?⁴ Автор утверждает, что в военных делах не наблюдалось заметных изменений: "Долгий поход" не привел к улучшению положения Красной армии, некоторые тактические перемены, предусмотренные, в частности, решениями, принятыми в декабре 1935 г. в Ваяобао, обсуждались еще в 1934 г. и были связаны главным образом с сокращением размера территорий, которые необходимо было защищать, а не с фундаментальным изменением стратегического мышления⁷.

Во время "Долгого похода" не произошло разрыва с Коминтерном ни по политическим мотивам, ни в связи с обвинениями в адрес военного представителя Коминтерна О.Брауна⁸. В середине 1935 г. (т.е. после совещания в Цзуньи) "советское" движение все еще оставалось целью КПК, о чем свидетельствуют, по мнению Литтена, решения, принятые в Линхэкоу (июнь 1935 г.) и Шаво (август 1935 г.)⁹, призывавшие создавать новые советы для победы сначала в одном регионе, а затем во всей стране. Даже Центральная Советская Республика во главе с Мао Цзэдуном продолжала существовать, пусть только по названию¹⁰.

Еще более важно, по мнению Литтена, что руководство Центрального советского района Цзянси было не столь уж некомпетентно. Поражение Красной армии в пятом походе было обусловлено прежде всего объективными причинами, главным образом военным превосходством Чан Кайши¹¹. Однако, подчеркивает Литтен (и это, по-видимому, новый для литературы тезис), один важный фактор, повлиявший на решения КПК (имеются в виду, видимо, решения, связанные с "Долгим походом"), остался недооцененным¹² — сам факт существования Центральной Советской Республики. Это было, констатирует Литтен, первое коммунистическое "государство" в Китае, и оно являлось для коммунистов "якорем спасения" от вырождения в странствующие банды политических неудачников. Генезис "Долгого похода", его "зигзаги" не могут, по мнению Литтена, быть поняты без учета этого фактора. Если принять это как данность, продолжает Литтен, то следует признать, что поле для маневра было весьма ограниченным, и руководство КПК предприняло серьезную попытку использовать его. "Стратегический переход" не был "паническим бегством", он планировался за многие месяцы. Его целью было не только сохранение "живой силы", но также и сущности Центральной Советской Республики. Коль скоро не было особых различий в стратегии КПК до и после "Долгого похода", то "поворотный пункт" исчезает, и доводы относительно борьбы "двух линий" или "столкновения парадигм" становятся много слабее¹³. Вопрос о том, в какой мере "Долгий поход" повлиял на карьеру Мао и развитие КПК, остается, по мнению Литтена, открытым¹⁴.

Крупные изменения во внутренней ситуации в Китае после 1927 г., заключает Литтен, складывались против коммунистов. Во многих отношениях развитие советов представляло успех КПК, но это не могло существенно изменить баланс сил в Китае. "Долгий поход" все же не изменил сколько-нибудь фундаментально ни КПК, ни ситуацию в Китае. Лишь японская угроза, по мнению Литтена, может считаться важным фактором изменений в истории Китая и "большим шансом" для КПК в 30-х годах XX в.¹⁵

Исследования Эверилла, Литтена и Вэя связаны, условно говоря, с первой половиной "деревенского" маршрута революции, началом которого были события в Юго-Восточном Китае. Публикация Г. Бентона повествует о ситуации в этом регионе после того, как основные силы Красной армии ушли в

“Долгий поход”. Статья появилась в составе упоминавшегося в первой части обзора сборника “Single Sparks...”¹⁶. Исследование рассматриваемой в данной статье темы представляется важным, в частности, потому, что выжившие участники партизанской борьбы в этом районе составили ядро Новой 4-й армии, сформированной в начале войны сопротивления японской агрессии¹⁷.

Подобно другим историкам “нового поколения”, Бентон опирается на широкий круг источников, исходящих от противостоявших лагерей — Гоминьдана и КПК, включая материалы, публиковавшиеся во время описываемых событий.

Партизанская борьба на Юго-Востоке, длившаяся три года, оказалась “затененной”, по выражению Бентона, легендой о “Долгом походе”. Автор определяет число оставшихся на Юго-Востоке в 30 тыс. челове. Перед ними была поставлена непосильная, на взгляд Бентона, задача — связывать войска противника, преследовавшие участников “Долгого похода” и, более того, восстанавливать, по возможности, “советские” районы. И если для ушедших в “Долгий поход” это был разрыв с изжившими себя политическими и военными концепциями¹⁸, то на долю оставшихся выпало испытать на себе тяжкие последствия поражения советов. Для них это было не начало нового стратегического этапа, а последнее сражение разгромленной армии. Коммунистические силы на Юго-Востоке, констатирует автор, сумели сохранить идеалы коммунистического революционного движения. Отрезанные в течение нескольких лет от других участников событий, от центрального руководства КПК и от общества в целом, они привыкли руководствоваться лишь собственным опытом, стали неуживчивыми, независимо мыслящими и разобщенными, что позднее сыграло немалую роль в возникновении внутренних проблем в Новой 4-й армии после 1938 г.¹⁹

Характеризуя общую ситуацию на Юго-Востоке после поражения Красной армии, Бентон обращает внимание на провал реформ, намечавшихся Нанкином, восстановление влияния помещиков и богатых крестьян, возросшую власть сельской элиты и полицейские меры. Это потенциально вело к усилению социального напряжения, питавшего в предшествующие годы революционное движение. Но всеобъемлющий военный и политический контроль правительственных сил создавал коммунистическому арьергарду немало проблем. Многочисленные маленькие отряды, прорываясь через гоминьдановские линии, пытались отыскать новые формы борьбы, соответствующие изменившимся условиям. Отмечается жестокость репрессий, противоречивость настроений крестьянских масс, да и самих партизан. Но Бентон считает односторонним распространенное в литературе мнение, что партизаны на Юго-Востоке испытывали апатию и отчаяние. Все это было, но и коммунистические идеалы были живы, и часть крестьян продолжала идентифицировать себя с ними. В то же время автор показывает глубину поражения, загнавшего партизан в далекие, разбросанные по территории нескольких провинций, труднодоступные районы, остроту споров относительно новых форм выживания и продолжения борьбы²⁰; постепенно приходило понимание того, что политическое отступление столь же необходимо, как и военное²¹.

Бентон довольно подробно показывает, как в 1936—1937 гг. постепенно и с большими трудностями начала преодолеваться изолированность борющихся на Юго-Востоке партизанских групп от внешнего мира. В конце 1936 г. из оказавшихся в руках партизан гонконгских газет стало известно о декабрьском инциденте (арест Чан Кайши) в Сиани. Первоначально сообщения об его урегулировании и возвращении Чан Кайши в Нанкин повергло их в уныние. Вскоре, однако, из партийных документов, полученных через Шанхай, а также из газет стало известно об отказе КПК от лозунга “свержения Чан Кайши”, о призывах к совместным действиям с ним в сопротивлении японской агрессии.

Не сразу и не ко всем лидерам партизанских отрядов пришло понимание необходимости единого фронта с ненавистным противником, тем более что в апреле 1937 г. нанкинское правительство бросило крупные силы с целью "окончательного уничтожения всех следов Красной армии на юго-востоке Китая" (кавычки Бентона). Партизанские отряды несли большие потери. Вероятно, замечает Бентон, ссылаясь на китайские и американские публикации, Нанкин ставил целью предотвратить установление твердых связей партизан на Юге с партийным центром²².

Но после захвата японскими войсками Шанхая стали возникать контакты между партизанскими лидерами и провинциальными властями, хотя взаимная подозрительность преодолевалась с большим трудом²³. Антияпонские чувства у партизан на Юге были, отмечает Бентон, столь же сильными, как и на Северо-Западе; ход событий давал им возможность расширять круг людей, слушавших их, и вернуть себе часть позиций, утраченных в предшествующие годы²⁴.

Бентон утверждает, что подвиг партизан Юга становится особенно очевидным, если сравнивать его с "Долгим походом". Участники последнего пришли в ту часть Китая, где уже существовала надежная база, крестьяне были весьма восприимчивы к революционной пропаганде, а гоминьдановские гарнизоны были слабы, неэффективны и подвержены коммунистическому влиянию. Южане же были привязаны к опустошенному войной региону и встретили объединенного противника, а все провинции (включая Гуандун после середины 1936 г.) составляли единый нанкинский лагерь. И тем не менее южане выстояли, накопив огромный опыт партизанской войны, вынуждали Нанкин держать на Юге крупные силы и тем самым выполняли одну из своих главных задач: ослабить давление правительственных войск на главную группировку Красной армии²⁵.

Обращаясь к хорошо известным обстоятельствам формирования на базе партизанских отрядов Юго-Востока Новой 4-й армии Национально-революционной армии Китая, Бентон высказывает некоторые соображения относительно двойственности опыта, привнесенного партизанами Юга в Новую 4-ю армию. Этот опыт не был, по мнению автора, целиком позитивным и оставлял их плохо подготовленными к преодолению трудностей Войны сопротивления японской агрессии. Многие в окружении Сян Ина, возглавлявшего партизанскую борьбу в Цзянси, расходились во мнениях с большинством центрального руководства КПК. Три года изоляции на Юге породили в партизанах жесткое чувство независимости. Сян Ин не переносил чьего-либо контроля над собой, пытался на основе успешной трехлетней партизанской борьбы создать культ собственной личности²⁶. Однако стремлениям Сян Ина создать особую идентичность Новой 4-й армии препятствовала и другая негативная черта наследия трехлетней партизанской борьбы — склонность отрядов к раздробленности и фракционности. Это осложняло переход к новым условиям ведения военных действий, требовавшим жесткой дисциплины.

Впоследствии Сян Ина критиковали за попытку рассматривать Новую 4-ю армию в качестве "третьей силы" между Яньанью и Чунцином. По мнению Бентона, подобные упреки могли объясняться тем, что Сян Ин заметно меньше, чем руководство в Яньани, был склонен подчеркивать роль партии, что могло быть связано с его стремлением избегать трений с Гоминьданом²⁷.

Бентон указывает на еще одну негативную черту опыта партизанской войны южан. Преследуемые превосходящими силами противника, они раньше, чем участники "Долгого похода", выработали способность к компромиссу с местными чиновниками, главарями бандитов, *шэньши* и другими авторитетными на местах лицами. Выживание партизан, замечает Бентон, было связано, с од-

ной стороны, с решительным отказом подчиниться военному давлению и угрозам гоминьдановских властей, а с другой — со способностью регулировать свои отношения с локальными структурами. Сян Ин оставался пленником этого опыта и после создания Новой 4-й армии, что, по мнению автора, было главной причиной его неспособности понять “необходимость широкой и глубокой социальной мобилизации”, предусматривавшейся стратегией Мао Цзэдуна. Это, приходит к выводу Бентон, и погубило Сян Ина: он упорно цеплялся за свою базу к югу от Янцзы и отказывался последовать приказу Яньани переправиться на север. В результате он потерял не только ту часть армии, которая еще находилась под его прямым контролем, но и свою жизнь в знаменитом “инциденте” в январе 1941 г., когда штабную колонну Новой 4-й армии разгромили гоминьдановские войска²⁸.

Предложенная Бентоном интерпретация этого важного эпизода истории сопротивления японской агрессии порождает несколько вопросов. Действительно ли Сян Ин наотрез отказывался (Бентон дважды употребляет слово refusal) от перебазирования на север? Вопреки своему обыкновению автор оставляет это утверждение без ссылки на источник. Между тем есть свидетельство (оно было доступно и Бентону) того, что хотя Сян Ин действительно предпочел бы продолжать борьбу в прежних местах дислокации, однако он не был виновником задержки штабной колонны²⁹. Не упомянул Бентон и того, что сама передислокация Новой 4-й армии на север была вынужденной уступкой ЦК КПК требованиям гоминьдановского командования, подготовившего к тому же передвигаясь частям ловушку³⁰.

Наконец, еще один, может быть самый важный вопрос: в какой мере стратегия Мао Цзэдуна, нацеленная на “социальную мобилизацию глубоко позади вражеских линий”, соответствовала реальной обстановке, в которой действовали части Новой 4-й армии? Более того — в какой мере подобная стратегия вообще соответствовала военно-политической ситуации на рубеже 30—40-х годов? Ответ на первую часть вопроса содержится в предложенной Бентоном характеристике условий, в которых оказались партизаны Юга в Центральном Китае, и которые, по оценке автора, были мало пригодны для привычных им методов ведения борьбы: характер рельефа — равнина, пересекаемая многочисленными водными путями, на которой трудно укрыться; отсутствие у сельского населения революционных традиций; шайки бандитов и пиратов, грабившие крестьян, множество беженцев; расположение на значительной части территории, первоначально предназначавшейся для Новой 4-й армии, враждебно настроенных правительственных войск, чинивших препятствия операциям 4-й армии, запрещавших ее кадрам проводить социальные реформы, создавать политические и административные органы; крайне скудное обеспечение денежными средствами и продовольствием³¹. Таким образом, что оставалось делать бойцам 4-й армии, как не искать компромисса с противостоящими силами? Тем более, что идея компромисса составляла основу соглашения между КПК и Гоминьданом о формировании единого антияпонского фронта.

Но Бентон не задается вопросом о соответствии стратегии радикальной “социальной мобилизации” соглашению о едином фронте и конкретной военно-политической ситуации³². Известно, однако, что со времени формирования единого антияпонского фронта КПК оказалась перед проблемой сочетания революционных целей с необходимостью национального сплочения для отпора японской агрессии. Пути решения названной проблемы с самого начала вызывали острые разногласия в руководстве партии³³. На рубеже 30—40-х годов военно-политическая обстановка была крайне сложной, а директивам ЦК КПК была свойственна двойственность: с одной стороны, давалась установка на всемерное расширение действий Нового 4-го корпуса с районе, который Гоминь-

дан считал своей базой, с другой — следовали указания добиваться уменьшения трений³⁴. Может быть, поиски компромисса, характерные, по мнению Бентона, для Сян Ина, больше соответствовали требованиям ситуации, чем радикальная "социальная мобилизация", на которой настаивал Мао?³⁵

Рассмотрение Бентоном сложного и важного эпизода истории войны вне общего контекста развития событий в Китае является, может быть, издержкой принципа, принятого учеными "нового поколения": избегать широких обобщений, погружаться лишь в глубокое исследование революционных событий в отдельных регионах³⁶.

Впрочем, нельзя не признать, что исследование Г. Бентона впервые дает основательное представление о событиях, происходивших на юго-востоке Китая после начала "Долгого похода" и о влиянии опыта партизанской борьбы, накопленного там, на действия Новой 4-й армии.

По мнению С. Левина, статья которого о "сельской революции" в Маньчжурии в 1946—1949 гг. завершает сборник "Single Sparks...", китайская гражданская война 40-х годов XX в. еще недостаточно изучена исследователями "новой китайской истории". На данной стадии изучения китайской революции, полагает Левин, следовало бы допустить возможность того, что победа КПК включала в себя весьма разные пути к власти на "сложном поле игры китайской революции" в разных регионах, провинциях и даже отдельных местностях³⁷.

Эти предположения были высказаны в 1989 г. Публикации последнего времени раздвигают хронологические рамки китайского политического "поля игры".

Можно, кажется, констатировать, что наблюдавшееся некоторое ослабление интереса китаеведов к истории китайской революции³⁸ начинает постепенно преодолеваться. Эстафету старшего поколения ученых принимает новое поколение исследователей. В отечественной науке одной из первых "ласточек" в этом смысле можно счесть сборник статей, вышедший в свет под грифом Института стран Азии и Африки при МГУ³⁹.

1. Litten Fr. The Myth of the "Turning Point" — toward a New Understanding of the Long March // Bochumer Jahrbuch Ost Asien Forschung. München? 2001. Band 25. В литературе КНР поход нередко именуется "Великим" (иногда — "походом в 25 тыс. ли")
2. Литтен ссылается на ряд публикаций, изданных в 90-е годы XX в., в частности: Caravante A. Commentary: Solving the Mystery of the Long March, 1934 // Bulletin of Concerned Scholars. 1995, № 3).
3. Ненадежными считает Литтен и известные "Китайские записки" военного советника О. Брауна, а также свидетельства У. Ку. (Kuo W. Analytical History of the Chinese Communist Party. Vol. 3. Taipei, 1970). И тот и другой писали свои мемуары много позднее описываемых событий, а Ку к тому же менял свою политическую ориентацию.
4. Litten Fr. Op. cit. P. 6, 29.
5. Автор сопровождает эти вопросы и ответы на них ссылками на многочисленные публикации западных и китайских авторов.
6. Литтен имеет в виду точку зрения Т. Сайча. — Saich T. (ed.). The Rise to Power of the Chinese Communist Party. Documents and Analysis. N.Y., 1995. P. 524). Б. Уомэк пришел к выводу, что пересматривать свои взгляды Мао Цзэдун стал лишь в 1936—1937 гг. — Womack B. Mao before Maoism // The China Journal. July, 2001. P. 112—117.
7. Литтен отмечает, что акцент, сделанный в решениях, принятых в Ваяобао, — на важности мобильных действий и использования партизанских отрядов, активность которых координируется с действиями регулярных частей, — можно найти в статье О. Брауна за 1934 г. — Litten Fr. Op. cit. P. 33, см. также сноску 54 на той же странице.
8. М.Ф. Юрьев обратил внимание на то, что о совещании в Цзуньи в течение ряда лет ничего не упоминалось, в том числе в рассказе Мао Цзэдуна Э. Сноу (хотя о *взятии*

- Цзуньи в рассказе говорилось дважды). Радиосвязь с Коминтерном была восстановлена в 1936 г., а полный текст решений, принятых в Цзуньи, был передан в Коминтерн лишь в конце 1939 г. — Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. М., 1983. С. 155.
9. Имеются в виду решения Политбюро ЦК КПК о продвижении войск Красной армии на север с целью создания советского района Сычуань—Ганьсу—Шэньси. — Юрьев М.Ф. Указ. соч. С. 164—165.
  10. Litten Fr. Op. cit. P. 33.
  11. Такого же мнения придерживается и Т.Сайч (Saich T. [ed.]. Op. cit. P. 524), а также, как было отмечено в первой части обзора, У. Вэй.
  12. Исключение, по мнению Литтена, представляет собой монография Уомэка. — Womack B. The Foundation of Mao Zedong's Political Thought, 1917—1935. Honolulu, 1982).
  13. Litten Fr. Op. cit. P. 34. В российской научной литературе контролировавшийся КПК район в Шэньси именуется *советским*; отказ от термина "рабоче-крестьянское правительство" относится к февралю—маю 1937 г. См., напр.: Юрьев М.Ф. Указ. соч. С. 191.
  14. Litten Fr. Op. cit. P. 35.
  15. Ibid. P. 36.
  16. Benton G. Communist Guerilla Bases in Southeast China after the Start of the Long March // Single Sparks...
  17. Появление этого "легиона смертников", отмечает Бентон, удивило коммунистических лидеров в Шаньси, оставивших их задолго до того на верную гибель. — Benton G. Op. cit. P. 62.
  18. Публикация Бентона, вышедшая в свет за три года до статьи Эверилла, свидетельствует, что в то время Бентон разделял распространенные в литературе представления, которые Эверилл позднее критиковал.
  19. Benton G. Op. cit. P. 63.
  20. Несмотря на разобщенность отрядов, удалось провести несколько совещаний. Их наиболее важное стратегическое решение касалось перехода к партизанской войне и работы в массах на территориях, оставленных Красной армией. — Ibid. P. 74.
  21. В целом "коммунистическая земельная политика" склонялась к замене кампании перераспределения земли снижением арендной платы и процента по ссудам. В некоторых местах даже удавалось фактически контролировать систему местного управления *баоцзя*. Тактика "красное сердце, белая кожа" оказывалась безуспешной. — Ibid. P. 78-79.
  22. Ibid. P. 82—83.
  23. Ibid. P. 80.
  24. Ibid. P. 85.
  25. Ibid. P. 86—87. Бентон очевидно приуменьшает трудности "Долгого похода".
  26. В беседах с иностранными журналистами Сян Ин ассоциировал себя с кампанией за "пролетаризацию" партии. Автор замечает, что Мао опасался создания южанами независимого центра силы внутри партии. — Benton G. Op. cit. P. 87, 194 п. 88. Бентон сообщает неизвестные, кажется, у нас подробности фракционной борьбы в КПК, связываемые с именами Сян Ина и Ван Мина. — Ibid. P. 87—91.
  27. Benton G. Op. cit. P. 90—91. Возможно, Сян Ин связывал акцент на партийную гегемонию с посягательствами на "его" армию. Известно, что Сян Ин был возмущен назначением Е Тина командующим Новой 4-й армии.
  28. Ibidem. Подробности "инцидента" см.: Китай в период войны против японской агрессии (1937—1945). М., 1988. С. 145—149.
  29. По сведениям, представленным в изданного в 1971 г. документе министерства обороны США, Сян Ин и Е Тин получили указание ЦК КПК не торопиться с перебазируванием штабной колонны на север, поскольку переговоры с Гоминьданом продолжались. — The Chinese Communist Movement. A Report of the U.S. War Department. Stanford (Calif.), 1971. P. 145. Впоследствии Е Тин говорил, что командование Нового 4-го корпуса выполнило инструкцию ЦК КПК "как можно дольше оставаться на месте" (курсив мой. — Л.Б.). — Китай в период войны против японской агрессии. С. 146.
  30. Там же. С. 139 сл.
  31. Benton G. Op. cit. P. 91.

32. Эволюция взглядов Мао Цзэдуна на "сельскую революцию" ко времени нападения Японии на Китай и создания единого антияпонского фронта прослежена Б. Уомэком. — Womack B. Mao before Maoism // *The China Journal*. July, 2001. P. 115—116.
33. См. об этом: Китай в период войны против японской агрессии. С. 36 сл.
34. Там же. С. 132. Уомэк (склонный к некритическому восприятию публичных высказываний Мао Цзэдуна) высказывает мнение, что в 1937 г. Мао рассматривал приостановку на селе работы, основанной на классовый борьбе, в качестве "временной политики, продиктованной сплоченностью против Японии". — Womack B. *Op. cit.* P. 116. Хорошо известно, однако, что в последующие годы Войны сопротивления японской агрессии Мао нередко отклонялся от этого курса.
35. М.Ф. Юрьев обратил внимание на то, что Е Тин в статье, опубликованной в ноябре 1940 г., подчеркивал "особую решающую роль Сян Ина" в осуществлении руководством Новой 4-й армии политики единого фронта. — Юрьев М.Ф. Указ. соч. С. 243.
36. См.: Harford K., Goldstein St. (eds.). *Single Sparks. China's Rural Revolution*. N.Y.—L., 1989. P. 19.
37. *Single Sparks...* p. 175.
38. См.: Dirlik A. Reversals, Ironies, Hegemonies. Notes on the Contemporary Historiography of Modern China // *Modern China*. 1996, № 2. P. 276—277.
39. Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. Ред.-сост. В.А. Козырев. М., 2004.

Из истории формирования вооруженных сил Северной Кореи (1945-1950)

© 2005

Ки Кван Со

В условиях, когда США и СССР еще не добились согласия в вопросах воссоздания государства на Корейском полуострове, обе стороны — южная и северная — не могли организовать свои армии официально и открыто, однако усилиями командования войск СССР и США формирование вооруженных сил происходило параллельно на Севере и на Юге. В него все более активно включались действовавшие в этих двух зонах корейские политические партии, которые намеревались силовым путем объединить всю страну под своей властью и по своему сценарию. Так было, в частности, на Севере, где местное руководство во главе с Ким Ир Сенем приступило к строительству вооруженных сил почти одновременно с образованием компартии Северной Кореи.

Предыдущие исследования о создании северокорейской Народной Армии были посвящены в основном анализу главенствующей роли коммунистов во главе с Ким Ир Сенем в этом процессе, но им не хватало конкретности в освещении участия Советского Союза. Между тем, как и в политической, экономической и социальной областях, создание армии Северной Кореи происходило в тесной связи с СССР.

Создание вооруженных сил на Севере после освобождения Кореи

Формирование северокорейской армии прежде всего было обусловлено необходимостью установления в этой части страны социального порядка и устранения "реакционеров", в том числе прояпонских элементов, чьи подрывные действия со временем усиливались. После освобождения от японцев на севере Кореи действовали такие левые и правые вооруженные организации, как "Отряд самозащиты", "Отряд по охране общественного порядка", "Красная гвардия".

12 октября 1945 г. командующий советской 25-ой армией в приказе № 7 потребовал "ропуска всех имевшихся на территории Северной Кореи вооруженных отрядов" и в то же время разрешил "провинциальным Народным комитетам создавать свою полицию" для наведения общественного порядка.¹ По этому приказу в каждой провинции создавался отряд, занимавшийся охраной общественного порядка и борьбой с преступностью.

19 ноября на Севере были учреждены 10 административных департаментов, в том числе департамент полиции. Он состоял из отделов полиции, юстиции, управления тюрьмами, хозяйственного отдела, отдела санитарии и по-

жарного отдела. В ведении департамента находились подразделения полиции в каждой административной единице — провинции, городе, уезде и волости.² Их деятельностью руководил представитель советской армии полковник Н. Я. Загрузин.

Вначале Департамент полиции по указаниям советского военного руководства действовал через этого представителя, затем он приобрел независимость в своей работе. Как показывает основная цель его создания, департамент полиции явился главным органом обеспечения социальной безопасности и функционировал как основа формирования армии в Северной Корее.

С самого начала планы Ким Ир Сена опережали планы советского военного руководства.³ 14 ноября Ким Ир Сен встретился с членом Военного совета Приморского военного округа (ПВО) генерал-полковником Т.Ф. Штыковым и попросил его направить представителей компартий Южной и Северной Кореи в Москву, прислать 1,500 человек советских корейцев в Северную Корею и образовать общество культурной связи с Советским Союзом.⁴ Ким Ир Сен также надеялся, что генерал Штыков разрешит учредить молодежные политические школы при уездных комитетах Компартии и открыть при них курсы военного обучения.

По поводу оснований для этих просьб генерал Штыков докладывал в Москву: "Ким Ир Сен сослался на то, что американцы в Сеуле для корейцев создали офицерскую школу (Военное училище английского языка. — Автор)".⁵ Обращает на себя внимание тот факт, что Ким Ир Сен хотел создать не одно училище в противовес Военному училищу английского языка на Юге, а многочисленные военные организации по уездам.

Реакция генерала Штыкова на просьбы Ким Ир Сена была активной. Штыков хотел создать эти школы и высказался за то, чтобы оказать помощь коммунистическим организациям в разработке программ обучения, преподавательским составом, учебными и наглядными пособиями (материальная часть оружия и проч.).⁶ Но московское руководство не дало положительного ответа на просьбу о создании политических школ для молодежи при каждом уездном комитете Компартии.

Намерения Ким Ир Сена сформировать собственную армию начали реализовываться с программы подготовки офицерских кадров. План воспитания военно-политических кадров для официальных вооруженных сил прежде всего осуществился с созданием военно-политического училища. 3 января 1946г. было открыто Пхеньянское училище. Хотя в СМИ тогда сообщали, что цель открытия этого училища — воспитание кадров для политических партий,⁷ в действительности она заключалась в подготовке военных кадров. Относительно рано Ким Ир Сен начал надеяться и на создание в Северной Корее ВВС и ВМС. На указанной выше встрече со Штыковым Ким Ир Сен попросил его выделить из числа японских трофеев 3 самолета для обучения молодежи авиационного училища, заявив, что у парторганизации имелось около 40 корейских летчиков, служивших в японской армии, которые смогут работать инструкторами. В связи с этим Штыков счел целесообразным создать добровольные авиационные общества при молодежных организациях, действовавших под контролем Компартии.⁸

Основа северокорейских ВМС была заложена образованием морских патрульных сил в апреле 1946 г. В июне и июле того же года они были разделены на Восточные и Западные морские полицейские отряды.

Инициативу в формировании вооруженных сил Северной Кореи взяли на себя партизанские группы, вернувшиеся из СССР и Китая на родину после освобождения Кореи. По большей части партизаны из группы Ким Ир Сена были связаны с работой по созданию вооруженных сил, составив их кадровую основу.

После того, как в мае 1946г. сорвался первый раунд заседаний Совместной советско-американской комиссии, образованной в декабре 1945 г. Московским совещанием министров иностранных дел СССР, США и Великобритании для разрешения корейского вопроса, Советский Союз усилил меры политической и экономической поддержки Северной Кореи. В них входило и создание вооруженных сил. Поскольку крупные северокорейские вооруженные силы могли являться важным фактором сохранения интересов СССР на Севере после вывода оттуда советских войск, Советский Союз обращал на это большое внимание. Так, Военный Совет ПВО, который активно участвовал в программах политико-экономического развития Северной Кореи, просил у московского руководства разрешить сформировать там железнодорожную полицейскую бригаду для охраны железных дорог и дивизию пограничной охраны для защиты границы с Маньчжурией, открыть офицерскую школу для подготовки национальных командных кадров и т.д.⁹ ЦК КПСС одобрил эти планы и разрешил продать северокорейскому Народному Комитету оружие, необходимое для вооружения железнодорожного отряда, пограничной охраны и офицерского училища.

После образования в феврале 1946 г. Временного Народного Комитета Северной Кореи, инициатива организации вооруженных сил по-прежнему принадлежала Ким Ир Сэну ставшему его председателем. Он занимался этим в основном в форме просительных писем от своего имени, адресованных советскому военному командованию или через предварительные переговоры с советскими военными представителями. Иногда он пытался достичь своей цели через прямые контакты с генералом Штыковым.

21 мая 1946 г. Ким Ир Сен обратился к заместителю командующего 25-й армией по гражданской администрации в Северной Корее генерал-майору А.А. Романенко с просьбой разрешить организовать школу по подготовке командных кадров полиции Северной Кореи и выделить на работу в ней группу советских офицеров.¹⁰ В результате в июле того же года открылось Центральное училище полицейских кадров. Создание этого училища, заложившего основу будущих офицерских училищ Корейской Народной Армии, было нацелено на подготовку командиров и инженеров для таких разных родов войск, как сухопутные, артиллерийские, инженерные и войска связи. В то же время железнодорожные отряды всех провинций были объединены и реорганизованы в Северокорейский отряд железнодорожной охраны, состоявший из 13 рот.¹¹

В августе 1946 г. были организованы Училища по подготовке полицейских кадров как первой регулярной армии Северной Кореи в Пхеньяне, Кэчхоне, Синыйджу, Чонджу, Нанаме, Чхонджине и других городах. В ходе фактического формирования регулярных вооруженных сил для управления ими пытались создать "штаб или военный департамент" при Народном Комитете,¹² но официально учредить такой военный орган в администрации посчитали преждевременным. Поэтому руководящую роль взял на себя Штаб военного обуче-

ния полицейских кадров (начальник Чхве Ен Гон), который вскоре практически стал командованием армии.

На начальном этапе формирования армии условия, в которых оно происходило, были не так благоприятны, как предполагало северокорейское руководство. Снабжение военной формой и обувью было очень плохое, вследствие чего неудовлетворительное гигиеническое состояние военнослужащих "унижало достоинство армии". Необходимое оружие, разного рода оборудование и личная воинская экипировка поставлялись из захваченных у японцев военных трофеев Советского Союза. Приобретение этих военных материалов проводилось посредством реальной торговли между (Временным) Народным Комитетом Северной Кореи и советской военной властью. Например, в январе 1947 г. Военный Совет ПВО решил продать корейским формированиям около 25 видов трофейного обмундирования и распорядился, чтобы начальник тыла 25-й армии заключил с Временным Народным Комитетом Северной Кореи договор об обмене обмундирования на рис по твердым ценам.¹³

В ноябре 1946 г. на Севере состоялись выборы в волостные, уездные и городские народные комитеты, а в феврале следующего года Временный Народный Комитет Северной Кореи был преобразован в Народный Комитет Северной Кореи, в результате чего вместо Департамента полиции возник Департамент внутренних дел. Органа, управлявшего вооруженными силами при Народном Комитете Северной Кореи еще не было.

С начала 1947 г. северокорейское руководство активизировало усилия по укреплению своих вооруженных сил и укомплектованию их материальной базы. Старое японское оружие заменялось современным советским вооружением.

В январе на встрече Ким Ир Сена со Штыковым обсуждался вопрос о создании пограничной охраны на границе с Китаем, состояние которой вызвало серьезное беспокойство ввиду гражданской войны в Китае, которая могла бы затронуть и Корею. Обе стороны обменялись мнениями о масштабах пограничной охраны и договорились принять решение после того, как будет окончено снабжение подразделений обмундированием и их военное обучение.¹⁴ В марте того же года Ким Ир Сен просил командующего 25-й армией генерал-полковника И.М. Чистякова разрешить Департаменту внутренних дел начать формирование внутренних войск для охраны железных дорог и госпредприятий особой важности, а также создание пограничных войск для охраны государственной границы Северной Кореи.¹⁵ Такая просьба была ничем иным, как стремлением передать Департаменту внутренних дел права на создание полувооруженных сил. Таким образом, Народный Комитет начал функционировать на Севере как государственный орган, имеющий хотя бы отчасти право на ведение военного дела.

Ким Ир Сен продолжал добиваться повышения уровня вооруженных сил Северной Кореи через нового командующего 25-й армии генерал-полковника Г.П. Короткова, сменившего И. М. Чистякова. 15 апреля 1947 г. Ким Ир Сен выразил пожелание организовать курсы с общей численностью учащихся до 100 человек в Чхонджине для обучения мореходству кадров морской полиции и послать туда офицеров советского флота в качестве инструкторов, а также проводить сроком более года политическую подготовку в политическом училище, где учились корейские летчики и авиатехники (120 чел.) и выделить самолеты типа ПО-2 для тренировочных полетов.¹⁶ В это время Восточный и Западный морские отряды численно увеличились и были подразделены на 4 части.

Надежда Ким Ир Сена на создание "курсов" сбылась через три месяца. В июле 1947 г. Народный Комитет открыл в Вонсане Кадровое училище морской охраны на 300 человек. 20 августа был создан первый регулярный авиационный отряд северокорейских ВВС, который состоял из выпускников отдела авиации Пхеньянского училища и членов Ассоциации содействия авиации. Как можно заметить, в процессе создания авиационного отряда Советский Союз несколько колебался относительно предоставления Северной Корее высокого уровня вооружения.

В связи с ростом проникновения террористических, диверсионных групп с Юга, в г. Саривон в июле было образовано охранное войско для защиты границы по 38-й параллели в составе 2000 чел., которое увеличило прежде существовавшие там охранные отряды, подчинявшиеся Бюро безопасности при Народном Комитете Северной Кореи.

Создание Корейской Народной Армии и дальнейшее укрепление вооруженных сил

В условиях, когда разделение Кореи становилось все более очевидным, личный состав вооруженных сил на Севере постоянно увеличивался. 22 июля 1947г. Ким Ир Сен просил у командующего 25-й армией разрешения организовать учебный танково-самоходный полк (в составе 700 человек) с 35-40 танками и 15-20 самоходными орудиями, а также сформировать одну пехотную дивизию численностью в 10 тыс. человек.¹⁷ Хотя из соображений осторожности советская сторона сочла такую просьбу Ким Ир Сена чрезмерной, его надежды постепенно сбывались.

До самого последнего момента перед созданием Народной Армии уровень вооружений в Северной Корее был еще невысоким. Численность полицейских на Севере достигла 29000 человек, а количество винтовок у них не превышало 18000 шт., то есть около 11 тысяч полицейских несли службу совершенно безоружными.

Ким Ир Сен упомянул о недостатке военных советников и необходимой технической базы в Кадровом училище морской охраны и просил у советской стороны следующее: перевооружить полицию советским вооружением или выделить дополнительно 11 тысяч винтовок и достаточное количество боеприпасов; послать 4-5 военных советников в Кадровое училище морской охраны; продать Северной Корее до 40 моторных катеров для береговой охраны.¹⁸ Через несколько дней, то есть 22-го числа того же месяца, Ким Ир Сен еще раз направил письмо командующему ПВО генерал-полковнику С.С. Бирюзову, повторив свою просьбу.¹⁹

Таким образом, Ким Ир Сен лично управлял строительством вооруженных сил, вел соответствующие переговоры с советским военным руководством, проявляя иногда при этом большую настойчивость. Советская сторона, напротив, не так торопилась, поскольку укрепление вооруженных сил на Севере могло привести к обострению и без того очень сложных и спорных проблем Корейского полуострова.

Почему же Северная Корея так спешила с созданием Народной Армии, пойдя на это на 7 месяцев раньше, чем там образовалось государство? Причина в том, что к февралю 1948 г. можно уже было вполне определенно предположить появление сепаратного правительства на Юге и неизбежное обострение из-за этого борьбы за объединение страны. Ким Ир Сен по этому поводу гово-

рил, что Трудовая партия "выполнила задачу создания Народной Армии... для сохранения демократических реформ и защиты интересов народа".²⁰ Иными словами, он намеревался укрепить вооруженные силы еще до создания своего правительства, предвидя будущие внутренние и внешние провокации и готовясь к выводу советской армии, которая была его главной опорой.

Народный Комитет Северной Кореи принял 4 февраля 1948г. "Постановление о создании Департамента национальной обороны" и организовал наконеч в своем составе структуру военного руководства. ЦК КПСС разрешил ему создать Департамент национальной обороны и в день окончания проходившей тогда сессии Народного Собрания провести в Пхеньяне митинг и парад корейских национальных войск с участием одной дивизии и офицерской школы".²¹

В феврале 1948 г. на основе подразделений Училища по подготовке полицейских кадров была организована сухопутная дивизия, а в сентябре того же года в сухопутную дивизию преобразовали бригаду охраны при Департаменте внутренних дел. Таким образом, Народная Армия первоначально состояла из 2 дивизий, 1 бригады и 1 авиабатальона. Ее ряды затем постоянно расширялись.

Создание северокорейского правительства 9 сентября 1947 г. приблизило время вывода советских войск из Кореи. Хотя руководство Северной Кореи официально приветствовало это решение Советского Союза, внутренне оно переживало немалое беспокойство.²²

Несмотря на то, что с середины 1946 г. вооруженные силы Севера укреплялись вследствие многократных обращений Ким Ир Сена к Советскому Союзу за военной помощью, уровень их вооружений еще не достиг полностью независимого состояния. Поэтому 9 декабря 1948 г. Штыков сообщил Сталину о просьбе Ким Ир Сена развернуть новые части и соединения на базе имеющихся частей (1 пехотной дивизии, 1 пехотной бригады, 1 полицейской охранной бригады), доукомплектовать материальной частью до полного штата отдельный танко-самоходный полк и смешанный авиационный полк.²³ Северокорейское руководство надеялось также заключить с СССР договор о сотрудничестве и взаимопомощи для восполнения вакуума в военном равновесии, который возникнет после вывода советских войск. Но эта надежда не сбылась из-за отказа Советского Союза, которого беспокоило неизбежное противодействие со стороны США.

После создания правительства Северной Кореи оно постоянно прилагало усилия к дальнейшему укреплению своих вооруженных сил, сталкиваясь с проблемой нехватки средств для приобретения военных материалов у Советского Союза. Как выход из тупика Ким Ир Сен рассматривал торговлю с Советским Союзом на кредитных условиях. 17 марта 1949 г. между двумя странами был заключен ряд соглашений об экономическом и культурном сотрудничестве, о товарообороте и платежах и т. д.²⁴, которые официально позволяли СССР предоставлять Северной Корее кредит и технологическую помощь. По соглашению о товарообороте и платежах Советский Союз мог снабжать ее оружием и военной техникой более продвинутого уровня.

Состав и функции института советских военных советников

Институт советских военных советников был образован с целью оказания помощи северокорейским официальным вооруженным силам в обучении и проведении военных учений. Этот институт окончательно сформировался во время создания Народной Армии, но когда в августе 1946 г. организовалось

Училище по подготовке полицейских кадров как первая регулярная вооруженная сила Северной Кореи, с разрешения заместителя министра обороны СССР Н.А. Булганина туда были введены военные советники в количестве 3 генералов и 343 офицеров.²⁵ В основном ими назначали генералов и офицеров из 25-й армии, которая дислоцировалась в Северной Корее. Сначала, до апреля 1949 г., военных советников возглавлял генерал-майор И. И. Смирнов, затем, до февраля 1950 г., посол СССР в Северной Корее Т. Ф. Штыков. Но Штыков больше занимался политическими проблемами, чем военными делами.

До самого начала Корейской войны институт советских военных советников действовал под руководством и общим контролем Министерства Вооруженных сил СССР и был прикомандирован к министру национальной обороны КНДР и главнокомандующему КНА. Военные советники находились при командующих родами войск и начальниках служб КНА, в пехотных дивизиях и отдельных пехотных бригадах, пехотных и артиллерийских полках, отдельных боевых и учебных частях, в офицерском и политическом училищах и т.д. Военные советники в офицерских училищах и учебных частях оказывали содействие в воспитании командиров. Благодаря их деятельности Корейская Народная Армия была организована в соответствии со структурой Советской Армии периода Второй мировой войны. Учебные программы и пособия Советской Армии применялись в Корейской Народной Армии.

С помощью советских военных советников КНА имела в марте 1950г. следующий состав офицеров и специалистов:

сухопутные войска — 6,349 офицеров и 3,237 курсантов

ВВС — 116 летчиков, 228 авиатехников и специалистов

ВМФ — 612 офицеров и 640 матросов²⁶.

Численность военных советников колебалась в зависимости от выполняемых в разные периоды задач:

в августе 1946 г. — 346 чел., в феврале 1948 г. — 470 чел., 1 марта 1948 г. — 379 чел., 16 марта 1948 г. — 195 чел., в декабре 1948 г. — 209 чел., 24 февраля 1949 г. — 236 чел., 1 марта 1950 г. — 148 чел.

Приведенные выше цифры меньше в сравнении с данными, прежде известными в литературе. Обобщая эти цифры, можно сказать, что максимальное количество военных советников не превышало 470 чел. Тот факт, что после создания КНА их количество уменьшилось почти наполовину, был обусловлен решением о выводе советских войск из Северной Кореи. К примеру, Москва наметила до конца декабря 1948 г. вернуть в СССР 80 сотрудников Советской гражданской администрации и 1154 служащих военных комендатур, находившихся в Корее по состоянию на 15 сентября 1948 г.²⁷

Однако и после вывода советских войск немало кадров специального назначения продолжали помогать Северной Корее в разных военных вопросах. 19 февраля 1949 г. по решению Москвы там оставались 4293 советских военных специалиста. Среди них 4,020 человек были военнослужащими, остальные 273 человека — вольнонаемными работниками.²⁸

Следовательно, в противоположность утверждениям некоторых ученых, и после вывода советских войск немало военных специалистов из СССР оставались в Корее. Большинство из них возвратились на родину еще до начала Корейской войны, потому что Советский Союз не хотел обнаружить свое вмешательство в эту войну.

Расходы на содержание советников возмещались Народным Комитетом Северной Кореи в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 16 декабря 1947 г.²⁹ В 1948 г. общие расходы на содержание советских офицеров и советников достигли почти 100 миллионов вон, и эта сумма была выделена из бюджета Северной Кореи. Между тем, Т. Ф. Штыков придерживался иного, чем у московского руководства, мнения, выступая против отнесения всех расходов в сумме 1,146 миллионов вон на содержание советских войск, размещенных на северо-корейской территории, за счет бюджета Северной Кореи 1948 г.³⁰

Выводы о том, кто был субъектом создания северокорейской Народной Армии, Ким Ир Сен или советское военное руководство, не имеет значения, потому что обе стороны действовали в тесном сотрудничестве и там, где было нужно, брали инициативу на себя. Однако Ким Ир Сен сильнее ощущал необходимость создания этой армии, а советская сторона, учитывая международное положение и свои интересы, придерживалась более сдержанной позиции.

Советское военное руководство посредством оказания помощи осуществляло контрольную функцию в отношении руководства Трудовой партии Кореи. Окончательное решение важных политических вопросов принималось после получения санкции от московского руководства через ПВО, но обычно до этого между корейским руководством, командованием 25-й армии и ПВО достигалось согласие через обмен мнениями и переговоры. Однако по военным вопросам, их мнения не всегда учитывались при окончательном решении московским руководством, потому что последнее относилось к военным вопросам с большой осторожностью.

В процессе формирования армии, ее вооружения, обучения и т.д. Северная Корея в основном опиралась на Советский Союз. Оставленные японцами военные лагеря, военные плацы, стрельбища и военные материалы были переданы северокорейской стороне и образовали основу ее вооруженных сил. На основе богатого опыта, полученного во время Второй мировой войны, советские военные советники и инструкторы помогали в деле воспитания военных командиров и политработников, передавали современные военные знания, умение владеть боевой техникой. Естественно, что структура, стратегия и тактика Корейской Народной Армии строились по советскому образцу.

Советское правительство не жалело помощи и активно сотрудничало с северокорейским руководством в формировании Корейской Народной Армии, но не могло удовлетворить все его запросы, потому что, с одной стороны, Советский Союз сам страдал из-за нехватки средств и материалов при послевоенной реконструкции страны, а с другой стороны, не видел приоритетной стратегической важности вооружения Северной Кореи. Таким образом, на начальном этапе формирования своих вооруженных сил Северная Корея должна была опираться на оставленные японцами оружие и военное имущество, а советское современное вооружение и техника начали интенсивно поступать только непосредственно в ходе формирования Народной Армии. К тому же советская материальная помощь имела преимущественно форму купли-продажи. Такая тенденция продолжалась вплоть до начала Корейской войны.

1. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны), ф. 379, оп. 11034, д. 22, лл. 96-97.
2. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253с, д. 3, лл. 33-37.

3. Только со времени освобождения Кореи до конца 1945 г. Ким Ир Сен официально провел 79 выступлений и бесед, из них 8 были связаны с военными вопросами. Ким Ир Сен // Полное собрание сочинений. Т. 2. Пхеньян, 1992 (на кор. яз.).
4. ЦАМО, ф. 172, оп. 614632, д. 23, лл.4-5.
5. Там же, л. 5.
6. Там же.
7. Чонно. 1946. 15 января.
8. ЦАМО, ф. 172, оп. 614632, д. 23, л. 5.
9. АВПР (Архив внешней политики России), ф. 06, оп. 8, п. 39, д. 638, лл. 93-94.
10. ЦАМО, ф. 379, оп. 166654, д. 1, л. 12.
11. Чан Джун Ик. История Народной Армии Северной Кореи. Сеул, 1991. С. 47.
12. Дневник Штыкова. 1946. 9 сентября.
13. ЦАМО, ф. 172, оп. 614632, д. 48, лл. 3-5.
14. Дневник Штыкова. 1947. 4 января.
15. ЦАМО, ф. 379, оп. 166654, д. 1, л. 53.
16. Там же. лл.59-60.
17. Там же. л. 72.
18. ЦАМО, ф. 142, оп. 432241с, д. 3, лл. 96-97.
19. ЦАМО, ф. 142, оп. 432240с, д. 9, лл.2-6.
20. Ким Ир Сен. Избранные произведения. Т. 2, Пхеньян, 1954. С. 99 (на кор. яз.).
21. АВПР, ф. 07, оп. 21, п. 22, д. 316, л. 5.
22. ЦАМО-А. ф. 19, оп. 560, д. 8, л. 128.
23. ЦАМО. Военная помощь СССР Северной Корее после Второй мировой войны (1946-1953 гг.). л. 1.
24. Известия. 1949. 22 марта.
25. ЦАМО, ф. 40, оп. 178427, д. 90, лл. 120-121.
26. ЦАМО, Военная помощь СССР Северной Корее после Второй мировой войны (1946-1953 гг.). л. 18.
27. ЦАМО, ф. 40, оп. 178427, д. 90, лл. 137-138.
28. Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 523.
29. ЦАМО, ф. 40, оп. 178427, д. 90, лл. 120-121.
30. ЦАМО, ф. 172, оп. 614633, д. 3, лл. 11-12.

В Обществе российско-китайской дружбы

Торжественное собрание, посвященное 60-летию окончания Второй мировой войны

16 сентября 2005 г. в Москве в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе прошло торжественное собрание, посвященное 60-летию окончания Второй мировой войны.

Инициаторами проведения торжественного собрания были Общество российско-китайской дружбы и Институт Дальнего Востока РАН. В его организации также приняли участие Российский комитет ветеранов войны и военной службы, Международная ассоциация фондов мира, Российская часть Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития и другие общественные организации.

Гостями торжественного собрания были главы дипломатических представительств КНР, КНДР, СРВ и Монголии в РФ.

Участников и гостей собрания на площади перед зданием музея встречал торжественным построением Президентский полк, после чего все были приглашены в выставочный зал на открытие фотовыставки "Дальневосточный фронт".

Выставку открыл директор Центрального музея Великой Отечественной войны, генерал-лейтенант В.И. Забаровский. На церемонии открытия выступил также непосредственный участник дальневосточной операции Советской Армии майор И.В. Горяинов.

В своих выступлениях они отметили большое значение 60-летия победы союзных сил над японским милитаризмом, явившейся дальневосточным финалом Второй мировой войны.

После осмотра выставки участники и гости были приглашены в Киноконцертный зал музея, где состоялось торжественное собрание. В зале присутствовали ветераны войны, среди которых были и непосредственные участники сражений на Дальнем Востоке, слушатели Военной академии, активисты обществ дружбы России с Китаем, Кореей, Вьетнамом и Монголией, представители других общественных организаций, средств массовой информации,

учебных заведений столицы, сотрудники дипломатических представительств и землячеств КНР, КНДР, Монголии и Вьетнама.

Торжественное собрание, посвященное 60-летию окончания Второй мировой войны, открыл Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор Института Дальнего Востока РАН, академик М.Л. Титаренко. Он представил участникам собрания находящихся в президиуме: маршала Советского Союза Д.Т. Язова, Президента Военной академии, генерала армии М.А. Гареева, председателя комиссии Международной ассоциации фондов мира "Память народная", генерала армии В.Н. Лобова, первого заместителя председателя Совета ветеранов стран СНГ, вице-адмирала С.П. Варгина, дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР генерал-майора В.В. Горбатко, Героев Советского Союза: Н.В. Троян, адмирала Н.И. Хворина и генерал-майора С.М. Крамаренко, руководителей Обществ дружбы России с Китаем и Вьетнамом В.И. Иванова и Е.П. Глазунова, председателя Российской части Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития Л.В. Драчевского, члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ И.А. Рогачева.

В президиуме также были тепло встреченные участниками торжественного собрания: Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Лю Гучан, Чрезвычайный и Полномочный Посол КНДР в РФ Пак Ы Чун, Чрезвычайный и Полномочный Посол Монголии в РФ Хангай, Временный поверенный в делах Вьетнама в РФ Нгуен Суан Лыу.

Во вступительном слове академик М.Л. Титаренко сказал: "Мы отмечаем 60-летие завершающего этапа Второй мировой войны, которым стал разгром японского милитаризма, чтобы извлечь исторические уроки из этой трагедии, чтобы она никогда не повторилась... Мы преклоняемся и отдаем дань уважения ветеранам-участникам событий и глубоко чтим светлую память миллионов и миллионов воинов и мирных жителей, павших на полях сражений или ставших жертвами этой войны... Мы заявляем сегодня - никто не забыт, ничто не забыто".

Выступивший с докладом маршал Советского Союза Д.Т. Язов, руководитель авторского коллектива сводного тома "Памяти павших. Великая Отечественная война 1941-1945 гг." генерал армии М.А. Гареев и директор Центрального музея Великой Отечественной войны генерал-лейтенант В.И. Забаровский говорили о всемирно-историческом значении победы над германским фашизмом и японским милитаризмом, которое заключается прежде всего в спасении как нашей страны, так и всего человечества от угрозы порабощения и истребления.

Все выступавшие были единодушны в том, что эта великая победа достойна того, чтобы ею гордились еще многие и многие поколения людей нашей планеты, что светлая память о ней не должна служить средством конфронтации и нагнетания вражды между народами. Она должна спланивать их на противостояние новым вызовам и угрозам, способствовать взаимопониманию и

сотрудничеству, на что надеялись и во что верили миллионы участников Второй мировой войны.

Подчеркивая важное значение победы и решающий вклад в нее народов Советского Союза, отдавая дань светлой памяти павших и дань уважения живым ветеранам тех событий, выступившие воздали должное воинской доблести солдат и офицеров союзных армий Китая, США, Великобритании, Франции и других стран, отметили важную роль движения сопротивления в оккупированных странах Европы и национально-освободительного движения в странах Азии и Африки.

В выступлениях подчеркивалось также большое значение победы над германским фашизмом и японским милитаризмом для решительной борьбы за национальное освобождение народов колониальных и зависимых стран, что содействовало распаду, а затем и крушению колониальной системы.

Выступивший на торжественном собрании Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Лю Гучан подчеркнул, что более 14 лет продолжалась антияпонская война китайского народа, в результате которой погибли на фронтах или стали жертвами войны свыше 35 млн китайских граждан... Вступление в войну с Японией 9 августа 1945 г. Советского Союза приблизило день наступления долгожданного мира. В заключение Лю Гучан сказал о том, что китайский народ никогда не забудет большой помощи, которую оказал Советский Союз Китаю в борьбе против японской агрессии. Он пожелал здоровья и благополучия всем участникам сражения за освобождение Северо-Восточного Китая.

Символом наказа будущим поколениям стало вручение генералом армии М.А. Гареевым на вечное хранение Центральному музею Великой Отечественной войны сводного тома книг памяти павших в этой войне, выпущенного в канун 60-летия победы. Сводный том завершает уникальное многотомное мемориальное издание, состоящее из более чем 1500 томов общим тиражом около 20 млн экземпляров.

Презентация книги академика С.Л. Тихвинского "Век стремительных перемен"

2 сентября 2005 г. в Культурно-информационном центре "Китай" Института Дальнего Востока РАН состоялась презентация новой книги известного российского ученого-востоковеда, советника Президиума РАН, председателя Национального комитета российских историков, члена бюро Отделения историко-филологических наук, почетного председателя Общества российско-китайской дружбы, главного научного сотрудника ИДВ РАН, академика С.Л. Тихвинского.

Организаторами презентации выступили Институт Дальнего Востока РАН, Отделение историко-филологических наук РАН и Общество российско-китайской дружбы.

В презентации книги приняли участие представители МИД РФ, МГИМО(У) и Дипломатической академии МИД РФ, Института стран Азии и Африки при МГУ, члены бюро Отделений общественных и историко-филологических наук РАН, а также директора институтов всеобщей, российской истории, востоковедения и ИНИОН РАН, представители журналов "Проблемы Дальнего Востока", "Новая и новейшая история", издательства "Наука", сотрудники ИДВ РАН, руководители и члены Общества российско-китайской дружбы.

Открывая презентацию, директор ИДВ РАН, Председатель ОРКД, академик М.Л.Титаренко назвал новую книгу С.Л. Тихвинского не только своеобразным обобщением работ автора за последние 20 лет, но и подтверждением широты научных интересов одного из крупнейших историков-востоковедов. Опубликованные ученым за последние 20 лет работы, включая монографические исследования, посвящены актуальным вопросам всемирной истории, отечественной истории и Китаю XX века.

"С.Л. Тихвинский, которому 1 сентября исполнилось 87 лет, своим личным примером и своим неувядаемым творческим подвижничеством опроверг тезис Аристотеля и поучения Конфуция о возрастном пределе творческого акме, — сказал далее М.Л.Титаренко. — Мы, его ученики, последователи, соратники и коллеги, горячо и сердечно поздравляем Сергея Леонидовича с днем рождения и желаем ему крепкого здоровья, еще многих лет жизни на бодром творческом подъеме".

Анализируя содержание книги "Век стремительных перемен", академик М.Л.Титаренко подчеркнул глубокое комплексное внимание ученого к ключевым проблемам развития современного мира, к кардинальным вопросам новой и новейшей истории.

В книге, по словам М.Л.Титаренко, уделяется большое внимание вопросам судеб капитализма и социализма, глобализации и роли цивилизационного фактора, оценке антивоенного движения и освободительных революций, причин трагического распада Советского Союза.

Все эти вопросы С.Л.Тихвинский исследует, привлекая широчайшие пласты первоисточников из всемирной, отечественной истории и истории соседних стран, прежде всего Китая и Японии.

Академик М.Л.Титаренко подчеркнул большое значение того, что автор книги "Век стремительных перемен" показывает процесс глобализации в исторической ретроспективе, уделяет большое внимание вопросам развития отношений России с Японией и КНР, а также актуальным вопросам новейшей истории Китая.

Академик М.Л.Титаренко и выступивший затем Полномочный Министр Посольства КНР в РФ Лэ Юйчэн отметили большое значение публикации в этой книге принципиально важных документов, касающихся судеб и перспектив развития Китая в период антияпонской войны, на завершающем этапе гражданской войны в Китае и образования КНР. К ним относятся переписка Чан Кайши с И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым в 1937—1939 гг., а также переписка И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 г.

Высокую оценку работе дали выступившие на презентации директор Института всеобщей истории РАН, академик А.О. Чубарьян, директор ИСАА при МГУ, д.и.н, профессор М.С. Мейер, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО(У) МИД РФ, д.полит.н., профессор А.Д. Воскресенский, председатель Клуба встреч Совета ветеранов МИД РФ Чрезвычайный и Полномочный посол В.Л. Журавлев, член этого клуба, Чрезвычайный и Полномочный посол И.И.Сафронов, главные научные сотрудники ИДВ РАН Л.С. Переломов, Ю.М. Галенович и Э.П. Пивоварова.

Все выступавшие были едины в том, что новая книга академика С.Л. Тихвинского — это серьезный вклад в отечественную историческую науку и российское востоковедение. Позиция академика С.Л. Тихвинского — это пример самоотверженного служения Отечеству, пример научности и гражданственности.

Как сказал в своем выступлении академик А.О. Чубарьян: "С.Л. Тихвинский — это человек-легенда, кладезь огромных знаний и интеллигентности, это человек, который служит для своих последователей и особенно молодого поколения ученых и российской интеллигенции в целом примером честного, бескорыстного, преданного служения своему долгу и своему призванию".

В заключение академик С.Л.Тихвинский поблагодарил организаторов мероприятия и его участников и заверил, что и впредь намерен в меру своих возможностей продолжать трудиться во имя российской науки, дела взаимопонимания и дружбы между народами России и Китая, приобщая к этому многогранному, но благородному делу молодежь России.

© 2005

Г.Куликова,
старший научный сотрудник
Центра "Россия—Китай" ИДВ РАН,
первый заместитель председателя ОРКД

Научная жизнь

XV Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы"

27-29 сентября 2005 г. в Институте Дальнего Востока Российской Академии наук состоялась XV Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы", организованная Научным Советом по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделением международных отношений РАН совместно с Институтом Дальнего Востока РАН и Российской ассоциацией китаеведов.

"Усиление Китая: внутренние и международные аспекты" — основная тема, которой была посвящена конференция.

Работа секций велась по пяти направлениям: "Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия", "Усиление Китая: новые моменты в общественно-политической жизни страны после XVI съезда КПК", "Международно-политические проблемы усиления Китая в условиях глобализации", "История и историография Китая, традиции и современность", "Проблемы и перспективы межцивилизационных связей Китая с другими странами в условиях глобализации".

В работе конференции наряду с российскими китаеведами и востоковедами из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Иркутска, Хабаровска, Барнаула, Тюмени приняли участие ученые из различных научных центров Китайской Народной Республики (Академии общественных наук Китая, Шанхайской АОН, Пекинской Административной академии, Пекинского педагогического университета, Синьцзянского университета, Цзилиньской АОН, Хэйлунцзянской АОН и др.) представители посольства КНР в РФ, китайские журналисты, исследователи из Белоруссии, Украины, Казахстана, Индии, Франции.

Конференция и первое пленарное заседание были открыты академиком РАН, директором Института Дальнего Востока РАН, профессором М.Л. Титаренко. В своем выступлении он отметил актуальность темы конференции, обосуждение которой позволит выявить глубинные тенденции развития Китая в XXI в. Необходим всесторонний анализ процесса и особенностей усиления Китая, формирования позитивного и адекватного образа нашего соседа в российском обществе для дальнейшего развития отношений стратегического партнерства между нашими странами. Начавшийся XXI век знаменуется ускоренным развитием мировой экономики, углублением процесса глобализации не только

в хозяйственно-экономической сфере, но и в области культуры, международных отношений. Такое развитие, с одной стороны, предоставляет многим странам благоприятный шанс, например, позволяет Китаю и России раскрыть свой потенциал развития, вносить достойный вклад в мировую цивилизацию. Это требует дальнейшего совершенствования сотрудничества и взаимодействия двух великих государств не только между собой, но и с мировым сообществом в целом.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Временный поверенный в делах КНР в РФ, Полномочный министр Чэнь Гопин. "XV международная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир", бесспорно, является событием в научной жизни специалистов, изучающих Китай, событием, вносящим вклад в дело укрепления взаимопонимания, всестороннего продвижения взаимовыгодного сотрудничества и непрерывного развития отношений партнерства и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией", — подчеркнул он, особо отметив, что выбор темы конференции свидетельствует о понимании актуальности процессов, идущих в КНР, и о том внимании с каким мировое сообщество следит за успехами Китая. Концепция "китайской угрозы" не отвечает реалиям, ведь развитие Китая не угрожает миру, напротив, вносит вклад в мировую экономику, является локомотивом экономического развития в Азии. Угрозу миру может представлять стагнация Китая, его нестабильность. От имени Посла КНР в РФ Лю Гучана Чэнь Гопин передал теплые приветствия участникам конференции и пожелал успехов ее работе.

С приветственными словами к участникам конференции от имени президента Хэйлуунцзянской АОН академика Цюй Вэя обратился проф. Чжао Личжи, пожелавший успехов работе конференции и лучшего понимания внутренней и внешней политики КНР.

На пленарном заседании 27 сентября было заслушано несколько научных докладов: академика РАН Титаренко М.Л. "Ступени усиления мощи и возвышения Китая", главного научного сотрудника Национального центра научных исследований Ж.П. Кабестана (Франция) "Новая внешняя политика Китая: "мирное развитие" и становление великой державы", зам. директора, д.э.н. ИДВ РАН А.В. Островского "Развитие торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР — магистральный путь для интеграции России в АТР", проф. Пекинского педагогического университета Ли Сина "Новый мировой порядок и китайская дипломатия".

М.Л. Титаренко в своем выступлении обратил особое внимание на тот факт, что выдающиеся успехи Китая в различных сферах вселяют чувство гордости, укрепляют патриотические настроения китайской общественности. Идея мирного усиления или возвышения Китая "хэпин цзюэчи" возникла отнюдь не по прихоти кабинетных идеологов. Она формируется на фоне бурного экономического роста совокупной мощи КНР, высоких темпов развития, углубления и расширения масштабов политики реформ и открытости. Хранимые исторической памяти китайского народа представления о былом могуществе страны и громадные нынешние достижения КНР дают основания для гордости и постановки задачи возрождения величия Китая. Следует особо подчеркнуть, что нынешняя постановка этой проблемы принципиально отличается от прошлых представлений о величии Китая и путях его достижения, которые выдвигались китайскими реформаторами во второй половине века (Кан Ювзем, Ян Фу, Тан Сытуном, Сунь Ятсеном и его последователями в Гоминьдане). Нынешние лидеры КНР и китайские ученые ставят вопрос таким образом, что возрастание мировой глобальной роли Китая должно протекать мирно, с учетом интересов других стран, на основе сотрудничества и соразвития, уважения других цивилизаций и конструктивного диалога с ними.

Ж.П. Кабестан основной акцент в своем докладе сделал на значительных изменениях, происшедших во внешней политике КНР с 2000—2001 гг., что свидетельствует о постепенной и неуклонной интеграции Китая в мировую экономику. Однако, отметил докладчик, в сфере обеспечения безопасности политика КНР остается сфокусированной на Тайване и нацеленной против США и Японии, что, бесспорно, мешает реальному улучшению отношений с этими странами. Более того, сдержанность провозглашаемого и проводимого внешнеполитического курса несколько контрастирует с растущим национализмом и быстрыми темпами модернизации армии в КНР. Это, по мнению, Ж.П. Кабестана, создает определенные основания для подозрений и военной напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В выступлении А.В. Островского прозвучали позитивные оценки перспектив торгово-экономических отношений РФ и КНР. В настоящее время, по его мнению, наиболее эффективными для сотрудничества являются четыре основных направления: в сфере энергоресурсов — по совместной добыче, транспортировке и переработке энергоносителей — нефти и газа в Восточной и Западной Сибири и на Дальнем Востоке; в области транспорта — реконструкция Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, строительство мостовых переходов через реки Амур и Уссури, строительство шоссейной дороги Чита—Хабаровск; в сфере межбанковского и инвестиционного сотрудничества — создание крупного российского банка развития для Дальнего Востока и Сибири в целях обеспечения источников финансирования региональных проектов, формирования благоприятного инвестиционного климата для привлечения иностранных инвесторов на территорию Сибири и Дальнего Востока; в области использования иностранной рабочей силы для освоения Сибири и Дальнего Востока.

Ли Син обратил внимание участников конференции на тот факт, что в новых исторических условиях формирования многополярного мира происходит наполнение иным смыслом многих понятий, которыми привыкли оперировать политологи и исследователи международных отношений, в частности понятий “суверенитет”, “развитие”. Быстро развивающийся Китай действительно изменяет современный мир, вносит значительный вклад в его развитие. Говоря об основных задачах китайской дипломатии в новых условиях, Ли Син определил следующие: Китай должен отказаться от политики “страуса”, должен активнее участвовать в управлении миром, решении глобальных проблем, тесно сотрудничать с другими странами, чтобы развиваться, эффективно участвовать в деятельности международных организаций, развивать народную дипломатию, формировать позитивный образ страны в мире, вести взаимообогащающий культурный диалог с другими народами, урегулировать с соседними государствами остающиеся нерешенными пограничные проблемы.

29 сентября состоялся свободный обмен мнениями участников конференции на тему “Изменение роли Китая в мировой экономике и глобальной политике” “Участникам “круглого стола” были предложены следующие вопросы к обсуждению:

Что может помешать Китаю осуществить задачу возрождения страны?

Каковы шансы соразвития России и Китая в условиях глобализации?

В работе “круглого стола” приняло участие более 100 ученых, включая китайских, 15 человек выступили с комментариями (М.Л. Титаренко, А.Г. Ларин, А.В. Ломанов, П.Б. Каменнов, О.Н. Борох, Я.М. Бергер, Ли Син, Чжао Личжи, Ю.М. Галенович, Л.И. Кондрашева и др.)

Ж.П. Кабестан, например, изложил взгляды европейских ученых и общественности на так называемую “китайскую угрозу”. Он выделил следующие факторы, которые вызывают опасения и могут вызвать нестабильность китайского общества, тем самым дестабилизируя ситуацию в мире: экономическое развитие, социальные вызовы (здравоохранение и образование), экология, модернизация НОАК, Тайваньская проблема, однопартийная политическая система, идеологический и организационный контроль КПК.

Подводя итоги работы “круглого стола”, в своем заключительном слове академик РАН М.Л. Титаренко сформулировал следующие выводы:

В ходе общественного развития в XXI веке одни противоречия будут сменять другие, что закономерно. Политикам, ученым, общественным деятелям необходимо искать пути их преодоления во взаимоприемлемом и конструктивном духе.

В последние годы имеет место тенденция повышения конкурентоспособности Китая. КНР сталкивается с возрастающей конкуренцией развитых стран на мировых рынках. Главные стратегические вызовы связаны с проблемой обеспечения устойчивого развития, прежде всего, ее экологической, социальной составляющими, а также с обеспечением растущего в стране спроса на ресурсы. Угрозу для мира представляет слабый, неразвивающийся, нестабильный Китай.

Продвижение политики усиления и возвышения Китая неизбежно, особенно на начальных этапах, будет сталкиваться с целым рядом подводных камней как внутри самого Китая, так и на международной арене.

Российско-китайское сотрудничество и стратегическое партнерство является важным фактором стабильности и безопасности в мире, экономического сотрудничества и межкультурного диалога в XXI веке.

В заключение были заслушаны выступления руководителей секций¹.

27-28 сентября 2005 г. на заседаниях секции “Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия и перспективы” было заслушано девять докладов по проблемам экономической реформы в КНР и ее социально-политических последствий. В первый день работы обсуждались различные внутренние аспекты экономической реформы в Китае, а во второй день — влияние китайских реформ на мировую экономику.

Значительный интерес аудитории вызвали доклады, посвященные проблемам реформы в финансовой сфере КНР. По этой тематике выступили сотрудник ИДВ РАН к.э.н. Шевель И.Б. и аспирантка философского факультета МГУ Лю И (КНР), причем мнения докладчиков о предварительных результатах реформы заметно отличались друг от друга. И.Б. Шевель считает, что несмотря на проводимые меры в китайской экономике не хватает свободных финансовых средств, и большинство малых и средних предприятий испытывают трудности с кредитованием, в связи с чем значительная часть финансовых операций совершается нелегально. Развернувшаяся в Китае борьба с отмыванием “грязных денег”, получаемых в результате контрабанды, торговли наркотиков и др. свидетельствует о формировании в стране нелегального финансового рынка.

В свою очередь Лю И, напротив, считает, что в Китае существует переизбыток финансовых средств, что выражается в резком увеличении объемов инвестиций в капитальное строительство. В результате происходит раздувание масштабов капитального строительства и дублирование. Наиболее ярко, по мнению докладчика, об этом свидетельствуют опережающие темпы роста ин-

вестиций — 12% в год, а выпуск продукции по таким видам товаров как легковые автомобили и цемент уже превысили реальный спрос на внутреннем рынке.

Доклад заместителя директора Института международных отношений Ляонинского университета проф. Сюй Болина был посвящен развитию торгово-экономических отношений России и КНР. В своем докладе Сюй Болин не только представил развернутую картину состояния российско-китайских торгово-экономических отношений, проанализировав основные проблемы, связанные с дальнейшим увеличением объемов российско-китайской торговли. К ним, в частности, докладчик отнес плохую работу таможенных служб обеих сторон, а также обмен товарами разных отраслей промышленности. В настоящее время российско-китайские внешнеторговые отношения находятся, считает Сюй Болин, на начальной стадии развития, которая характеризуется обменом товара на товар, а не кооперационными связями между предприятиями, взаимными инвестициями в экономику обеих стран и взаимным участием в крупных инвестиционных проектах. Перечисленные изменения позволили бы заметно увеличить объем внешней торговли между странами. В результате доля российско-китайской торговли в общем объеме внешней торговли КНР невелика и наблюдается тенденция к ее снижению, подчеркнул докладчик.

В ходе развернувшейся дискуссии большое внимание уделялось проблемам перспектив развития российско-китайских торгово-экономических связей. В частности, д.э.н. Яковсон из Иркутского железнодорожного университета отметил, что очень важную роль в расширении или снижении объема внешне-экономических связей между РФ и КНР играет такой фактор как формирование имиджа России в Китае и Китая в России. Поэтому для стимулирования развития этих связей необходимо заботиться как о положительном образе России у представителей китайского бизнеса, так и о положительном образе Китая в российских деловых кругах. В выступлении А.В. Бондаренко указывалось, что несмотря на заявления руководства РФ о необходимости увеличения объема российско-китайских торгово-экономических связей, для достижения этих целей делается еще очень мало. На примере развития приграничных торгово-экономических связей Алтайского края было показано, что из-за недостатка финансовых средств не развивается инфраструктура для реального увеличения объема внешней торговли. В частности, по-прежнему не открыты консульство РФ в Урумчи и консульство КНР в Новосибирске, сократилось количество контрольно-пропускных пунктов с российской стороны. До сих пор отсутствуют даже планы по строительству автомобильной дороги через перевал Канас на границе РФ и КНР на Алтае.

В ходе дискуссии ее участники пришли к выводу, что одной из важных задач является изучение опыта китайских реформ, возможностей использования этого опыта в России и проведение дальнейшего анализа факторов, оказывающих влияние на изменение места Китая в мировой экономике, на развитие российско-китайских торгово-экономических отношений.

Обсуждавшиеся на секции **“Усиление Китая: новые моменты в общественно-политической жизни страны после XVI съезда КПК”** вопросы и проблемы выходили далеко за рамки указанной в названии темы, да это и неизбежно, поскольку все явления общественно-политической жизни Китая имеют свою предысторию и неразрывно связаны с комплексом проблем китайской модернизации, которая, как это и было отражено в выступлениях, переживает после XVI съезда КПК новый этап развития. Было заслушано двенадцать докладов, среди них — три доклада исследователей из КНР.

В работе секции нашли отражение все новые акценты в политике модернизации, определенные четвертым поколением китайских руководителей. Значительное место в работе секции заняли дискуссии по таким темам, как национальная политика, партийно-политическое строительство, развитие права, судебная реформа, политическая реформа. По сути, все стороны внутриполитического процесса и новой стратегии модернизации в той или иной степени были затронуты в докладах и на обсуждениях.

В докладах Чжан Фэна и Ван Чжигуана, Д.А.Смирнова, Н.Л.Мамаевой, В.Ф.Бородича детально обсуждались новации в области политики управления государством и обществом со стороны партии и проблемы усиления консультативных функций НПКСК, направленных на совершенствование процесса "политического участия" демократических партий и беспартийных в работе властных структур, рассматривались процессы демократизации в Китае и России, идея стабильности оценивалась в качестве основного фактора, стимулирующего в КНР поиск новых подходов к политике развития.

Вопросы развития в КНР различных отраслей права нашли отражение в докладах Хэ Минцзюня и Л.М. Гудошникова. Доклад Хэ Минцзюня был посвящен актуальной в свете сегодняшнего развития политических процессов проблеме судебной реформы, которая, как это было представлено на конференции, наряду с партийной, административной и реформой ВСНП, характеризует содержание политической реформы в Китае в XXI веке. Л.М. Гудошников поставил проблему влияния советского права на формирование в 50-х гг. XX века в КНР различных отраслей права. При этом, он отметил, что несмотря на тесное взаимодействие в этой сфере, нельзя говорить о прямом заимствовании в Китае советского права.

Национальная политика китайского руководства была на секции одним из самых обсуждаемых вопросов. В частности, большой интерес у участников конференции вызвал доклад Чжао Сяоланя, предметом которого был национальный вопрос в приграничных районах Китая, которые первыми встретили лицом к лицу экономическую глобализацию. Докладчиком представлена объективная картина и успехов, и сложных проблем в области национальной политики, обозначены первые успехи китайского руководства в области освоения слаборазвитых районов. В обсуждении доклада активное участие приняли А.А.Москалев и Т.В.Лазарева.

В секции "Международно-политические проблемы усиления Китая в условиях глобализации" дискуссии сосредоточились на трех крупных темах.

Интеграционные процессы в Восточной Азии. К.э.н. В.Б. Якубовский (ИДВ) в докладе "Китай в Восточноазиатском интеграционном поле: вызовы и возможности" отметил, что КНР в настоящее время активно участвует в интеграционных процессах и сумела добиться значительных успехов. Ей удалось привлечь огромные объемы иностранных инвестиций, не допустив при этом и намека на возникновение чего-нибудь вроде колониальной зависимости. Китай "мягкими" способами существенно влияет на течение интеграционных процессов, призывая учитывать интересы развивающихся стран, добивается того, что последние начинают все больше ориентироваться на него. Мало того, Китай и сам инициирует интеграционные процессы, что хорошо видно на примере "АСЕН +3". Все это постепенно выводит КНР на доминирующие позиции в интеграционном поле. России, считает докладчик, следует всеми силами стремиться войти в это поле, для чего необходимо наладить тесное и эффективное взаимодействие с Китаем.

Итоговое мнение участников обсуждения относительно оптимальной стратегической линии России совпало с заключительной идеей доклада.

Россия и Китай в Центральной Азии и ШОС. К.ф.н. А.Г. Ларин (ИДВ) в докладе "Стратегический треугольник" в Центральной Азии" подверг критике концепцию сотрудничества России и США в модернизации "несостоявшихся" стран данного региона. По мнению докладчика, она означает для России отказ от самостоятельной внешней политики ради неизвестно каких выгод. Цели двух держав в ЦА, их подходы к проблемам вмешательства во внутренние дела суверенных стран мало согласуются друг с другом. Гораздо ближе позиции России и Китая, сотрудничество РФ и КНР, бесспорно, будет способствовать укреплению их позиций в регионе.

Китайский подход к проблемам международных отношений в ЦА был обрисован в докладах профессоров Цзи Чжие (институт России при Китайской академии современных международных отношений), Нью Цзюйшэна (университет г. Сучжоу), Ли Сина (Пекинский педагогический университет). Их выступления дополнил проф. Я.М. Бергер (журнал "Проблемы Дальнего Востока"), изложивший свое видение китайского подхода на основании материалов других российско-китайских научных форумов. Суммарно наиболее важные положения китайской платформы таковы:

Китай признает исторически сложившуюся главенствующую роль России в ЦА и, кстати, с пониманием относится к наличию там российских баз. Китай не стремится быть первым в ШОС, не ставит целью подчинить своим интересам экономику региона, а хочет работать на общее благо всех его субъектов.

Угроза, проистекающая из американского военного присутствия, крайне незначительна, однако присутствие США — это надолго, и с этим придется считаться. Ни Россия, ни США не в состоянии вытеснить друг друга из региона. Китай решительно поддерживает Россию и намерен действовать в ЦА только в сотрудничестве с ней. Китай в принципе не планирует создавать свои базы в ЦА. Однако в случае необходимости размещение баз возможно в рамках ШОС. Желательно, чтобы Россия активизировалась в ЦА и укрепила бы там свое влияние.

Китай и Россия крайне заинтересованы в укреплении стабильности в регионе ЦА, для чего необходимо оказывать странам региона долговременную помощь в подьеме экономики. В этом направлении возможно сотрудничество всех трех держав. Полезным здесь могло бы стать распространение китайского опыта реформ и модернизации экономики.

Проблемы российско-китайской границы. Здесь предметом долгого оживленного разговора стала идея проф. Ю.М. Галеновича (ИДВ), о том что имеющиеся Соглашения о границе — это лишь предварительный этап, за которым должно последовать подписание полноценного документа — пограничного Договора. Пока его нет, вопрос о "неравноправных договорах" нельзя считать полностью исключенным из межгосударственных отношений, так как в российском общественном сознании продолжают жить опасения относительно "китайской угрозы". Когда такой Договор будет заключен, вопрос о "неравноправных договорах" останется объектом исторических исследований и темой школьных курсов в России и в Китае.

С точки зрения китайских коллег (проф. Лю Цинцай из Цзилиньского университета и др.), соглашение, ратифицированное законодательными органами обеих государств, является абсолютно полноценным международным документом, и ничего большего здесь не требуется. Соглашение отражает глубоко

кую заинтересованность Китая в мирном окружении, в развитии отношений стратегического партнерства с Россией, и России нет оснований тревожиться относительно неизбежности границы.

В ходе дискуссии и российские, и китайские ученые согласились с необходимостью серьезно работать, чтобы укреплять доверие народов обеих стран.

В работе секции **“История и историография. Традиции и современность”** приняло участие более двадцать участников конференции, в том числе из Санкт-Петербурга, Владивостока, Барнаула и Москвы, с докладами и сообщениями выступили пять человек.

Д.и.н., проф. Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Б.Г. Доронин в своем сообщении о Международной конференции по истории Цинов, проходившей в Пекине летом 2005 г., в которой он принял участие, поделился впечатлениями о конференции, ее составе, уровне изучения истории Цинов. Б.Г. Доронин особо отметил то большое внимание, которое уделяется со стороны руководства КНР общественным наукам и, в частности, истории, подчеркнув, насколько лучше по сравнению с Россией финансируются исследования по данной тематике.

Д.и.н. В.Н. Усов (ИДВ) в своем сообщении **“Новые книги по “культурной революции”**, выпущенные в КНР в последние годы, обратил внимание на несколько крупных изданий по этой теме, появившихся в Китае. Это говорит о том, что в КНР продолжается работа по изданию литературы по **“культурной революции”** вопреки бытующему среди некоторых историков мнению, что изучение **“культурной революции”** в КНР прекращено. К сожалению, большая часть материалов из этих изданий еще не введена в научный оборот у нас в стране.

Д.и.н. Л.С. Переломов (ИДВ) рассказал, как в модернизированном виде конфуцианство внедряется в КНР по всей стране, включая начальные и средние школы, какое внимание уделяется этому вопросу со стороны китайского руководства.

К.и.н. А.Н. Хохлов (ИВ РАН) выступил с интересным сообщением **“Л.Ф. Болюзек — первый российский посланник империи Цин”**. Была изложена его деятельность на посту российского посланника и его роль в продаже российского стрелкового оружия китайцам и обучении владения этим оружием.

Хуан Лилян (аспирант ИДВ) в своем сообщении **“К вопросу об изучении в Китае концепции Конфуция — “Достижение единства через разномыслие” (хэ эр бу тун)**, излагает анализ концепции **“хэ эр бу тун”**, данный на научном симпозиуме, посвященном 2555-й годовщине со дня рождения Конфуция в 2004 г. В частности он остановился на выступлении члена редколлегии журнала **“Изучение конфуцианства”** Ван Цзюньлина, который критикуя теорию глобализации по-американски, противопоставляет ей конфуцианский принцип **“хэ эр бу тун”**.

А.Ю. Калинина (Барнаульский пед. ин-т) выступила с интересным сообщением **“Специфика геополитического пространства Синьцзяна в системе советско-китайских отношений”**. Автор использовал культурологический и синтетический подходы к национально-освободительному движению в Синьцзяне в первой половине XX века. Она попыталась рассмотреть понятия **“пограничность”**, **“граница”** (как единица семиотического порядка) на конкретном историческом материале — событиях в Синьцзяне в 20-30-40-е годы XX в.

Руководитель секции **“Проблемы и перспективы межцивилизационных связей Китая с другими странами в условиях глобализации”** д.филос.н., проф. А.Е. Лукьянов дал общий анализ работы секции, в которой приняло уча-

стие более тридцати российских и иностранных ученых. Были заслушаны четырнадцать докладов и обсуждены восемь ключевых тем: взаимодействие российской, китайской и индийской цивилизаций, роль социального и природного ландшафта в формировании менталитета сельского и городского населения Китая, новые векторы образовательной политики в КНР, культурно-хозяйственная типология Китая, этническая лингвистика, проблемы семейно-брачных отношений в Китае, классическая и современная литература Китая, новые аспекты социальной концепции китайского буддизма. Внимание ученых было сфокусировано на вопросах “воспитания нового человека” в условиях “построения сяо кан” и “духовной цивилизации” в Китае, модификации семьи и изменении мировоззренческого представления о социальном и природном космосе. По общему признанию ученых в работе секции было открыто новое направление в отечественном китаеведении — язык и тексты китайских мусульман — и конкретизированы перспективы изучения соотношения природно-географического и духовно-этнического ландшафтов в рамках темы “культурное самосознание”. Кроме того, в новом ракурсе обозначилась проблема определения понятий “цивилизация” и “культура” в контексте теории нового евразийства. Творчески дискуссионным остался вопрос о критериях цивилизационной и культурной самоидентификации. Участники секции сформулировали ряд тем для обсуждения на следующей XVI конференции, посвященной 40-летию ИДВ РАН.

На закрытии конференции академик РАН, профессор М.Л. Титаренко в своем заключительном слове подчеркнул, что XV Международная научная конференция “Китай, китайская цивилизация и мир” стала поистине международной трибуной для обмена мнениями. “Круглый стол” способствовал творческому обогащению ученых, обмену мнениями среди китаеведов и политологов по актуальнейшей проблеме усиления мощи и возвышения современного Китая. Дискуссии в рамках “круглого стола”, выявив различные точки зрения и разные методологические подходы, способствовали углублению осознания места и роли Китая в мировой экономике и политике. Конференция явилась новым шагом в изучении Китая, о чем убедительно свидетельствуют более 100 опубликованных тезисов докладов², представленных в Оргкомитет конференции. М.Л. Титаренко сообщил тему следующей XVI конференции “Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее)”, которая состоится в сентябре 2006 г. Он поблагодарил Оргкомитет, зарубежных гостей и всех участников конференции за активную работу, особо отметив, что работа конференции проходила в дружественной и демократической атмосфере, характеризовалась духом заинтересованного научного сотрудничества.

© 2005

О. Почагина,
кандидат исторических наук

1. С полными текстами отчетов руководителей секций можно ознакомиться на сайте ИДВ РАН <http://www.ifes-ras.ru>
2. Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Тезисы докладов XV Международной научной конференции “Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы” (Москва, 27-29 сентября 2005 г.) М.: ИДВ РАН, 2005. В 2-х ч.

Ученый совет ИДВ РАН, посвященный 60-летию Победы на Дальнем Востоке

19 сентября 2005 г. состоялось заседание Ученого совета ИДВ РАН, посвященное 60-летию окончания Второй мировой войны на ее Азиатско-Тихоокеанском театре.

Основной доклад в связи с этим событием был сделан главным научным сотрудником Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации доктором исторических наук, профессором Зимониным В.П. В нем были рассмотрены основные вопросы, связанные с ходом и исходом войны на Тихом океане, а именно: обстановка на театрах военных действий союзников против Японии на завершающем этапе войны; главные операции союзных сил, проведенные против японских войск, решения, принятые Ялтинской и Потсдамской конференциями, касающиеся вступления СССР в войну с Японией, ход операции советских вооруженных сил против японских войск в Северном и Восточном Китае, Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах и их результаты.

Освещая обстановку на театрах военных действий войны, докладчик подчеркнул, что в результате проведения ряда успешных операций против японских войск, союзники с начала 1945 года прочно удерживали на Азиатско-Тихоокеанском театре войны стратегическую инициативу, эффективно осуществляли блокаду Японских островов, которая сделала невозможным стабильное обеспечение потребностей императорской армии в вооружении и военной технике, а также в горюче-смазочных материалах и продовольствии. Особенно чувствительным стал дефицит нефти и нефтепродуктов, доставка которых осуществлялась в весьма скромных количествах из оккупированных районов Китая.

Тем не менее, несмотря на такую драматическую для Токио обстановку, японское военно-политическое руководство по-прежнему не помышляло о безоговорочной капитуляции, не уменьшая силу сопротивления на прежних направлениях вооруженной борьбы, оно лихорадочно готовилось для отпора американо-британского наступления непосредственно на Японские острова, организовывало оборону на Северо-Востоке Китая и в Корее.

В конце января 1945 г. всем командующим японскими войсками (силами) на Азиатско-Тихоокеанском театре войны была разослана директива следующего содержания: "Императорская ставка предполагает сломить боевой

дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре”.

Понимая, что союзники рано или поздно войдут на ближайшие подступы к Японским островам и начнут подготовку операции по вторжению на собственно японскую территорию, в императорской ставке было принято решение превратить Японию, Корею и оккупированные районы Китая “в неприступные крепости”, чтобы заставить противника нести большие потери, затянув войну, обескровить его и, в конечном итоге, избежать безоговорочной капитуляции и добиться приемлемых условий мира. Решение этой задачи было возложено на японские экспедиционные силы в Китае, Квантунскую группировку войск, Объединенные армии национальной обороны в метрополии. Кроме того, планировалось продолжать вести активные боевые действия войсками Южной группы армий, фронтов на тихоокеанских островных территориях, Объединенной воздушной армии, силами военно-морского флота.

Наряду с увеличением численности японских войск до более чем 7 млн человек, военно-политическое руководство страны в интересах ужесточения сопротивления противнику пошло на крайние меры: в сухопутных войсках формировались отряды (бригады) смертников для борьбы с танками, в военно-воздушных и военно-морских силах усиленно готовились летчики-смертники (“камикадзе”), экипажи взрывающихся скоростных катеров и человеко-торпеды (“кайтэн”).

Применявшаяся союзниками стратегия ведения войны против Японии в основном силами флота и авиации была признана не достаточно эффективной, чтобы принудить Токио к безоговорочной капитуляции. Для полного обескровливания Японии требовалось проведение скоординированной по времени и основным направлениям широкомасштабной совместной операции сухопутных войск, сил флота и авиации с целью нанесения решающего поражения какой-либо крупной и стратегически важной группировки японских войск (сил).

Наиболее результативным представлялся разгром японской группировки в Маньчжурско-корейском районе, который обладал достаточно развитой промышленно-сырьевой базой и играл роль связующего звена японской метрополии с континентом. Решить эту задачу в приемлемые временные сроки могли только вооруженные силы СССР. Это предопределило характер и содержание решений, принятых союзниками на Крымской и Берлинской (Потсдамской) конференциях, в частях, касающихся подключения СССР к войне на Тихом океане и условий, на которых Москва была готова вступить в войну с Японией.

В частности, достигнутое на Крымской конференции соглашение предусматривало, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе СССР вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения статус-кво Монголии.
2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: возвращение СССР южной

части Сахалина и всех прилегающих к ней островов; интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов СССР в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР; совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов СССР, при сохранении Китаем полного суверенитета в Маньчжурии.

3. Передачи СССР Курильских островов.

В ходе работы Берлинской (Потсдамской) конференции намерения сторон не изменились, что и было подтверждено в ее итоговом документе.

В соответствии с указанными договоренностями 9 августа 1945 года СССР вступил в войну с Японией, атаковав ее вооруженные силы сразу на нескольких направлениях: в Маньчжурии, Северной Корее и на о. Сахалин. В результате была разгромлена более чем миллионная группировка Квантунской армии в Маньчжурии, разбиты японские войска в северной части Кореи, на Сахалине. Это привело к коренному изменению военно-политической обстановки в Азии, стало решающим фактором, вынудившим японское военно-политическое руководство пойти на безоговорочную капитуляцию, спасло миллионы жизней союзных военнослужащих.

Выступления содокладчиков из Центра исследований Японии к.и.н. Павлятенко В.Н., Семина А.В. и Шлындова А.В. были посвящены рассмотрению влияния исторического прошлого, связанного с агрессивной политикой Японии, проводившейся ею накануне и в ходе Второй мировой войны на состояние нынешних отношений Японии с Россией, Китаем, ситуации вокруг Японии в ООН в ходе предполагаемого реформирования которой Токио пытается добиться предоставления для себя места постоянного члена СБ.

При этом все выступавшие отметили, что трагическое военное прошлое все еще продолжает негативно сказываться на современном образе Японии в мире, осложняет ее взаимоотношения с соседними странами.

На заседании в ИДВ РАН, посвященном 40-летию юбилею Тибетского автономного района КНР

21 сентября 2005 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялось заседание Научного Совета по проблемам комплексного изучения современного Китая, приуроченное к 40-летию годовщины со дня образования Тибетского автономного района КНР. В заседании приняли участие ученые ИДВ, Института востоковедения и Института языкознания РАН, гости из Посольства КНР в Москве. Присутствовали представители российских и китайских СМИ.

Открывая заседание, директор ИДВ РАН академик М.Л.Титаренко подчеркнул, что свой 40-й юбилей Тибетский автономный район Китая встретил в обстановке всестороннего подъема в политическом, социально-экономическом и культурном строительстве. По словам М.Л.Титаренко, теперь совершенно очевидно, что за последние десятилетия в развитии Тибета действительно произошли исторически значимые перемены, повысился жизненный уровень населения автономного района, упрочились его связи с другими регионами страны, что является залогом его дальнейшего прогресса.

Как отметил М.Л.Титаренко, Тибет с его неповторимой природой, уникальной культурой тибетского народа издавна привлекал к себе внимание российских историков, этнографов, лингвистов, литературоведов, представителей медицинской науки, исследователей философии тибетского буддизма, тибетской буддийской религии. В последние годы тибетская тема стала особенно популярной в России: российских граждан привлекает появившаяся возможность туристических поездок на "крышу мира". Весьма интересуют россиян культурная жизнь Тибета. Состоявшиеся летом 2005 г. в Москве концерты, на которых исполнялись произведения традиционного тибетского музыкального искусства с участием отечественных и тибетских исполнителей, — одно из многих проявлений интереса россиян к жизни и культуре тибетского народа.

Что касается ИДВ РАН, то в нем, как заметил академик М.Л.Титаренко, ведется исследовательская работа по проекту "Национальная политика КНР", которым, в частности предусматривается изучение института районной национальной автономии, в том числе и в Тибете. М.Л.Титаренко напомнил также, что председатель КНР Ху Цзиньтао, возглавляя в 1988-1992 гг. комитет КПК Тибетского автономного района, внес свой вклад в дело строительства нового Тибета.

Выступивший на заседании полномочный министр Посольства КНР в РФ Чэн Гопин выразил от имени посла КНР в РФ Лю Гучана благодарность Институту Дальнего Востока за проведение научного совещания, посвященного 40-летию образования ТАР. По словам Чэн Гопина, за период с момента образования ТАР политическая и экономическая ситуация, а также социальная жизнь Тибета претерпели коренные изменения. Народ Тибета стал хозяином своей судьбы. За 40 лет доля тибетцев и представителей других национальных

меньшинств среди кадровых работников достигла 70% от общего их количества в автономном районе. За последние 9 лет среднедушевой рост ВВП превысил 12%, непрерывно совершенствовалась система социального обеспечения. Чэн Гопин отметил наличие “хорошей динамики” в установлении взаимных контактов между учеными, представителями журналистских кругов и буддистскими деятелями ТАР и соответствующими учреждениями России, а также в налаживании сотрудничества в торгово-экономической, гуманитарной и медицинской областях. В частности, как подчеркнул министр, Институт Дальнего Востока неоднократно приглашал и принимал у себя тибетские делегации, что способствовало лучшему пониманию Тибета в России, укреплению китайско-российского сотрудничества и развитию дружбы между обеими странами.

С докладом “40 лет Тибетского автономного района Китая” выступил автор этих строк. Было отмечено, что образование 1 сентября 1965 г. Тибетского автономного района КНР явилось одним из важнейших поворотных событий в жизни тибетского народа в XX в., позволивших ему начать строить новую жизнь, свободную от пут явно изживших себя феодально-крепостнических порядков. При этом образование тибетских автономий в основном окружной ступени началось сразу же после образования КНР за пределами Тибета — в провинциях Ганьсу, Цинхай, Юньнань и бывшей провинции Сикан. Это позволило накопить в данной сфере известный опыт, который впоследствии оказался полезным при подготовке к образованию крупной тибетской автономии провинциального статуса.

В самом же Тибете, где абсолютно преобладает тибетское население (в настоящее время тибетцев там 92,2%), образование автономного района задержалось в силу ряда известных причин, а его развитие было прервано событиями “культурной революции”. Поэтому реальный конструктивный период строительства и совершенствования политики районной национальной автономии в Тибете приходится на последние 20-25 лет. Значительным стимулом развития системы автономии в Тибете явился Закон КНР о районной национальной автономии, принятый в 1984 г. В соответствии с действующим законодательством, гражданам тибетской национальности гарантируется право возглавлять Постоянный комитет Собрания народных представителей автономного района и возглавлять правительство ТАР. Тибетцы, кроме того, представлены в центральных органах власти КНР. Среди членов ВСНП Тибет имеет 19 своих представителей, из которых 12 человек — граждане тибетской национальности. 29 тибетцев и других национальных меньшинств ТАР являются членами Всекитайского комитета НПКСК и его Постоянного комитета, а Нгапой Нгаван Джикме и живой будда Пагпалха Гэлэг-намгял занимают высокие посты заместителей председателя ВК НПКСК.

Показательно, что СНП ТАР и его ПК уже разработали более 150 местных законодательных установлений, действующих в Тибете и служащих интересам тибетцев. С учетом особых местных природных условий в автономном районе установлена 35-часовая рабочая неделя, что на 5 часов меньше, чем в других регионах Китая. Среди руководящих кадровых работников в Тибете на национальные кадры (на разных уровнях) приходится от 61 до 77%. Если в старом Тибете женщины не допускались к участию в политической жизни, то в 90-е годы XX века на женщин приходилось примерно 20% от всего депутатского корпуса СНП ТАР.

Определяющую роль в строительстве нового Тибета сыграли созывавшиеся в 1980, 1984, 1994 и 2001 гг. по инициативе ЦК КПК и Госсовета совещания по работе в Тибете. Помимо достижений Тибета в социально-экономической, культурно-образовательной и других сферах, особое значение имеет грандиозный прорыв в строительстве путей сообщения, позволивший покон-

чить с состоянием “закрытости” автономного района. В частности, в настоящее время укладка путей Цинхай-Тибетской железной дороги уже доведена до Лхасы. Опытная эксплуатация этой железной дороги протяженностью 1142 км, которая проходит по территориям с весьма сложным рельефом (самая высокая точка пути находится на высоте 5072 м), намечена на конец июня 2006 г. Как говорят теперь в Тибете, Цинхай-Тибетская железная дорога — это “золотой мост” к сяокану, т.е. к малому благоденствию.

Для сохранения культурного наследия тибетского народа проводится большая работа по охране и реставрации тибетских памятников культуры, сохранению и изданию литературы на тибетском языке, по развитию телевидения, радио, совершенствованию политики в области религии. Серьезный прогресс достигнут в развитии здравоохранения, создании “индустрии” туризма и т.д. Несомненный прогресс Тибета во всех областях, особенно значим, учитывая, что стартовый уровень развития Тибета базировался на крайне примитивных основаниях. Вот почему у Тибета еще немало проблем, требующих своего решения, а по многим показателям развития он находится пока что в ряду “отстающих” провинций и автономных районов Китая. Однако помощь всей страны Тибету постоянно наращивается. Поэтому, с учетом тенденций развития ТАР за последние 20-25 лет, дальнейшее развитие Тибета в XXI веке, несомненно, будет проходить ускоренными темпами, а качество жизни тибетского народа станет и далее повышаться.

Доктор исторических наук Т.Л.Шаумян (Институт востоковедения РАН) посвятила свое выступление изучению Тибета в России, начиная с о.Иакинфа (Н.Я.Бичурина), труд которого по истории Тибета вышел в свет в Петербурге в 1833 г. По словам исследователя, многосторонний интерес к Тибету в России, проявлявшийся всегда, отчасти обуславливался тем обстоятельством, что в России проживали народы, исповедовавшие ламаизм. Поэтому еще в XVIII в. благодаря усилиям некоторых представителей российских буддистов императрица Екатерина II издала указ, легализовавший распространение буддизма в Восточной Сибири. Это способствовало оживлению сношений сибирских бурят (в частности купцов) с Тибетом. Уже в начале XX в. исследователь Центральной Азии П.К.Козлов встречался с Далай-ламой XIII, и его свидетельства об этой встрече, как отметила Т.Л.Шаумян, представляют несомненную ценность. Г.Ц.Цыбиков, побывавший в Тибете в 1899-1902 гг. и собравший там ценный для науки материал, сумел впоследствии (в 1918 г.) издать свой труд “Буддист-паломник у святынь Тибета”. В прошлом, однако, многие работы ученых о Тибете носили кабинетный характер. К счастью, заметила Т.Л.Шаумян, сегодня, когда Тибет становится все более “открытым”, появились условия для поездок в этот регион Китая российских ученых.

Кандидат филологических наук И.Н.Комарова (Институт языкознания РАН), автор монографии “Тибетская письменность” и других работ по тибетскому языку, в своем выступлении значительное внимание уделила вопросам изучения тибетского языка в нашей стране, отметив значительный вклад отечественных исследователей в мировую тибетологию. В данной связи были упомянуты непревзойденный труд Ю.Н.Рериха по грамматике тибетского языка, до сих пор пользующийся высоким авторитетом среди тибетологов мира, а также многотомный “Тибето-русско-английский словарь с санскритскими параллелями”, задуманный и начатый Ю.Н.Рерихом и заверченный (в 1993 г.) сотрудниками Института востоковедения РАН Ю.М.Парфионовичем и В.С. Дылыковой. И.Н.Комарова особо акцентировала вопрос о целесообразности обучения наших студентов-востоковедов практическим знаниям в области тибетского языка, умению читать и переводить тибетские тексты.

В сообщении доктора исторических наук С.А.Горбуновой была показана роль созданной в 1953 г. Буддийской ассоциации Китая (БАК) и ее тибетского отделения (учрежденного в 1956 г.) в деле вовлечения Тибета в процесс социально-политических реформ и подключения его к системе районной национальной автономии. Через тибетское отделение БАК инициировалось, в частности, реформирование монастырского устройства в Тибете и ряд других нововведений. Как отмечалось в сообщении, реформа монастырского устройства только к 1960 г. стала приобретать реальные очертания. Одним из ее результатов был "разрыв" церковной иерархии, что и стало одним из факторов образования Тибетского автономного района именно в 1965 г., а не ранее, как это предполагалось. После "культурной революции" деятельность отделения БАК в Тибете была восстановлена. В 1983 г. по его инициативе была создана Духовная академия тибетского буддизма, а в 1984 г. — Институт по изданию священных буддийских текстов. На 7-й конференции БАК (2002 г.) был сформирован Комитет тибетского буддизма. Тем самым акцентировалось внимание именно к этому направлению буддизма. Шесть из 20 заместителей председателя БАК, избранных на 7-й конференции, являются представителями тибетского буддизма. В своем выступлении на конференции, как отметила С.А.Горбунова, живой будда Чжукан Тудэнкэчжу остановился на возможности осуществления в Тибете известного тезиса о взаимном соответствии буддизма и социализма. Заклучая свое выступление, С.А.Горбунова отметила, что в настоящее время в ТАР насчитывается более 1700 буддийских монастырей и храмов и 46 тыс. монашествующих. По словам исследователя, благодаря большому числу исповедующих тибетский буддизм, в ТАР никакого распространения не получило движение фалуныгун.

В заключительном слове академик М.Л.Титаренко отметил, что выступления, заслушанные на совещании, дали возможность составить общую картину огромных позитивных перемен, произошедших за годы существования Тибетского автономного района, в особенности за последние 20-25 лет. В этом плане совещание было полезным и информативным. Вопрос о целесообразности подготовки китаистов, которые бы имели навыки перевода с тибетского языка, на что обратила внимание И.Н.Комарова, заслуживает, по словам М.Л.Титаренко, внимания, хотя его реализация и связана с объективными трудностями.

Ученые России и РК об актуальных проблемах Корейского полуострова (по материалам международных конференций)

Научная жизнь корееведов Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН была отмечена этой весной серией важных событий. 25 апреля 2005 г. в институте прошло заседание круглого стола, в котором участвовали представители Центра корейских исследований (ЦКИ) ИДВ РАН и Института Национального Объединения РК — ведущей научно-практической организации, занимающейся вопросами межкорейского диалога и положения в КНДР. А 26-27 мая состоялась 16-я международная конференция, организованная ИДВ РАН и Центром Азиатско-Тихоокеанских исследований (АТР-центром) Ханъянского университета (Сеул).

Традиция проведения совместных семинаров возникла еще до установления дипломатических отношений между СССР (Россией) и РК. С самого начала они стали форумом, на котором ведущие специалисты двух стран могли обменяться мнениями по наиболее животрепещущим вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, положения дел на Корейском полуострове и российско-корейских отношений. Их всегда отличали атмосфера конструктивной научной дискуссии и политическая неангажированность.

С российской стороны в мероприятиях принимали участие директор ИДВ РАН, академик РАН М.Л. Титаренко, а также А. З. Жебин, Р. В. Савельев, С. С. Суслина, Ким Ен Ун, К. В. Асмолов и другие представители Центра корейских исследований ИДВ.

Основные направления дискуссии были обозначены во вступительном слове М. Л. Титаренко на 16-й конференции ИДВ-АТР-центра, который отметил, что между нашими странами необходимо расширять взаимопонимание по следующим направлениям: решение ядерной проблемы на Корейском полуострове; потенциал двухстороннего сотрудничества и анализ его позитивного и негативного опыта; влияние корейской проблемы на ситуацию в Азии и ее роль в современной международной жизни.

Оба мероприятия прошли в обстановке конструктивного обмена мнениями. Было зафиксировано единство взглядов по большинству стратегических вопросов. Участники встреч отметили, что совместные конференции фактически превратились в регулярные консультативные мероприятия. Был сделан целый ряд выводов и замечаний, важных для понимания ситуации на Корейском полуострове и являющихся основным содержанием данного обзора.

О ядерном кризисе

Как отмечал в своем выступлении директор АТР-центра г-н Ли Сын Чхоль, корейская ядерная проблема является не проблемой Севера и Юга Кореи, а проблемой международной. Это — проблема отношений между США и КНДР, в несколько меньшей степени — между США и КНР. И Россия, и Республика Корея в определенном смысле являются здесь заложниками ситуации, возникшей не по их воле.

Участники дискуссии отметили, что объективной информации о развитии северокорейской ядерной программы нет, и мы по-прежнему гадаем, опираясь на косвенные улики и делая из их анализа выводы в зависимости от собственных оценок и политических симпатий.

Кроме того, надо учитывать общую тенденцию развития военных технологий, в рамках которой любое "супероружие", ранее принадлежавшее избранным, постепенно располагается по миру. Эта тенденция распространяется и на ядерное оружие, несмотря на то, что эти избранные более чем активно пытаются ее ограничивать. Причисление к де-факто ядерным державам Индии и Пакистана, которое прошло для этих стран достаточно безнаказанно, создает важный прецедент, благодаря которому в северокорейском случае можно говорить о двойных стандартах, тем более что если в наличии у Индии и Пакистана ядерного оружия давно не сомневается никто, заявления Пхеньяна пока не подтверждены фактами.

В результате вопрос "Не рано ли мы записываем Северную Корею в ядерные державы?" вызвал определенную дискуссию, в ходе которой "бомба Пхеньяна" была не случайно названа гипотетической.

Нечто подобное можно сказать и в отношении угрозы КНДР как источника распространения ядерных материалов и технологий. Похоже, что пока их у Пхеньяна не так много, чтобы он мог ими торговать. Между тем, есть большая разница между попытками доказать факт наличия ядерного оружия и факт его отсутствия. Критикам Пхеньяна следует напомнить, что чьи бы то ни было подозрения не тождественны доказанному факту и потому не являются основанием для карательных мер. Что же касается доказанных случаев распространения ядерных технологий, то в них обвиняли не Северную Корею, а стратегического союзника США — Пакистан.

В качестве причин проведения Пхеньяном "ядерной" политики и российских, и корейские специалисты выделяют следующее:

Во-первых, пропагандистский эффект. В рамках которого ядерный статус играет роль средства стратегического сдерживания.

Во-вторых, громкие заявления и сопутствующая им риторика в большей степени ориентированы на внутреннюю, а не внешнюю, аудиторию. Заявление правительства КНДР о ядерном статусе страны импонирует массам, поскольку поощряет патриотизм и в значительной степени выглядит "по-конфуциански".

В-третьих, периодические высказывания Буша, Райса и других руководителей США укрепляют в Пхеньяне веру в то, что от Штатов не следует ждать ничего хорошего — к весне 2005 г. США фактически дезавуировали тот положительный сдвиг, который был достигнут по итогам третьего раунда шестисторонних переговоров.

В выступлении А. З. Жебина было выделено несколько фактов, спровоцировавших КНДР: американскими чиновниками был сделан ряд заявлений о том, что решение северокорейской ядерной проблемы все равно не приведет к нормализации отношений между КНДР и США; что КНДР остается аванпостом тирании; что в случае нестабильности в Северной Корее американские войска готовы принять меры. Таким образом, нормализация отношений между двумя странами (то, чего в первую очередь добивается Пхеньян) отодвинута на неопределенный срок и совсем не связана с прогрессом на переговорах по ядерной проблематике. Есть ли смысл тогда их продолжать?

Заслуживает внимания и высказанное К.В. Асмоловым представление о том, что объявление КНДР ядерной державой является превентивным ответом на грядущие, но пока не озвученные официально изменения в военной доктрине США, связанные с "роботизацией войны", которая позволит противопоставить людским ресурсам противника американский промышленный потенциал.

Перспектива шестисторонних переговоров

Как подметил в своем выступлении эксперт Корейского Института Национального Объединения г-н Чон Чжун Тхэ, основной камень преткновения — несочетаемость позиций США и КНДР как основных переговаривающихся сторон. Американцы требуют большего и ставят заведомо невыполнимые условия северянам как раз по тем позициям, по которым они выражают готовность уступить. Они рассчитывают “убедить КНДР по образцу Ливии”.

Вдобавок среди участников переговоров нет единства, которое обеспечивало бы им основу для выработки общей концепции: скандалы по поводу южнокорейских ядерных экспериментов и реакция США на них, рост антиамериканских настроений в РК, очередной китайско-корейско-японский скандал по вопросу “искажения истории” и непризнания японцами военных преступлений, китайско-корейская дискуссия по поводу принадлежности Когуре. Все эти противоречия накладывают отпечаток на переговоры и мешают выработке консенсуса.

Обе стороны отметили важность вопроса о международном доверии, поскольку стена между Пхеньяном и Вашингтоном, усиленная северокорейской риторикой и периодическими высказываниями американских политиков, заставляет каждую из переговаривающихся сторон думать, что другая стремится ее подвести и обмануть. В этом случае любые соблазнительные на первый взгляд предложения подаются как тактические уловки, а неуступчивость означает бескомпромиссность.

Процесс переговоров, однако, не тождественен достижению на них результатов. Пока переговоры идут, создается видимость, что проблема может быть решена, даже если решать ее никто в действительности не хочет. Северная Корея тянет время в ожидании того неприятного момента, когда ей нужно будет или принять какие-то рекомендации международного сообщества, или доказать фактами свою принадлежность к “ядерному клубу”, что может повлечь за собой серьезные осложнения в отношениях между Пекином и Москвой. Соединенным Штатам на руку северокорейское упорство, так как оно выставляет Вашингтон в выгодном свете. Кроме того, они тоже тянут время, рассчитывая на то, что постепенное истощение северокорейских резервов и меняющаяся международная обстановка сделают Пхеньян сговорчивее.

Для остальных участников переговоров тоже выгоден поддерживаемый этими переговорами статус-кво, так как любое резкое изменение ситуации на полуострове принесет больше проблем, чем то, что происходит сейчас, когда кризис давно перешел из острой фазы в хроническую. Выдвинутое южнокорейской стороной понятие “мир в условиях нестабильности” практически совпадает с нашим видением ситуации, которое соответствует поговорке “Худой мир лучше доброй ссоры”.

От автора: Примечательно, что итоги состоявшегося четвертого раунда переговоров породили определенные иллюзии относительно скорого решения проблемы. Однако не следует упускать из виду то, что речь пока шла лишь о согласии с принципами безъядерного статуса полуострова, озвученными на уровне джентльменского соглашения или протокола о намерениях. До реального решения проблемы еще далеко.

Причиной недавних событий, возможно, явилось то, что тенденция “процесса ради самого процесса” стала слишком заметной, и переговоры нужно было оживить очередным витком конструктивизма, а также и то, что вместо организованной США коалиции давления на переговоры начал формироваться не очень приятный для Вашингтона китайско-российско-южнокорейский альянс. Кроме того, на фоне ситуации вокруг ядерной программы Ирана есть необходимость определиться, какой из “аванпостов тирании” предназначен “на первое”.

Безусловно, наблюдаются важные изменения. Позиция нового главы американской делегации стала более конструктивной, — Кристофер Хилл не выглядит лицом, главная задача которого состоит в том, чтобы продемонстрировать всему миру коварство и лицемерие Пхеньяна.

Важной деталью нового раунда переговоров было обилие двухсторонних консультаций, в том числе — северокорейско-американских. Содержание таких встреч остается за кадром, но сам факт изменения переговорной структуры говорит о большей гибкости участников и о желании двух основных сторон начать прямое общение. Собственно, это именно то, чего давно добивается Пхеньян: двухстороннее взаимодействие вплоть до установления официальных дипломатических отношений.

Однако подводных камней хватает и здесь. Во-первых, если соглашение будет достигнуто, его юридический статус непонятен. Во-вторых, неясна перспектива ратификации этого соглашения, скажем, Конгрессом США. В-третьих, абсолютно неясен механизм гарантий, которые призваны обеспечить выполнение условий соглашения каждой стороной (печальный опыт Рамочной договоренности у всех на устах, и многие задаются вопросом, какие контрмеры нужно искать, если Вашингтон в очередной раз решит пересмотреть свою позицию). В-четвертых, в самом обеспечении механизма инспекций и проверок достаточно сложностей организационно-технического характера, обсуждение и устранение которых может занять очень много времени.

Таким образом, переход от формальных переговоров к полноценным еще не наступил, хотя демонстрация конструктивного подхода является хорошим знаком, главный смысл которого будет заключаться в том, что, поскольку на переговорах обозначился прогресс, прерывать их и переходить к иным способам решения проблемы смысла нет. Но, добившись принципиального согласия по самым общим проблемам типа «Корейский полуостров должен быть безъядерным», можно перейти к обсуждению деталей, которое может продлиться достаточно долго, отдавая нежелательный и для Пхеньяна, и для Вашингтона итог переговоров и продлевая «худой мир».

О вероятности ядерных амбиций Японии и Южной Кореи

Возможность развития ситуации по «принципу домино» тоже была темой дискуссии. Существует мнение, что страны, готовые стать ядерными, не пойдут на это из опасения потерять источники ядерного топлива, однако этот аргумент не столь важен. И Япония, и, как выяснилось благодаря рассекречиванию данных об экспериментах 1982 и 2000 гг., РК, обладают технологиями, позволяющими создать ядерное оружие. Для того, чтобы запустить этот процесс, необходима исключительно политическая воля.

Развитие событий по «принципу домино» противоречит планам США, которые сделают все, чтобы переломить такую тенденцию, тем более что альтернативный план у них есть. Используя ядерный статус КНДР в качестве пугала, Вашингтон будет не только развивать свою систему противоракетной обороны, но и активно толкать под этот зонтик Японию и РК, выставляя себя единственной силой, способной справиться с КНДР и защитить своих союзников.

Между тем в Японии растут настроения в пользу обретения ядерного статуса. Это связано еще и с тем, что поколение, которое помнит войну, сошло с политической сцены. Ядерная КНДР только усилит эту тенденцию, а средства по переработке плутония в стране созданы достаточно давно. Что же касается РК, то южнокорейские военные также рассматривают разработку своего ядерного оружия в ответ на северокорейское. Однако изменения в американской военной доктрине и отвод войск от демилитаризованной зоны могут вызвать в определенных кругах РК подозрения в том, что «нас бросают». Пока высказывание такой мысли вслух рассматривается как попытка бросить тень на «нерушимый американско-корейский союз».

Альтернативные перспективы по-американски

Бесконечно тянуть время на переговорах нельзя, и в современной стратегии Соединенных Штатов просматриваются два варианта изменения ситуации. Первый заключается в том, чтобы перенести корейскую проблему на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Гипотетическая бомба КНДР будет представлять угрозу миру, не меньшую, чем международный терроризм.

Второй вариант заключается в том, чтобы, продолжая давить на КНДР, сделать основным пунктом обвинения не стремление обзавестись ядерным оружием, а нарушение прав человека. Эта стратегия обеспечивает значительную выгоду, так как: а) эта тема гарантирует поддержку международного сообщества, ибо переводит позицию в плоскость "борьбы за общечеловеческие ценности"; б) с правами человека, а особенно — с их соблюдением по европейским меркам, в Пхеньяне плохо, и доказать этот факт гораздо легче, чем наличие тайных складов оружия массового поражения. Опыт Ирака здесь, безусловно, учитывается.

Однако эта стратегия наталкивается на определенное противодействие международного сообщества. А. З. Жебин в связи с этим специально отметил пример конференции по нераспространению ядерного оружия. В рамках этого мероприятия США собирались провести "показательную порку Пхеньяна", однако большинство стран-участниц, включая Египет, стали укорять скорее США, нежели КНДР. Переизбрание Мохаммеда Аль-Барадеи на пост руководителя МАГАТЭ тоже можно воспринять как нежелание поставить во главе этой организации человека, послушно исполняющего волю Вашингтона. Южная Корея также выступает против передачи северокорейского вопроса в Совет Безопасности ООН.

О положении в КНДР

По мнению целого ряда докладчиков, влияние СССР/России на КНДР не стоит преувеличивать ни сейчас, ни при анализе прошлого. По словам М. Л. Гитаренко, политика Москвы по корейскому вопросу определялась в Пхеньяне, и Москва не столько диктовала северокорейцам, что делать, сколько одобряла их предложения. Российская торговля с КНДР сократилась в 20 раз по сравнению с 1990 г. Если ранее торговля с Россией составляла 53% внешнеторгового оборота КНДР, то сейчас — 4%.

Отмечалась опасность попыток противопоставить интересы Ким Чен Ира, для которого главное — сохранить режим, и интересы народа, который просто хочет хорошо жить. Это не только подталкивает к допустимости возможной смены режима, но и служит причиной ошибок иного рода. Как заявил в ходе дискуссии А. З. Жебин, "создается впечатление, что мы хотим отправить КНДР на Марс, совершенно не учитывая те реалии, в которых находятся там и корейский народ, и его правящие круги".

Важной темой дискуссии стала оценка способности КНДР добиться экономического развития. Ресурсы страны не исчерпаны. При японцах именно Северная Корея была кладовой сырья и промышленных материалов. Эксплуатировавшиеся тогда месторождения не выработаны и, более того, шведские специалисты прогнозируют наличие запасов нефти на шельфе Желтого моря КНДР.

С другой стороны, нефть в КНДР ищут давно и тщательно, но пока ничего не нашли. Кроме того, от успешной разведки месторождения до его промышленной эксплуатации проходит достаточный срок. А в условиях разрухи, усугубленной наводнениями (не забудем сведения о затопленных угольных шахтах), неясно, какой вариант будет более дешевым и более эффективным — восстанавливать старое или создавать новое.

В отношении перспектив развития ситуации на Корейском полуострове ученые двух стран согласились с тем, что объединение исторически неизбежно, но не стоит считать, что объединение — это непременно поглощение. Хотя

бы потому, что поглощение стоит 1,5 триллиона долларов, а у РК таких денег нет. У Северной Кореи есть потенциал для саморазвития. Вопрос заключается в наличии у северокорейского руководства политической воли к изменению ситуации и способности вести массы за собой. В настоящее время в КНДР идет выработка корейизированного типа реформ, в определенной степени аналогичного китайской модели.

Идея "внутреннего протектората РК над КНДР" как постепенного самоограничения суверенитета в пользу экономического процветания интересна, но в РК многие считают помощь КНДР пособничеством авторитаризму. Тем более что данная стратегия требует большой политической гибкости, тяжела в осуществлении и не дает результатов сразу. Упор на саморазвитие Северной Кореи представляется более выгодной стратегией. Это избавляет южан от необходимости тратить слишком много.

О роли КНР

Место Китая в международной политике было хорошо освещено в докладе доктора Мун Хын Хо (Университет Ханъян). Теоретически у Китая есть возможности для того, чтобы повлиять на КНДР и сделать ее более сговорчивой. Однако в Китае, во-первых, оценивают все плюсы и минусы нового миропорядка, возникающего в случае, если КНДР "уступит"; во-вторых, Китай считает, что Северной Корее нужно дать возможность принять самостоятельное решение; в-третьих, у Пекина совсем нет уверенности в том, что в случае, если Северная Корея разоружится, США не воспользуются этим для дестабилизации ситуации, смены режима и т. п.

Поэтому пока Китай лишь демонстрирует, что в случае, если Северная Корея решит перейти от гипотетического ядерного статуса к реальному, ее будут ждать серьезные последствия. По некоторым данным, в случае проведения Северной Кореей ядерных испытаний Китай может пригрозить ей разрывом Договора 1961 г.: раз КНДР является ядерной державой, значит она способна защищать себя самостоятельно.

С точки зрения участников конференции, Китай уже превратился в региональную державу, способную отстаивать свои интересы и противостоять гегемонизму США. Рост экономических и культурных связей между КНР и РК также может свидетельствовать о том, что в будущем именно Китай станет основным партнером Южной Кореи. Наконец, Китай начинает грамотно использовать тенденции глобализации для того, чтобы, запустив процесс регионализации, обеспечить формирование в Северо-Восточной Азии минимально зависящей от США структуры, в рамках которой Пекин окончательно закрепит свой статус регионального гегемона. В результате определенные круги южнокорейского руководства настроены на "смену сюзерена" и предпочитают региональную гегемонию Китая. Обе стороны беспокоят и северокорейские действия и возрождение милитаристских настроений в Японии.

С другой стороны, в Пекине хорошо понимают, что разыгрывание северокорейской карты можно воспринимать как прелюдию к неизбежному, по мнению ряда специалистов, столкновению между Вашингтоном и Пекином за гегемонию в АТР. И хотя ядерный Пхеньян создает для Китая весьма неприятные перспективы (появление ядерного оружия в Северной Корее может спровоцировать развитие военных ядерных программ не только в Японии и РК, но и на Тайване), по неофициальным каналам Пекин уже начал озвучивать позицию "Нам надо начинать учиться жить с ядерной Северной Кореей".

Такая реакция Китая может быть связана с тем, что гипотетическое ядерное вооружение Тайваня — дело достаточно отдаленного будущего, в то время как обострение событий на Корейском полуострове может случиться гораздо раньше.

О внутривнутриполитической ситуации в РК и ее влиянии на развитие межкорейского диалога

Политике РК в отношении Севера и ее связи с внутривнутриполитической ситуацией в РК был посвящен доклад профессора Ю Се Хи (Университет Ханъян). Ядерная проблема только обострила внутренние противоречия между правыми и левыми или, если угодно, между прогрессистами и консерваторами. Эти разногласия касаются не только вопросов тактики, но и того, как каждая из сторон оценивает северокорейский режим, и какие именно мотивации они приписывают пхеньянскому руководству.

Позиция левых может быть изложена так: Северная Корея уже меняется и будет меняться еще больше. Если мы будем поощрять эту тенденцию, она перестанет быть для нас угрозой. Мы против ядерного оружия, но проблема должна быть решена мирным путем, а РК будет играть ведущую роль в переговорном процессе. Несмотря на то, что Северная Корея формально объявила себя ядерной державой, мы должны продолжать сотрудничество с ней, будучи осторожными, чтобы не провоцировать ее на новый виток резких действий. Вообще же, стране желательны выходы из треугольника Вашингтон — Токио — Сеул и проводить независимую политику.

Позиции левых достаточно сильны, что показывает инициированная в феврале 2004 г. дискуссия об отмене Закона о национальной безопасности. Хотя Закон не отменили, уровень споров вокруг данной проблемы указывает на масштаб влияния левых.

Надо учесть и то, что в рамках “правительства широкого участия” Ро Му Хен активно опирается на мнение молодежи, а также — на результаты опросов общественного мнения. Правда, анализы опросов, результаты которых выставляют главной угрозой стране то США, то Японию, скорее говорят о высоком уровне манипуляций массовым сознанием, но как бы то ни было, для молодого поколения, на которое режим Ро делает ставку, характерно сочетание национализма, понимаемого преимущественно как антиамериканизм, и сочувствия Северной Корее.

Отдельно следует рассматривать позицию Демократической Трудовой Партии, которая подталкивает Ро Му Хена слева. Кстати, именно она является наиболее активным сторонником укрепления отношений с КНДР. Для нее судьба нации выше любых отношений и любых прагматических расчетов. Более того, ее представители полагают, что ситуация, при которой объединенная Корея унаследует ядерный арсенал КНДР и станет таким образом ядерной державой, будет только способствовать суверенитету страны.

Правые (консерваторы) согласны с американской оценкой Северной Кореи как государства, входящего в “ось зла”. Северная Корея остается для них врагом, а левое крыло воспринимается ими как просеверокорейские и американские агенты влияния. Поэтому они считают необходимым крепить союз с США, оказывая Северной Корее только самую необходимую помощь. При этом их критике подвергаются как Ро Му Хен, так и Ким Дэ Чжун.

Бои между правыми и левыми идут как в парламенте, так и в СМИ, в т. ч. и в Интернете. Представляется, что пиком столкновений может стать 2007 г., когда президентские выборы совпадают с парламентскими.

О правильном восприятии понятия “балансир”

В настоящий момент устами своего президента Республика Корея декларирует желание стать “региональным балансиром”. Разъяснение корейскими коллегами сути данного понятия, вызывающего достаточно много споров и в самой РК, было очень важным пунктом конференций.

Дело в том, что пока понятие “балансир” не означает поддержание баланса во власти, равноудаленную внешнюю политику или претензии на роль регионального третейского судьи (регулятора, посредника). Для этого РК еще

слаба. Возможно, когда РК выйдет на восьмое место в мире по уровню экономического развития, она сможет претендовать на подобную роль, однако пока даже военное командование корейских и американских войск в стране все еще общее, и в случае войны все вооруженные силы РК будут находиться в подчинении у американцев.

Потому пока речь идет скорее о том, чтобы Корея "балансировала", воздерживаясь от опасных конфликтов. Балансировать, чтобы выжить. Балансировать между окружающими китами (США, КНР, РФ, Япония) так, чтобы при этом "корейскую креветку" не сплющило. Благодаря союзническим отношениям с США, РК получила экономическую стабильность, но ситуация изменилась. В рамках решения ядерной проблемы Сеул готов согласовывать свои действия с Америкой, но не противостоять собственным интересам и интересам других держав.

Такая трактовка напоминает старый лозунг Мао об обезьяне, наблюдающей с горы за схваткой двух тигров, и заставляет задуматься о следующем: Мао выдвигал этот лозунг для того чтобы замаскировать процесс переориентации КНР с Советского Союза на Америку, после чего "равноудаленность" от советско-американского противостояния превратилась в противостояние СССР и тактический союз с США. Не есть ли данная стратегия в ее нынешнем варианте признаком роста влияния тех, кто собирается похожим образом переориентироваться на КНР?

Поскольку в условиях стремления Ро Му Хена и его окружения "сделать как в Европе" традиционно восточные методы мобилизации массового сознания уже не будут работать так эффективно, Корея может обеспечить свой экономический рост за счет более глубокого участия в интеграционных процессах, к которым условно можно отнести как освоение новых рынков и использование территории третьих стран (в том числе России и стран СНГ), так и комплекс мероприятий по активному привлечению в Корею иностранной рабочей силы, источником которой, опять-таки, могут стать страны СНГ.

Политическая независимость может быть обретена путем ведения равноудаленной политики в рамках регионального форума, которым сейчас де-факто являются шестисторонние переговоры. Представляется, что определенные силы достаточно хорошо понимают, что присоединение РК к американо-японской коалиции скорее затормозит процесс решения ядерной проблемы, так как на переговорах образуются два лагеря, не желающих идти на взаимные уступки. Гораздо более интересным вариантом могло бы оказаться формирование "центристской" коалиции из России, РК и КНР. Такой блок, обладающий едиными интересами и весьма близким подходом, мог бы иметь достаточный запас силы и влияния, чтобы склонить к определенным уступкам обе стороны, создав тем самым как минимум задел для перевода переговорного процесса в режим регулярных рабочих встреч.

Взгляд на Россию

Значительное место было уделено и анализу российско-корейских отношений. Так, согласно докладу, сделанному доктором Кан Бон Гу (Университет Ханъян), после 1991 г. влияние России на Корейском полуострове уменьшилось, однако сейчас она идет "путем восстановления мощи страны". Поддерживая идею многополярного мира и надеясь на поддержку Европы, Россия одновременно ищет нишу в Евразии, пытаясь утвердиться в роли региональной державы и моста между Европой и Азией (Китаем). Основными направлениями российской политики, таким образом, становятся внутренняя стабилизация, укрепление влияния в СНГ и Европе, где особая роль уделяется сотрудничеству с Францией и Германией.

Дискуссионным оказался вопрос о том, насколько политика США по распространению демократии нацелена на сдерживание интересов России и насколько в связи с этим российская политика может или должна ей противо-

стоять, в том числе препятствуя созданию "коалиции давления" в рамках шестисторонних переговоров.

Комментируя точку зрения доктора Кан Бон Гу, представитель МИД и бывший посол РФ в КНДР В. И. Денисов отметил, что Россия не пытается поспорить РК и США. Это было бы контрпродуктивно. Наша дипломатия не конфронтационна, но направлена на поиск политических решений. Цель нашей политики — поощрять Сеул к выработке действий, которые способствовали бы защите его собственных национальных интересов. Касаясь сотрудничества России и Америки в общей борьбе против терроризма и т. п., мы должны отделять сотрудничество равных от помощи вассала своему сюзеру или взгляда на мир чужими глазами.

О визитах Ро Му Хена в РФ и перспективах двустороннего сотрудничества

Период осени 2004 г. — весны 2005 г. ознаменован двумя визитами высшего руководителя Республики Корея в Москву. Такая интенсивность внешне говорит о многом, и в отдельных российских публикациях на эту тему уже были сказаны слова о новом этапе во взаимоотношениях РФ и РК, который вознесет связи двух стран на новый виток сотрудничества.

Между тем, ситуация гораздо сложнее, чем кажется. По многим направлениям, широко разрекламированным в ходе визита Ро Му Хена в сентябре 2004 г., сотрудничество или движется медленно, чем ожидалось, или осуществляется на уровне "меморандумов о взаимопонимании", которые, по сути, играют роль протоколов о намерениях, а не подписанных документов, на основании которых можно начинать действовать здесь и сейчас. Корейские компании не всегда имеют особенного желания вкладываться в долгосрочные экономические проекты на территории России, в том числе и из-за непоследовательных действий российских фирм, там же, где какие-то временные ориентиры названы, они относятся к 2007 — 2008 гг., т. е. ко времени "после Ро Му Хена".

Представляется, что саммит был посвящен не столько решению двусторонних проблем, сколько выработке общей позиции по проблемам региональным. Здесь России и Корею действительно есть что обсудить — и ядерную проблему, и усиление реваншистских тенденций в Японии, и укрепление регионального сотрудничества. По большинству этих позиций точки зрения двух стран совпадают.

Саммиты можно расценить и как демонстрацию Сеулом определенной независимости своей внешней политики и попытку заручиться поддержкой Москвы по ряду общерегиональных проблем. В таком контексте благожелательное отношение, которое мы выказываем по отношению к Ро Му Хену, очень важно для РК в условиях того давления, которому подвергается южнокорейское руководство со стороны США. Несмотря на кажущуюся недостаточную результативность визитов с точки зрения важности обсуждаемых тем и практического воплощения достигнутых договоренностей, Россия должна поощрять желание нынешнего руководства РК выглядеть независимым, прилагая усилия к тому, чтобы это желание постепенно переходило в реальную плоскость.

Международная конференция в КНР

Со 2 по 4 сентября 2003 г. на юге Китая, в Университете г. Сямэнь прошла конференция "Система императорских экзаменов и ее изучение", приуроченная к столетию отмены этой уникальной системы, просуществовавшей тринадцать веков. Конференция собрала ученых не только КНР, но и Вьетнама, Кореи, Японии, США и России (около 150 участников). Причина в том, что действовавшая в Китае с VII в. система многоступенчатых конкурсных письменных экзаменов на получение соответствующего ученого звания, без которого невозможно было занять даже низшую должность в государственном аппарате, уже со времени первого знакомства иноземцев с Китаем в ХУI в. вызвала неподдельный интерес философов, писателей и государственных мужей как сопредельных с Китаем, так и далеких от нее стран Европы и даже США. Этой системой восхищались Вольтер и Дидро, О. Голдсмит и А. Смит, видя в ней гарантию цивилизованного правления. Несмотря на немалое количество трудов китайских и зарубежных ученых до сих пор достаточно спорным остается вопрос о том, в какой мере китайская система "императорских экзаменов" повлияла на трансформацию экзаменационной системы получения ученых степеней в Европе и на связь этих степеней с "табелью о рангах". В докладе российского участника конференции — ведущего научного сотрудника ИДВ д.и.н. Боровской Н.Е. была кратко охарактеризована история изучения "императорских экзаменов" в российском китаеведении, а также сделана попытка проследить, не является ли заимствованная Россией из Германии в начале XIX в. система ученых степеней с последующим присвоением их носителям соответственного ранга государственного сановника китайским отзвуком, ибо в Германию подобная система экзаменов пришла в 1800 г. вероятно из Срединной империи.

Основными организаторами конференции выступили Центр изучения развития высшего образования при Сямэньском университете и Центр изучения древней истории Китая при Пекинском университете, а среди докладчиков был и представитель Национального Центра проведения экзаменов при Министерстве образования КНР. Подобное сочетание древности и современности также не случайно. Доклады участников конференции представили роль и место этого своеобразного феномена не только в истории и культуре старого Китая, но и его потенциальные возможности при реформировании нынешней системы высшего образования, в частности, общегосударственных вступительных экзаменов.

В выступлениях прозвучали новые подходы и свежие идеи (полные тексты всех докладов были выпущены уже к началу конференции, а крупные издательства опубликовали солидные труды). Думается, что они послужат толчком к более полному изучению в России этого крайне важного исторического феномена.

Рецензии

Федотов В.П. Полвека вместе с Китаем: воспоминания, записи, размышления. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 639 с.

Владимир Павлович Федотов, отметивший в 2005 г. свое 75-летие — известный российский дипломат, имеющий ранг Чрезвычайного и Полномочного посла. Кроме того, он вполне заслуживает характеристики универсального китаевода — ведь В.П. Федотову довелось поработать не только в МИДе, но и в ЦК КПСС, учебных и научно-исследовательских учреждениях, средствах массовой информации. Наверное, именно благодаря разнообразию профессиональной деятельности, позволившему автору увидеть и оценить многочисленные грани "китайского бытия", книга В.П. Федотова явно выходит за рамки популярного в последние годы жанра "мидовских мемуаров", хотя ее сюжетную основу и составил рассказ Владимира Павловича об особенностях его работы в КНР в различные годы.

В книге В.П. Федотова можно выделить три уровня. Это, во-первых, рассказ о происшедших в Китае событиях, прежде всего в сфере внутривосточной и международной жизни. Во-вторых, авторская оценка и интерпретация событий, процессов, политических фигур. И, наконец, рассказ о непосредственной деятельности автора, о его жизни в Пекине и о некоторых коллегах по работе. Такой многоуровневый подход позволяет, на мой взгляд, адекватно решить главную задачу, которую поставил перед собой В.П. Федотов, а именно: восстановление прошлого, всестороннее освещение пятидесятилетней истории отношений между СССР и КНР и наиболее важных факторов, влиявших на их эволюцию. Автор нередко стремится переосмыслить прежние шаблонные оценки тех или иных событий, формулируя в большинстве случаев собственную четкую позицию. В этом смысле книгу вряд ли можно назвать беспристрастной — напротив, она получилась как раз "пристрастной" и даже страстной,

вполне отражающей особенности мировоззрения и эмоционального настроения В.П. Федотова.

Внутриполитическая жизнь Китая в период 1950-х — 1980-х годов, отношения между СССР и КНР в эти годы, о которых достаточно подробно рассказывается в книге, конечно же, в целом хорошо знакомы российской общественности, не говоря уже о профессионалах-китаеведах. Вместе с тем, книга В.П. Федотова отнюдь не выглядит повторением чего-то уже неоднократно виденного и слышанного ранее. Напротив, освещение малоизвестных нюансов и деталей, нередкое обращение к собственным свидетельствам очевидца делают авторское повествование о Китае живым, интересным, по-своему убедительным. В этом плане весьма ценными, на мой взгляд, являются разделы работы, посвященные сделанному в 1958 г. предложению СССР о создании на территории КНР "совместного подводного флота" и "совместной длинноволновой радиостанции" (как известно, оно в резкой форме было отвергнуто Мао Цзэдуном и немедленно отозвано советской стороной) (с. 143-152), переходу в 1962 г. нескольких десятков тысяч жителей Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в Советский Союз (с. 199-200, 234-241), первым после 15 лет конфронтации консультациям двух стран о нормализации межгосударственных отношений, которые провели в 1979 г. делегации во главе с Ван Юпином и Л.Ф. Ильичевым (с. 454-465).

Рассказывая о событиях в КНР и позиции ее руководства, о полемике между КПК и КПСС, В.П. Федотов настойчиво проводит мысль: Пекин неизменно стремился отстаивать свои собственные национально-государственные интересы, не совпадавшие с интересами СССР, однако Москва, к сожалению, далеко не всегда это понимала и учитывала, находясь в

плени собственных представлений о “всеподавляющей” идеологической близости двух стран. В конечном счете именно эта нестыковка и привела к охлаждению и конфликту сначала в межпартийных, а затем и в межгосударственных отношениях КНР и СССР. В.П. Федотов специально подчеркивает свою убежденность в том, что “семена непомерного раздора посеяны обеими сторонами” (с. 171).

В целом высоко оценивая работу Владимира Павловича, хочу одновременно отметить небесспорность ряда авторских оценок, их чрезмерную категоричность или однобокость.

В частности, факт поражения социализма в СССР и распада страны в 1991 г., на мой взгляд, не свидетельствует об “абсолютной правоте теории капиталистической реставрации Мао Цзэдуна”, как это утверждает автор (с. 230). Хотя канва событий в СССР в перестроечные годы и заставляет вспомнить знаменитое заявление Мао о “капутистах внутри партии”, на деле трагедия КПСС и СССР имеет и иные, гораздо более серьезные политико-экономические причины и более глубокие исторические корни, которые, кстати говоря, и стали предметом многочисленных исследований в КНР (но, к сожалению, в гораздо меньшей степени в России).

Думается, В.П. Федотов существенно завышает долю личной ответственности Н.С. Хрущева за ухудшение советско-китайских отношений в конце 1950-х — начале 1960-х годов. И уж точно не Хрущев, а Мао Цзэдун помешал успешному завершению переговоров 1964 г. об уточнении линии прохождения границы между СССР и КНР. Это в последнее время прямо признают даже некоторые китайские авторы.

Что касается оценки В.П. Федотовым коллег по работе, то она, разумеется, отражает его полное право быть субъективным. Хотел бы лишь дополнить несколькими штрихами портрет Посла СССР в КНР (1978–1986 гг.) И.С. Щербакова (с. 483–485), под руководством которого мне также довелось работать. Несмотря на, по словам Владимира Павловича, “неистребимую замшелость”, Илья Сергее-

вич не чинил абсолютно никаких препятствий в доведении до Москвы в полном объеме объективной информации о начавшихся в КНР экономических реформах, взлете теоретической мысли и переосмыслении социализма в конце 1970-х — начале 1980-х годов. И не его вина, что “в центре” тогда не уделили должного внимания происходившим в КНР сложнейшим процессам... И еще одна деталь. Каждое утро И.С. Щербаков заходил в комнату к дежурному дипломату, который докладывал ему о важнейших новостях местного радио- и телевидения. А на ежедневных “оперативках” молодые дипломаты делали развернутую информацию об интересных публикациях китайских газет и журналов, книжных новинках. Так исподволь, шаг за шагом готовились квалифицированные кадры китаеведов-дипломатов, знавших не только свой конкретный участок, но и ситуацию в стране в целом. Возможно, такая “роскошь” была позволительна именно в те годы, когда непосредственные контакты с китайцами были не слишком интенсивны — но, как бы то ни было, эта традиция не сохранилась...

Наверное, есть и другие суждения, по которым с В.П. Федотовым можно было бы поспорить — ведь у каждого из китаеведов, что называется, “свой Китай”. Я же хотел бы его поблагодарить Владимира Павловича за его искреннюю, честную книгу, написанную, что называется, не только “умом”, но и “душой и сердцем”, и призвать коллег по китаеведческому цеху стать ее читателями.

И в заключение еще об одном факте из книги В.П. Федотова. Он пишет, что на заре своей китаеведческой карьеры (в 1961 г.) был поражен “оскорбительно мизерным гонораром”, заплаченным ему академическим издательством за перевод “Трактата о гуманности” китайского реформатора XIX века Тань Сытуна (с. 19–20). Что ж, отталкиваясь от известной эконометрической матрицы “затраты-выпуск”, можно утверждать, что китаеведение продолжает оставаться самой низкооплачиваемой профессией в мире. И в эпоху перемен не все меняется...

**К.А.Кокарев. Политический режим и модернизация Китая.
М., Институт Дальнего Востока РАН, 2004. 320 с.**

Реформирование экономических и политических основ китайского общества, проводимое в КНР уже более двух десятилетий, представляет собой длительный, сложный и во многом противоречивый диалектический процесс с общей тенденцией к созданию в стране сильной экономики и эффективной политической власти. Поэтому понятен тот особый интерес, который вызвало монографическое исследование известного российского китаевода К.А.Кокарева "Политический режим и модернизация Китая".

В монографии подробно анализируется важнейший аспект китайских реформ — политический режим в КНР и особенности его эволюции. Автор рассматривает политический режим как функционально-временной срез политической системы и трактует его как "совокупность властных и иных структур, а также отношений между ними, которые складываются и функционируют в обществе на конкретном этапе, опираясь на определенные правовые и традиционные нормы, правила и методы в целях обеспечения стабильности политической системы" (с. 2). При этом внимание читателей обращается на то, что в Китае считают принципиально важным различать такие понятия и категории как "политическая система" и "политический режим", поскольку каждая из них имеет свой собственный смысл и содержание.

Для правильной оценки происходящих в Китае политических процессов и, прежде всего, реформирования политического режима принципиально важна приведенная автором трактовка китайскими учеными понятия "политическое реформирование", которое понимается в КНР именно как реформа политического режима или "конкретной политической системы", включающей "изменение правил, норм, способов, которые устанавливаются для регламентации непосредственной деятельности политических субъектов" (с. 6). При этом, как отмечено в монографии, в Китае считают абсолютно недопустимым реформировать саму политическую систему, изменять ее базовую основу, принципы организации политической власти.

Хронологические рамки рассматриваемого в монографии периода охватывают более четверти века — с 1977 года, когда состоялся XI съезд КПК, наметивший первичные шаги по стабилизации политического режима в стране после "культурной революции", и до 2002 года, когда XVI съезд КПК, подведя итоги деятельности "двух поколений" китайских руководителей, сформулировал основные направления дальнейшей эволюции политического режима и модернизации КНР.

В первой главе монографического исследования рассматривается начальный период реформ в КНР и восстановление структуры и деятельности основных институтов политической системы после "культурной революции". Как отмечает автор, в начальный период реформ во многом использовался позитивный опыт политического и государственного строительства в Китае 50-х годов прошлого века. В работе подробно анализируются решения XI съезда КПК (август 1977 года), наметившего первичные меры по стабилизации политического режима, с современных позиций трактуются решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 года), исследуется сложный процесс восстановления важнейших институтов политической системы КНР — основных звеньев государственного механизма, организаций КПК и некоммунистических демократических партий, общественных (народных) организаций, Народного политического консультативного совета Китая и т.д. Большое внимание уделяется вопросам партийного строительства на основе нового Устава КПК, утвержденного на XII съезде компартии (сентябрь 1982 года). Автор обращает внимание на формулировки Устава КПК, в котором особо подчеркивалось, что компартия действует исключительно в конституционном и правовом поле.

Важное значение для успешного функционирования политического режима в условиях проведения реформ имело принятие новой Конституции КНР (1982 год), закрепившей на уровне Основного закона страны важнейшие с точки зрения модернизации политической и экономиче-

ской системы принципы и нормы. Подробно проанализировав основные положения Конституции КНР 1982 года, автор формулирует вывод о том, что "новая Конституция заложила правовые основы деятельности всей системы китайских партийных и государственных органов в изменившихся условиях. Она создала также более твердые гарантии соблюдения гражданских прав населения" (с. 105).

Вторая глава монографии посвящена политической реформе и особенностям политического режима в КНР в 1987 — 1997 гг. Как известно, в решениях XIII съезда КПК (1987 год) был сделан важный вывод о том, что существовавшая на тот период времени в Китае политическая система "не соответствует современному строительству в экономической, политической, культурной и других областях, а также требованиям развития социалистической товарной экономики, вследствие чего необходимо провести перестройку этой системы" (с. 132). Съезд определил перспективы и наметил ближайшие цели политической реформы в КНР. Так, в качестве перспективы политического развития называлось построение "жизнеспособной политической системы с высокоразвитой демократией, совершенным законопорядком и высокой эффективностью". Важнейшей характеристикой такой системы должна стать "высокоразвитая демократия", которая гарантирует право народа быть "подлинным хозяином страны". Все государственные структуры, политические партии, общественные, хозяйственные и культурные организации должны получить возможность "эффективно осуществлять свою деятельность на основе законов и установленных правил". Высокоразвитая демократия предполагает гарантии со стороны "хорошо организованного права" (*фацжи ваньбэй*). Политическая деятельность партии и государства должна находиться под контролем со стороны общества. При этом сама общественная жизнь также должна регламентироваться правовыми нормами (с. 132).

Краткосрочные цели политической реформы были связаны с созданием эффективной и жизнеспособной системы управления, в связи с чем предполагалось устранение чрезмерной централизации власти, преодоление в работе государственных структур бюрократизма и других негативных явлений.

Автор монографии анализирует основные решения XIII съезда КПК и пред-

принятые китайским руководством шаги по их реализации. В их числе — конкретные меры китайского руководства, направленные на размежевание функций партийных и государственных органов как на центральном уровне, так и на местах и в низовых организациях, поскольку, как отмечалось на съезде, на протяжении длительного периода партия и правительство в КНР не были разделены, и партийные органы в практической деятельности продолжали подменять государственные структуры.

При этом, как справедливо отмечается в книге, основные преобразования в политической сфере были вскоре приостановлены в связи с массовыми волнениями в Китае в 1989 году. Как известно, в решении 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (ноябрь 1989 года) о необходимости поддержания стабильности и проведения урегулирования акцент был сделан на усиление директивного планирования и централизованного управления. В этой связи, как убедительно показывает автор, остальные задачи, включая политическое реформирование, стали приобретать "периферийное значение" (с. 148). Вместе с тем, тема политической реформы не снималась с повестки дня, поскольку оставался в силе вывод Дэн Сяопина о том, что проведение в стране политических реформ является гарантией успешных преобразований в экономике.

К.А.Кокарев аргументировано доказывает, что на рубеже 1980-90 гг. произошла "существенная коррекция внутривнутриполитического курса КНР, в результате которой демократическая составляющая приобрела периферийное значение в реформировании политического режима. Приоритетное положение сохранило экономическое строительство, в интересах которого осуществлялась реорганизация административного управления и формировалась законодательная база" (с. 148). Сам политический режим все в большей степени стал опираться на авторитарные методы управления, были предприняты соответствующие меры по укреплению роли КПК, усилена централизация государственных органов, активизировалась деятельность правоохранительных и контрольных государственных структур.

По мнению автора, можно рассматривать как этапное значение XIV съезда КПК (октябрь 1992 года), на котором в качестве официальной идеологии была утверждена теория Дэн Сяопина о строи-

тельстве в КНР социализма с китайской спецификой, а также поставлена задача построения в Китае социалистической рыночной экономики как важнейшей составляющей социализма с китайской спецификой (с. 151).

Проведенное автором монографии глубокое исследование решений XIV съезда партии и последующих пленумов ЦК КПК, решений 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 8-го созыва (март 1993 года) и прежде всего — конституционных поправок, документов, принятых Государственным советом, а также конкретных шагов руководства КПК во внутривластительской сфере позволили ему сделать обоснованный вывод о том, что в указанный период “во всех политических решениях и практических действиях китайского руководства преобладала ориентация на всемерное поддержание стабильности в обществе и создание гарантий его поступательного развития по пути социализма в изменившихся в процессе реформ условиях”.

Анализируя эволюцию политического режима в Китае в первой половине 1990-х гг., К.А.Кокарев приходит к выводу о том, что этот процесс определялся последствиями внутривластительного кризиса в КПК и серьезным обострением экономической ситуации в стране, “которые поставили режим в положение, чреватое его дестабилизацией”. В этой связи меры китайского руководства по сохранению устойчивости политического режима в рассматриваемый период были связаны с отказом от установок XIII съезда КПК на разделение функций партии и правительства и концентрации усилий на укрепление идеологической и экономической составляющих режима (с. 165). При этом особое внимание уделялось противодействию оппозиции и преступным проявлениям, прежде всего среди руководящих кадров (*ганьбу*) в центре и на местах, в связи с чем были значительно усилены контрольно-дисциплинарные функции партийных и государственных органов, в том числе — карательно-репрессивные полномочия правоохранительных государственных структур.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет третья глава монографии, посвященная проблемам модернизации политического режима в КНР после XV съезда КПК (1997 — 2002 гг.). В центре внимания автора стоят такие вопросы, как всесторонний анализ выдвинутого XV

съездом КПК курса на формирование социалистического правового государства, проблемы партийного и государственного строительства, реализация на практике принципа “управления страной на основе закона”. Автор дает объективную оценку внутривластительской обстановки в стране и предпринятых китайским руководством мер по стабилизации политического режима.

Чрезвычайно интересной является представленная в монографии развернутая характеристика “основных идей тройного представительства”, которые на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 года) были утверждены в качестве руководящей идеологии партии наравне с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина.

Исследуя практику партийного строительства в современный период реформ, автор делает аргументированный вывод о том, что руководство КПК внесло существенные дополнения в политику рекрутирования новых членов партии, предоставив возможность вступления в КПК лицам, представляющим капиталистический сектор экономики, в том числе — живущим за счет эксплуатации наемных рабочих (с. 257).

В этой же главе представлен такой малоизвестный широкой аудитории материал как деятельность в КНР различных диссидентских организаций и элементов, а также национал-сепаратистских проявлений, выступающих как серьезные факторы, дестабилизирующие политический режим. В этой связи, по мнению автора, “власти в центре и на местах все больше ориентируются на ужесточение мер, призванных в складывающейся обстановке обеспечить стабильность политического режима как важнейшего условия дальнейших социально-экономических преобразований в стране под руководством КПК” (с. 270).

Особое внимание в рецензируемом издании уделяется политико-юридическим аспектам модернизации политического режима в КНР, анализу основных законодательных актов, принятых на важнейших этапах реформ. В соответствии с установкой XV съезда КПК “управлять страной, опираясь на закон” в 1999 году были внесены важные поправки в текст Конституции КНР, которая была дополнена положением о правовом правлении в Китае: “Китайская Народная Республика осуществляет управление, основанное на

законе (*ифа чжиго*), и строит социалистическое правовое государство (*фачжи гоцзя*)" (с.5). В работе излагаются основные положения принципа "управления страной на основе закона", показаны особенности его толкования и реализации в современных условиях. При этом справедливо подчеркивается, что установка на построение в Китае правового государства на данном этапе "находится в противоречии со всеохватывающими претензиями КПК на монопольное управление этим государством при отсутствии разделения властей. Китайская юстиция по-прежнему находится под полным контролем коммунистической партии" (с. 246).

Автор глубоко исследует такую важную составляющую политической реформы в Китае как кадровая реформа. В работе показаны основные этапы этой реформы, ее содержание на различных этапах проведения в центре и на местах. Большое внимание уделяется исследованию предпринятых в Китае мер по замене руководящих кадров всех уровней на лиц, преданных идеям обновленного политического курса, провозглашенного руководителями КНР-КПК "третьего поколения". Автор обращает также внимание на тот факт, что одновременно с этим был сформирован так называемый "резерв кандидатов" из числа лиц, "лояльных делу компартии и социализма" для назначения в будущем на руководящие должности.

Модернизация политического режима в КНР, по мнению китайского руководства, невозможна без проведения широкомасштабной административной реформы, призванной существенно повысить уровень государственного управления в условиях перехода от централизованно-плановой к рыночной экономике. В монографии показана динамика важнейших

преобразований как центрального, так и местного правительственного аппарата на различных этапах модернизации политического режима, проанализированы трудности объективного и субъективного характера, тормозившие этот процесс.

Содержание монографии К.А.Кокарева убедительно доказывает, что важнейшей функцией политического режима КНР на всех этапах реформ являлось обеспечение благоприятных политических условий и стабильности в обществе, без которых эффективная реализация преобразований в экономике и социально-политической жизни страны была бы невозможна (с. 340).

Несомненным достоинством рецензируемой монографии является широкое использование большого числа китайских источников, в том числе и мало известных в нашей стране, прежде всего — документов КПК, решений государственных органов КНР различных уровней, многочисленные работы китайских и зарубежных авторов, аналитические материалы. При этом чрезвычайно сложные социально-политические процессы, исследуемые в монографии, изложены убедительно, ясно и доступным языком. В полной мере это относится также и к переведенным автором с китайского языка официальным документам и материалам китайской и иностранной прессы.

Монография К.А.Кокарева вызвала большой интерес не только у специалистов-востоковедов, но и у всех тех, кто интересуется проблемами современного Китая. Несмотря на крайне ограниченный тираж (всего 300 экз.) представляется целесообразным рекомендовать данное монографическое исследование для использования в учебном процессе при подготовке будущих специалистов-китаеведов.

Конфуцианское "Четверокнижие" ("Сы шу"). Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. Отв. ред. и вступит. ст. Л.С. Переломова. Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит. РАН, 2004. 431 с.

На фоне довольно многочисленных в последние годы публикаций переводов китайской классики выход в свет рецензируемой книги внешне не выглядел ярким событием. Возможно, еще и потому, что включенные в нее переводы в других редакциях в разные годы уже издавались. Между тем этот труд обозначил существенный рубеж в изучении китайской интеллектуальной и духовной традиции российской наукой. Эту книгу президент России В.В. Путин 14 октября 2004 г. подарил председателю КНР Ху Цзиньтао, а ее презентация, состоявшаяся 25 октября 2004 г. в посольстве России в Пекине, получила широкий резонанс в научных кругах КНР. Впервые в истории отечественного востоковедения под одной обложкой объединены результаты переводческого и исследовательского труда разных поколений русских синологов, осваивающих конфуцианское "Четверокнижие".

Этот свод, с XIV-XV вв. получивший в Китае статус основы классической системы образования, был выделен из собрания наиболее почитаемых конфуцианцами древних памятников главным создателем доктрины неоконфуцианства, Чжу Си (1120-1300). Первые две из книг сборника — "Да сюэ" ("Великое учение") и "Чжун юн" ("Срединное и неизменное", "Следование середине") первоначально были главами памятника "Ли цзи" ("Записи о ритуале") и впоследствии стали рассматриваться как самостоятельные произведения. Третий памятник — "Лунь юй" ("Суждения и беседы") излагает высказывания Конфуция (Кун-цзы, 551-479 до н.э.), признанного основоположника идеологической и теоретической системы *жу цзя* ("школа ученых-эрудитов"), или *жу цзяо* ("учение ученых-эрудитов"), известной на Западе как "конфуцианство". Четвертая книга — "Мэн-цзы" передает взгляды крупнейшего из древних последователей Конфуция, Мэн Кэ (ок. 372-289 до н.э.).

Резоны для выделения именно этих книг в отдельный свод китаеведы видят по-разному. Так, Л.С. Переломов считает включение в "Четверокнижие" трактатов

"Да сюэ" и "Мэн-цзы" следствием критического отношения Чжу Си к идеологии легизма — наиболее мощного из идеологических недругов древнего конфуцианства (с. 38). Другие ученые усматривают в книгах "Сы шу" общий акцент на роли "благородного мужа" (*цзюнь-цзы*) — нормативной личности конфуцианства — как гаранта и реализатора социо-природной гармонии в ойкумене (Поднебесной). В "Да сюэ" и "Чжун юне" *цзюнь-цзы* функционально отождествляется с "совершенномудрым человеком" (*шэн жэнь*), представлявшим идеал личности, которая приводит мир к гармонии. Как духовно-нравственный ориентир для *цзюнь-цзы* "совершенномудрые" древние правители фигурируют в "Лунь юе", а в "Мэн-цзы" развернута концепция исходно "доброй" природы человека, сохранение которой в изначальной чистоте предполагает возможность приближения к идеалу "совершенномудрого". Примечательно, что в "Чжун юне" Конфуций включается в один ряд с "совершенномудрыми" государями древности (чж. 30). С самого начала оформления "Четверокнижия" в единый свод в нем подразумевалось выражение конфуцианской ортодоксии, и в этом качестве с комментариями Чжу Си оно и стало основанием экзаменационных нормативов в имперской аттестационной системе (см., в частности, с. 241).

Хотя, как уже отмечалось, переводчики и составители рецензируемой книги принадлежат к разным поколениям, она, тем не менее, представляет объективную картину особенностей изучения в России конфуцианской мысли на современном этапе. Все переводчики из числа наших современников — фигуры первого ряда в этой области синологии, а переводы и комментарии отражают разнообразие научных подходов к указанной тематике. Так, А.И. Кобзев выступает строго с позиций истории философии. Он предлагает вниманию читателя чжуанскую версию "Да сюэ". В этом тексте, традиционно первом в "Четверокнижии", определяется смысл и соотношение знаменитых

"трех устоев" (*сань ган лин*) — духовно-нравственных ориентиров для правителя или "благородного мужа" и "восьми основоположений" (*ба тяо му*) — ступеней и одновременно последовательных условий упорядочивающего воздействия человека сначала на собственную личность, а затем на окружающий мир. "Да сюэ" в переводе Кобзева выходило еще в 1986 г. Нынешняя публикация отличается тем, что памятник издается с подробными комментариями Чжу Си, в составе его произведений "Да сюэ чжан цзюй" ("Великое учение (с построчными и пофразовыми [разъяснениями]"). Таким образом, А.И. Кобзев представляет "Да сюэ" именно как часть "Сы шу" (нормативного свода, имевшего конкретное культурное и образовательное назначение как раз в чжусианской трактовке.

В то же время исторические изменения текста, способы его компановки, замену иероглифов, толкования комментаторами отдельных знаков, понятий и пассажей А.И. Кобзев рассматривает во вводной статье как маркеры различных философских парадигм, их борьбы и взаимодействия в границах конфуцианской мысли. Так, Чэн И (1033-1107) и его ученик Чжу Си существенно изменили структуру древнего текста — выделили основной ("канонический" — *цзин*) и комментирующий (*чжжуань*) разделы, соответственно перекомпоновали текст, разбили его на статьи и параграфы. Отдельные части они объявили "испорченными", переосмыслили их и даже дополнили. Например, один из "трех устоев" (тезис о "породнении [правителя] с народом") (*цин минь*) (стал звучать как "обновление народа") (*синь минь*), что акцентировало "переадресацию" текста, первоначально мыслившегося как поучение правителю: теперь он предназначался для "взрослых людей" (см. с. 74), намеревающихся быть "благородными мужами". Примечательно, что оппонировавший Чжу Си и его последователям в рамках неоконфуцианства Ван Янмин (1472-1529) построил свое опровержение чжусианского толкования "Да сюэ" на древней версии текста, отвергнутой его идейными противниками (с. 75-76).

Как и другие участники сборника, особенно Л.С. Переломов, А.И. Кобзев скрупулезно фиксирует скрытые цитаты, обороты и выражения, взятые из иных памятников конфуцианской классики. Но для него большое значение имеет также задача философски и лингвистически точного определения смысловых границ категорий и понятий конфуцианской мысли.

Уже во вводной статье, рассматривая ряд категорий, он фиксирует их контекстуальные значения в разных древних памятниках (с. 78-80). Примечательно, что вводная статья А.И. Кобзева превышает все другие по объему, больше своих коллег он дал и примечаний на странице перевода. Это указывает на специфику отношения А.И. Кобзева к текстологическим нюансам, вытекающую из его историко-философской нацеленности.

Выполненный А.Е. Лукьяновым перевод "Чжун юна", вводная статья и комментарий к нему демонстрируют отчетливый философско-культурологический подход к памятнику. Во введении лишь мельком упоминается термин "культура Дао", введенный проф. Лукьяновым, но его пояснения к тексту полностью укладываются в эту разработанную им концепцию. Под "культурой Дао" понимается базовая культурно-архетипическая парадигма китайской цивилизации, отличающаяся последней от других цивилизаций ("культура Логоса" на Западе, "культура Ом" в Индии, "культура Глагола" в России). Культуры мыслятся как некие сферические (по образу универсума) объемы, которые внутренне организуются и динамически дифференцируются посредством систем специфических культурных архетипов. Конфуцианская версия мирового процесса, по мнению проф. Лукьянова, выраженному в других его работах, требовала поместить в организующий центр универсума на место ушедших "совершенномудрых" правителей, "благородного мужа", что, в частности, он и обнаруживает в "Чжун юне". Уже в первом чжане переводчик усматривает "конфуцианскую картину космогенеза", в которой "благородный муж выступает в ипостаси первоединого", т.е. космического начала (с. 128). Словосочетание *шэнь ду* А.Е. Лукьянов переводит как "серьезность в самостоянии" ("вот почему благородный муж так серьезен в самостоянии"), которое в комментарии трактуется как "предкосмическая онтологическая одинокость" (там же).

Обычно же *шэнь ду* понималось как форма конфуцианской духовной практики и особый поведенческий императив (по А.И. Кобзеву — "быть бдительным наедине с собой" или даже "остерегаться собственной обособленности", см. с. 104). Соответственно, первый чжан "Чжун юна" чаще всего толковался китайскими комментаторами как требование благоговейной чуткости к импульсам онтологической сердцевины мироздания, рождающей все многообразие его проявлений, поскольку эта сердцевина и есть источник гармонии.

Представляется, что оригинальная трактовка смысла текста проф. Лукьяновым, ее соотношение с прежними толкованиями могут "потеряться" для читателя из-за крайней лапидарности вводной статьи и комментария. Остается пожалеть, что в данном издании представлена лишь малая толика комментариев А.Е. Лукьянова, которые содержались в составленном им же сборнике переводов "Чжун юн", вышедшем в 2003 г.

Л.С. Переломов, ответственный редактор издания, помимо вступительной статьи к сборнику представивший также комментированный перевод "Лунь юя", демонстрирует преимущественный интерес к традициям политической культуры Китая. "Четверокнижие" в глазах ученого предстает едва ли не главным образом иллюстрацией исторического противоборства конкурирующих течений политической мысли, прежде всего конфуцианской и легистской. Институт "политика — история" в политической культуре Китая, по Л.С. Переломову, проявлял себя наиболее ярко в противостоянии конфуцианской и легистской символики (кампания "критики Линь Бяо и Конфуция" первой половины 70-х годов и т.п.). Причем историческая победа остается за конфуцианством: с конца 70-х годов XX в. в континентальном Китае исподволь стала возрождаться тенденция к использованию в политической и идеологической практике конфуцианской фразеологии, к возрождению культурно-исторического авторитета наследия *жу цзя*. Этот процесс начался с обращения Дэн Сяопина к конфуцианской формуле *сяокан* ("малое процветание") для обозначения стратегической цели реформ и ныне проявляет себя в выступлениях руководителей страны, в официальных идеологических документах, в активности гуманитариев, отыскивающих связь текущих идеологием с известными конфуцианскими концепциями, в усилиях властей по пропаганде исторических моральных ценностей, по налаживанию изучения конфуцианской классики в начальных и средних школах, в деятельности конфуцианских обществ и фондов и т.п. (с. 56-70).

Интерес к политико-идеологической стороне конфуцианской традиции, прежде всего в ее морально-нравственном выражении, отчетливо проявился и в комментариях Л.С. Переломова к выполненному им переводу "Лунь юя" (за этот перевод и сопровождавшее его исследование, вышедшие в 1999 г. отдельной книгой, их создатель был удостоен премии Президиума РАН им. С.Ф. Ольденбурга). При переводе данного текста, в котором "изрече-

ния мыслителя... перемежаются ответами на вопросы учеников, пространный диалог — с воспоминаниями учеников о Конфуции и т.п." (с. 151), Л.С. Переломов стремился учесть не только чжусианские, но все основные комментаторские версии, в том числе самые поздние, а также трактовки переводчиков "Лунь юя" на иностранные языки.

Основные понятия учения Конфуция Л.С. Переломов разъясняет во вступительной статье к сборнику (на с. 18-23), но без указания контекстуальных особенностей этих понятий в различных памятниках и у разных мыслителей. Перевод понятия *ли* словом "правила" (у А.И. Кобзева — "этико-ритуальная благопристойность", у А.Е. Лукьянова — "ритуал") Л.С. Переломов сопровождает ссылкой на мнение П.С. Попова (1842-1913), высказанное более столетия назад (с. 22). Это несколько не ставит под сомнение репутацию Л.С. Переломова как блестящего переводчика и выдающегося историка, но лишь проясняет его профессиональные приоритеты. В данном случае речь идет о верности главного смысла конкретного текста, представляющего духовно-нравственный слепок действовавшей в определенных исторических обстоятельствах конкретной же личности — но такой, масштаб которой далеко перекрыл границы ее эпохи, на тысячелетия определив основные параметры национальной политической культуры. Сложнейшая задача совмещения столь разномасштабных фокусов исследовательского внимания действительно мало облегчается привнесением многочисленных дополнительных измерений, предлагаемых историко-философскими изысками.

В то же время справедливости ради следует указать, что во времена П.С. Попова слово "правило" еще не имело столь отчетливого смыслового оттенка чисто внешнего формального предписания, с которым оно ассоциируется у современного читателя. Попов представлял ту культуру, в которой понятие "правило" соотносилось, в частности, и с молитвенным правилом (утренным, дневным, вечерним) как средством и процессом духовного "выправления" человека. Поэтому для эпохи Попова слово "правило" было вполне удачной переводческой находкой. Примечательно также, что конфуцианская традиция после Мэн-цзы подразумевала внутренний характер *ли*. Данная категория входила в комплекс *у чан* — "пяти постоянств" — наряду с "гуманностью/человечностью"-*жэнь*, "долгом/справедливостью"-*и*, "мудростью"-*чжи* и "верностью/искренностью"-*синь*, т.е. с внутрен-

ними, духовно-нравственными и интеллектуальными, качествами личности. Это учитывает перевод, предложенный А.И. Кобзевым, — “благопристойность” (причем именно “этико-ритуальная”), подчеркивающий не столько нормативность, даже внутренне укорененную, сколько стойкую ориентацию на осуществление деонтологического “блага”.

Вместе с тем нельзя не отметить, что текст “Лунь юя” исторически предшествует “Мэн-цзы”, в котором продолжена разработка понятийного арсенала, использовавшегося Конфуцием. Перевод этого текста и комментарии Л.С. Переломова к нему уже стали классикой отечественного китаеведения. К сожалению, технические ограничения не позволили дать комментарий переводчика полностью. В частности, опущен анализ различных толкований первого стиха первой главы “Лунь юя”, представленный в издании 1999 г. Это видится существенной потерей: даже в сокращенном виде названный анализ мог бы с успехом сыграть роль “мастер-класса” для будущих синологов. Так что для данной цели преподавателям придется использовать упомянутую выше книгу Л.С. Переломова.

Перевод “Мэн-цзы” в исполнении П.С. Попова вообще принадлежит другой эпохе отечественного китаеведения. Это самый объемный из памятников “Сы шу” и единственный из них, предлагающий относительно развернутую аргументацию (эристического плана) философских и идеологических положений. Он построен как сборник, включающий наряду с отдельными высказываниями Мэн-цзы также описания его диалогов с правителями и сановниками, учениками и оппонентами. В памятнике представлены, в частности, доктрина “правления на основе гуманности”, ставшая знаменем господствующего течения в конфуцианстве, а также не менее значимая для него концепция исконно доброй природы человека и соответствующих ей врожденного “знания блага” и “благих возможностей” (у А.И. Кобзева — “благосмыслия” и “благомочия”). Перевод П.С. Попова “не имеет строгой историко-философской установки”, “учебные задачи простираются в некоторой дословности перевода”, который был адресован как студентам-китаеведам, так и любому образованному русскому

читателю (с. 244). Тем не менее российская синология пока не создала этому тексту полноценной замены (увидевший свет в 1999 г. перевод В.С. Колоколова создан в 60-е годы, соответственно, не учитывает более поздние изыскания отечественных и зарубежных синологов).

Однако не следует полагать, что составители механически перенесли перевод столетней давности в современное издание. Текст и комментарий к нему подвергся редакторской обработке, преимущественный вклад в которую внес В.М. Майоров. Перевод был сверен с китайским текстом, отмечены и восполнены пропуски, во внутритекстовых примечаниях и сносках даны редакционные уточнения и дополнения, уточнены также имена собственные, осовременены транскрипция китайских имен и терминов, рубрикация текста.

При всем различии переводческого и научного почерков участников сборника он несет отпечаток формальной и содержательной унификации. Вводные статьи к отдельным книгам содержат сведения (в разной степени подробно) об обстоятельствах создания и складывания каждого памятника, вариантах текста, его комментировании, содержательных особенностях, переводах на иностранные языки (в информации о “Чжун юне” почему-то не указаны публикация перевода А.С. Мартынова от 1984 г. и дореволюционное переложение П. Буланже с английского перевода Дж. Легга на русский язык (см. книгу “Конфуций. Лунь юй. Изречения”. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 380-423). Наряду с транскрипцией китайских терминов и выражений в вводных статьях, комментариях и сквозных аннотированных указателях имен и письменных памятников приведено иероглифическое написание.

Первая публикация полного конфуцианского “Четверокнижия” фактически дала в руки будущим синологам и их преподавателям компендиум знаний не только о ядре китайской классической интеллектуальной и духовной традиции, но и об основных достижениях мирового и отечественного китаеведения в изучении этого ядра. Книга, по сути, подвела итог определенному этапу в истории изучения конфуцианства в России, показав как достижения, так и перспективы дальнейшего развития изысканий в данной области.

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2005 год

ДОКУМЕНТЫ

- Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества.....№ 5
Совместное российско-китайское коммюнике.....№ 4
Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке .....№ 4
Совместное коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики.....№ 4

КРУГЛЫЙ СТОЛ ИДВ

- Обсуждение сборника статей "История и современное состояние китайско-российских отношений"..... № № 3, 4

РОССИЯ-КИТАЙ-ИНДИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

- С.Уянаев*. К итогам 5-й конференции ученых трех стран в Пекине.....№ 5
М.Титаренко. О значении взаимодействия России, Китая и Индии на фоне нынешних глобальных и региональных перемен.....№ 5
Жуань Цзунцзэ. Современная международная ситуация и отношения между Китаем, Россией и Индией.....№ 5
В.Кхана. Обзор международной и региональной ситуации.....№ 5

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

- К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. ....№ 3
К.Асмолов, И.Куртуков, Б.Юлин. К 60-летию Победы на Дальнем Востоке: о некоторых вопросах историографии.....№ 5
А.Кошкин. Вступление СССР в войну с Японией и территориальный вопрос .....№ 4

К 40-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

- Л.Волкова*. Изучение аграрных проблем КНР в ИДВ РАН.....№ 4
Л.Гудошников. Исследование политико-юридических проблем Китая в ИДВ РАН.....№ 6

<i>Р.Мировицкая, В.Барышников.</i> Геннадий Васильевич Астафьев — один из основателей Института Дальнего Востока.....	№ 6
<i>В.Портяков.</i> О перспективах развития Китая, ...	№ 5

ПОЛИТИКА

<i>К.Асмолов.</i> КНДР сейчас — сталинизм, застой или ползучая перестройка?.....	№ 2, 3
<i>Я.Бергер.</i> К кончине Чжао Цзыяна.....	№ 2
<i>А.Давыдов.</i> Китай в современной внешнеполитической стратегии США.....	№ 3
<i>П.Каменнов.</i> Военная политика КНР и ее тайваньский аспект.....	№ 6
<i>В.Кашин.</i> Новые нюансы военно-политической ситуации в Тайваньском проливе.....	№ 1
<i>К.Кокарев.</i> Политическая система Аомэня.....	№ 1
<i>А.Клименко.</i> Стратегическое партнерство между Россией и Китаем в Центральной Азии и некоторые пути совершенствования региональной системы безопасности.....	№ 2
<i>Р.Мирзоев.</i> Возрождение Великого шелкового пути.....	№ 4
<i>Н.Омаров.</i> Эволюция и приоритеты Шанхайской организации сотрудничества через призму национальных интересов Кыргызской Республики.....	№ 2
<i>В.Портяков.</i> Основные особенности современного политического курса китайского руководства.....	№ 6
<i>Г.Степанова.</i> О некоторых тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников (хуацяо) в последние годы.....	№ 4
<i>В.Тимошенко.</i> Национальная безопасность Австралии и внешняя политика правительства Дж. Ховарда на рубеже XX-XXI вв.....	№ 3
<i>Чжу Чжэнхун.</i> Региональная безопасность Центральной Азии и Россия после событий 11 сентября.....	№ 1
<i>Чжай Кунь.</i> 1991-2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН — исторический обзор и стратегия на будущее.....	№ 5
<i>Г.Яскина.</i> К вопросу об исторических судьбах социализма в странах Азии.....	№ 2

ОБЩЕСТВО

<i>Я.Бергер.</i> Синие книги как источник для изучения социальных процессов в Китае.....	№ 4
<i>Л.Гудошников, К.Кокарев.</i> Развитие теории права в Китае (К юбилею профессора Сунь Гохуа).....	№ 6
<i>О.Почагина.</i> Проблема суицида в современном Китае.....	№ 2
<i>О.Почагина.</i> Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае.....	№ 5, 6

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

С.Грибова. Экономические взаимосвязи Забайкалья со странами СВА.....	№ 2
Е.Деваева. Внешняя торговля Дальнего Востока России.....	№ 4
Л.Забровская. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х — 2003 гг.).....	№ 5
А.Коржубаев. Перспективы добычи нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России.....	№ 6
И.Трокурова. Модели интеграции российского Дальнего Востока в АТЭС.....	№ 2

ЭКОНОМИКА

Л.Аносова. VI российско-китайский симпозиум ученых- экономистов.....	№ 6
Е.Баженова, А.Островский. От Цинхя до Циндао (Особенности экономической реформы в западных и восточных регионах КНР).....	№ 2
Ба Цзиньсинь. Формирование транснациональных корпораций в Китае.....	№ 5
И.Куранова. Инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией.....	№ 5
Л.Кондрашова, Ма Вэньцзе. КНР: выбор региональных приоритетов.....	№ 1
А.Лопатина. Проблема передачи современных технологий из США в Китай.....	№ № 5, 6
З.Муромцева. Фармацевтика Китая в XXI веке.....	№ 1
Нгуен Ван Бинь. Развитие внешнеторговых отношений СРВ со странами ЕС.....	№ 3
Л.Новоселова. Развитие иностранного предпринимательства в КНР.....	№ 3
А.Плотников. Структурно-экономические аспекты реформы военно-промышленного комплекса Китая.....	№ 5
Э.Пивоварова. Реально оценивать современную социально- экономическую ситуацию в КНР.....	№ 1
А.Салицкий, Ю.Макеев, А.Шахматов. К вопросу о ценовой конкурентоспособности КНР, Индии и России.....	№ 4
Ху Аньган. Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики?.....	№ 1
Д.Цыренов. Новый шаг в совершенствовании контроля и управления государственным имуществом КНР.....	№ 4
Чжан Цзяньжун. Анализ явлений "серого бизнеса" в народной торговле между Россией и Китаем (Комментарий Я.М.Бергера).....	№ 1
А.Чиркин. Интеграция российской экономики в мировую экономику как общее условие обеспечения безопасности.....	№ 3

ИСТОРИЯ

Н.Аблова. Деятельность белоэмигрантских организаций в Китае во время обострения советско-китайских отношений (1929-1931 гг.).....	№ 4
В.Богданов. Судьба исследователя Курил и Японии Ивана Козыревского.....	№ 1

<i>Л.Березный.</i> К истории "деревенского маршрута" китайской революции: современные тенденции в западной историографии. № № 5, 6	
<i>Ки Кван Со.</i> Из истории формирования вооруженных сил Северной Кореи.....	№ 6
<i>Вл. Ли.</i> Корейцы российского Приморья в борьбе за независимость Кореи.....	№ 1
<i>Ли Даньхуэй.</i> Некоторые вопросы китайско-советских отношений в 1960-е годы.....	№ 1
<i>Н.Моллеров.</i> Урянхайский край (Тува): от объекта внешней политики — к статусу субъекта международного права.....	№ 6
<i>В.Усов.</i> Группа Рихарда Зорге в Китае (1930-1932 гг.).....	№ 3
<i>М.Федорова.</i> Истоки японо-китайских разногласий вокруг архипелага Сэнкаку (Дяоюйдао).....	№ 1

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

<i>А.Волохова.</i> Русско-японская война 1904-1905 гг. в судьбе российского дипломата А.И.Павлова.....	№ 5
Из переписки И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом в Китае Л.М.Караханом (август 1923 г. — сентябрь 1926 г.) (Публикация и предисловие А.И.Картуновой).....	№ № 2, 3

ФИЛОСОФИЯ

<i>О.Городецкая.</i> Дух и тело в погребальных традициях древнего Китая.....	№ 2
--	-----

РЕЛИГИЯ

<i>С.Горбунова.</i> Идеологические интерпретации социальной роли религии и буддизм в КНР.....	№ 2
---	-----

КУЛЬТУРА

<i>О.Завьялова.</i> Китаеязычный ареал Азии в эпоху информационных технологий.....	№ 1
<i>Е.Таскина.</i> Русские художники в Китае.....	№ 3
<i>С.Торопцев.</i> Роль Чжан Имоу в развитии китайского кино.....	№ 5

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА КИТАЯ

<i>Г.Буров.</i> Шаолинь.....	№ 4
------------------------------	-----

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

<i>Г.Куликова, Т.Турчак.</i> Торжественное собрание, посвященное 60-летию окончания Второй мировой войны.....	№ 6
<i>Г.Куликова.</i> 100-летие со дня рождения Чэнь Юня.....	№ 4
<i>Г.Куликова.</i> Делегация Службы вещания на русском языке Международного радио в России.....	№ 1
<i>Г.Куликова.</i> Презентация книги академика С.Л.Тихвинского "Век стремительных перемен.".....	№ 6
<i>М.Титаренко.</i> К 100-летию со дня рождения Чэнь Юня.....	№ 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К.Асмалов. Ученые России и РК об актуальных проблемах Корейского полуострова (по материалам международных конференций).....	№ 6
Н.Боревская. Международная конференция в КНР.....	№ 6
О.Борох, А.Ламанов, А.Островский. Пятнадцатая конференция ЕАК.....	№ 3
Н.Боревская. Международная конференция в КНР.....	№ 6
В.Бородич. Обсуждение вопросов социально-политического развития КНР в ИДВ РАН.....	№ 2
Вручение диплома "Почетный доктор РАН" профессору Чэнь Куйюаню.....	№ 4
Д.Глазева. XI Всероссийская научная конференция "Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация".....	№ 4
А.Давыдов. Семинар по тайваньской проблеме.....	№ 2
IX конференция корееведов: новые горизонты.....	№ 3
Е.Ким. Чон Чже Мун — Почетный доктор ИДВ РАН.....	№ 2
Лу Юнсян. Общие сведения об Академии наук КНР и проекты интенсификации научных инноваций.....	№ 1
А.Москалев. На заседании в ИДВ РАН, посвященном 40-летию юбилею Тибетского автономного района КНР.....	№ 6
В.Портяков. Конференция китаеведов Австралии.....	№ 4
В.Портяков. О международных конференциях по этническим проблемам Азии.....	№ 1
О.Почагина. XV Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы".....	№ 6
С.Торопцев. Ван Мэн — Почетный доктор ИДВ РАН.....	№ 1
В.Чуванкова, Е.Лапишина. Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2004 г.....	№ 2
А.Шлындов. Ученый совет ИДВ РАН, посвященный 60-летию Победы на Дальнем Востоке.....	№ 6

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

А.Передня, А.Коротченков. Главная проблема рыбной промышленности Приморского края.....	№ 5
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

В.Барышников. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности.....	№ 4
В.Бородич. Россия за 10 лет: политика, экономика, международные отношения. Под ред. Пань Дэли.....	№ 3
Вл. Ф. Ли. Чон Дже Мун. Россия далекая и близкая. Мои переговоры в Москве.....	№ 5
В.Гринюк. Масару Сато. Западня, устроенная государством. Меня называли Распутиным МИДа.....	№ 5
Н.Гуреева. Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая.....	№ 6

<i>А. Желоховцев.</i> Ли Суйань. История китайско-советских культурных обменов (1937-1949 гг.).....	№ 1
<i>А. Желоховцев.</i> Ван Мэн. Следы на склоне, ведущие вверх.....	№ 2
<i>Г. Кубышина.</i> Сборник "Пятый российско-корейский форум".....	№ 1
<i>А. Карнеев.</i> Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. Рук. проекта М.Л.Титаренко.....	№ 4
<i>С. Лузянин.</i> Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М.Л.Титаренко.....	№ 2
<i>И. Лебедева.</i> Сенаторов А.И. Очерки административной реформы в Японии.....	№ 3
<i>В. Павлятенко.</i> Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век.....	№ 2
<i>Л. Переломов.</i> Рыкова С.Л. Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Дусю.....	№ 4
<i>В. Портяков.</i> Федотов В.П. Полвека вместе с Китаем: воспоминания, записи, размышления.....	№ 6
<i>Г. Степанова.</i> Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая.....	№ 3
<i>Е. Сафронова.</i> Международные отношения Китая. Ежегодник 2004.....	№ 1
<i>Ф. Хамраев.</i> Аблат Ходжаев. Китайский фактор в Центральной Азии.....	№ 5
<i>А. Юркевич.</i> Конфуцианское "Четверокнижие" (Сы шу).....	№ 6
<i>Г. Яскина.</i> Сборник. Индокитай: тенденции развития.....	№ 3

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 90-летию Л.А.Березного.....	№ 3
Галина Вениаминовна Куликова.....	№ 2
Павлу Борисовичу Каменнову 70 лет.....	№ 3
Игорю Николаевичу Коркунову 80 лет.....	№ 2
Николаю Сергеевичу Тихонову 70 лет.....	№ 3
Николаю Петровичу Тебину 70 лет.....	№ 2
Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2005 год.....	№ 6

Иван Иванович Коваленко
13.02.1918 — 26.07.2005

26 июля 2005 г. после тяжёлой продолжительной болезни скончался Иван Иванович Коваленко. Ушёл из жизни видный партийный работник и крупный учёный, игравший важную роль в развитии отношений между СССР и Японией и в советском и российском востоковедении.

Иван Иванович Коваленко родился 13 февраля 1918 г. в посёлке Тамга Приморского края в семье крестьянина. После окончания средней школы поступил на японское отделение восточного факультета Дальневосточного государственного университета в г. Владивостоке. После четвёртого курса университета в 1939 г. был призван на действительную военную службу. В 1940 году, будучи военнослужащим, успешно сдал экстерном государственные экзамены в Московском институте востоковедения и получил диплом референта-переводчика японского языка.

Война для Ивана Ивановича Коваленко началась на западном фронте осенью 1941 г., где он — офицер — инструктор по спецпропаганде на войска противника — был тяжело ранен. В 1945 году И.И.Коваленко участвовал в боевых операциях против империалистической Японии в составе войск 2-го Дальневосточного фронта.

В 1945 — 1949 гг. И.И.Коваленко — ответственный редактор газеты “Нихон симбун” (“Японская газета”), издававшейся в Хабаровске для японских военнопленных. Газета была эффективным средством пропаганды советской идеологии, а также внутренней и внешней политики среди сотен тысяч японских военнопленных. Многие из них, вернувшись на родину, пополнили ряды Коммунистической партии Японии, левых профсоюзов и общественных организаций.

В 1957 г. И.И.Коваленко был отозван из рядов Советской Армии и назначен на должность заведующего Отделом Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока Госкомитета СССР по культурным связям с зарубежными странами.

С 1963 г. И.И.Коваленко — заведующий сектором Международного отдела ЦК КПСС, а с 1980 г. — заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС. В круг его обязанностей входили вопросы взаимоотношений Советского Союза с Японией и рядом стран Восточной Азии. И.И.Коваленко был сторонником развития и улучшения советско-японских межгосударственных отношений, играл важную роль в укреплении добрососедства между народами двух стран. На это была нацелена и многолетняя общественная деятельность И.И.Коваленко в качестве заместителя председателя общества “СССР-Япония”.

Используя своё положение в Международном отделе ЦК КПСС, И.И.Коваленко оказывал активную поддержку академическим исследованиям по Японии. Он был одним из инициаторов учреждения в 1972 г. издания — “Ежегодник Япония”, который стал и продолжает оставаться своеобразным организующим центром российских японоведов. И.И.Коваленко входил в редколлегию ежегодника, а с 1979 г. на общественных началах исполнял обязанности главного редактора этого издания.

Одновременно И.И.Коваленко и сам вёл большую научную работу. Он внёс весомый вклад в изучение Японии, особенно демократического и коммунистического движения в этой стране. В 1973 г. он получил учёную степень кандидата исторических наук, а в 1976 г. — доктора исторических наук. Его перу принадлежат монографии “Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны” (1979 г.), “Очерки истории Коммунистиче-

ского движения в Японии после второй мировой войны” (1981 г.), “Коммунистическая партия Японии. Очерки истории” (1987 г.). В круг научных интересов И.И.Коваленко входило и изучение движения неприсоединения. В 1976 г. после защиты диссертации на эту тему ему была присуждена учёная степень доктора исторических наук, вышла в свет монография. В 1979 г. И.И.Коваленко получил звание профессора по кафедре всеобщей истории. Долгие годы он был членом редколлегии журнала “Проблемы Дальнего Востока” и одним из его авторов. С 1989 г. до момента кончины И.И.Коваленко работал в Институте востоковедения РАН.

И.И. Коваленко был хорошо известен в Японии как крупный политик, оказывавший влияние на решение вопросов советско-японских отношений, и авторитетный учёный.

И.И.Коваленко принадлежал к числу лучших партийных работников — талантливых, образованных и волевых — которые составляли силу советского государства и твёрдо отстаивали его интересы. Он был строгим руководителем. Выросший и воспитанный в трудное время, проявлял высокую требовательность, которая определялась не только интересами дела, которому И.И.Коваленко преданно служил, но и заботой о профессиональном росте и в конечном счёте о будущем подчинённых. За внешней суровостью скрывалась большая человеческая доброта. За людей, работавших под его началом, И.И.Коваленко искренне болел и делал для них всё, что было в его силах.

Память об Иване Ивановиче Коваленко — крупном руководителе и видном учёном, талантливом и чутком человеке — навсегда сохранится в сердцах людей.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 15.10.2005 г. Подписано к печати 14.11.2005 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,2 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 895 экз. Зак. 799

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2005 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.